Вл. Горнъ, В. Мечъ, Череванинъ.

БОРЬБА

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ВЫПУСКЪ III.

Крестьянство и революція.

1. *Н. Саваренскій.* Экономическое движеніе крестьянства.
2. *П. Маревъ.* Политическая борьба крестьянства.
3. *Вл. Горнъ.* Роль крестьянства въ революціи.

СКЛАДЪ ПРИ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“.

Т-во типографія А. И. Мамонтова, Москва, Леонтьевскій пер., д. № 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ставя своей задачей выяснить причины и развитіе одного изъ движеній, составляющихъ въ своей совокупности тотъ общественный кризисъ, который зовется русской революціей, авторы настоящаго сборника не скрывали отъ себя громадныхъ, трудно преодолимыхъ препятствій, стоящихъ на ихъ пути.

Революція еще не ликвидирована, и слѣдовательно нельзя еще признать крестьянское революціонное движеніе закончившимся. Пока же движеніе не отошло въ область прошлаго, пока оно не проявило всѣхъ заключающихся въ немъ потенцій, до тѣхъ поръ нельзя дать исчерпывающей его характеристики и, мало этого, нельзя быть увѣреннымъ въ правильномъ пониманіи совершившагося. Тѣ элементы движенія, которые кажутся слабыми, побочными, могутъ получить въ будущемъ преобладающее значеніе и дадутъ прошлому новое, неожиданное освѣщеніе.

Это первое затрудненіе. Второе заключается въ крайней громоздкости, отрывочности и субъективности самыхъ свѣдѣній о движеніи.

Чтобы справиться съ этими помѣхами, необходимо было найти объективные показатели движенія. Фактъ можетъ считаться не только понятымъ, но и установленнымъ только тогда, когда онъ можетъ быть объясненъ, т.-е. будетъ включенъ въ цѣпь причинъ и слѣдствій. Поэтому свѣдѣнія о событіяхъ крестьянской революціи, будучи расклассифицированы по ихъ качественнымъ признакамъ (цѣли и формы движенія), были сопоставлены съ данными объ условіяхъ соціально-экономическаго быта участвующаго въ движеніи крестьянства. И лишь послѣ того, какъ удалось установить причинную связь между характеромъ событій и условіями

существованія, можно было рѣшиться высказать опредѣленное сужденіе о содержаніи движенія.

Вставалъ и другой вопросъ. Какимъ образомъ изобразить движеніе?

Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ такимъ обазомъ. Движеніе было расчленено на два основныхъ процесса: процессъ соціально-экономической борьбы и процессъ борьбы политической. Это раздѣленіе вызывалось не только различіемъ въ способахъ изученія, но и фактомъ—обнаруженнымъ уже при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ предметомъ — гораздо большаго распространенія массовыхъ экономическихъ движеній, по сравненію съ таковыми же политическими.

Для изученія экономическаго движенія пришлось прибѣгнуть къ статистическому методу, который одинъ только позволилъ установить сравнительное значеніе разныхъ формъ движенія, ихъ устойчивость и измѣнчивость въ теченіе революціоннаго кризиса. Этотъ же методъ далъ возможность, хотя и крайне грубо, оцѣнить количество движенія.

Описанія содержанія движенія были приведены только для иллюстраціи статистическихъ выводовъ.

Что касается политическаго движенія, то главное вниманіе было обращено на изученіе тѣхъ вліяній, которымъ подвергалось крестьянство, на образованіе политическихъ крестьянскихъ организацій, на проявленіе политической мысли и воли крестьянства, нашедшихъ свое выраженіе въ приговорахъ сходовъ, на мѣстныхъ и общихъ съѣздахъ крестьянскаго союза, въ двукратныхъ выборахъ въ Думу и въ дѣятельности думскихъ представителей крестьянства и, наконецъ, въ непосредственныхъ столкновеніяхъ крестьянства съ агентами государственной власти.

Изучивъ, такимъ образомъ, крестьянское движеніе, выяснивъ причины, разрушившія вѣковую инертность сельской Россіи, нельзя было не задаться вопросомъ о роли крестьянской революціи въ общемъ ходѣ россійской революціи. Этой темѣ посвящена особая статья.

Экономическое движеніе крестьянъ.

Исторія русскаго крестьянства—это исторія страданій, исторія „черныхъ дней“, разсказъ о борьбѣ мужика за „черный хлѣбъ“.

„Великая реформа 61 года“ была освобожденіемъ не только отъ крѣпостной зависимости, но и отъ земли. Въ 45 губ. Европейской Россіи при освобожденіи помѣщичьи крестьяне потеряли 1.342 тыс. или 3.8% всей земли, находившейся въ ихъ пользованіи наканунѣ реформы. При этомъ въ 29 г. Европ. Россіи было отрѣзано 3.966 тыс. дес., а въ 16-ти прирѣзано 2.624 тыс. десят. Больше всего крестьянство потеряло въ Малороссіи*): 28,8% (509 тыс. десят. изъ 1.761 т., находившихся въ пользованіи помѣщичьихъ крестьянъ до освобожденія); затѣмъ слѣдуютъ средневолжскій съ 22,7% (550 т. десят. изъ 2.418 т.) и среднеземледѣльческій районы съ 17,5% (1.740 т. изъ 9.911 т. десят.). Въ этихъ трехъ районахъ было отрѣзано 70,1% всей отрѣзанной у помѣщичьихъ крестьнъ земли (2.799 т. изъ 3.966 т.).

*) Мы принимаемъ слѣдующее дѣленіе Россіи на районы:
Сѣверный: Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петербургская и Псковская. Промышленный: Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Смоленская, Тверская и Ярославская. Среднеземледѣльческій: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тульская, Харьковская. Малороссійскій: Черниговская и Полтавская. Новороссійскій: Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская. Восточный: Самарская и Уфимская. Среднеприволжскій: Казанская, Нижегородская и Симбирская. Югозападный: Волынская, Кіевская, Подольская, Сѣверозападный: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская.

Заканчивая изслѣдованіе о „Крестьянскихъ надѣлахъ“, проф. Янсонъ въ 1877 г. такъ изображаетъ результаты крестьянской реформы 1861 года: „Мы прошли всю Европейскую Россію отъ сѣвера Вятской губ. и степей Оренбургскихъ и Самарскихъ до Подоліи, Волыни и Литвы, отъ болотъ Новгородскаго полѣсья до степей Новороссіи—и вездѣ нашли много сходнаго въ положеніи массы нашего крестьянства. Вездѣ мы нашли въ немъ слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 г. призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда“.

Въ самомъ дѣлѣ, если при крѣпостномъ правѣ крестьянство, отдавая половину своихъ рабочихъ силъ и времени помѣщику, прилагало только другую половину рабочихъ рукъ на надѣлѣ и влачило полуголодное существованіе, то вскорѣ же послѣ освобожденія на обрѣзанныхъ надѣлахъ не только всюду оказался въ деревнѣ излишекъ рабочихъ рукъ, но и почувствовался недостатокъ въ землѣ для обезпеченія даже рабскихъ потребностей.

Быстрый ростъ населенія, замѣчавшійся по всей Россіи въ 70-е и 80-е годы, въ особенности среди помѣщичьихъ крестьянъ, обострялъ земельную нужду. Въ земледѣльческихъ губ. крестьянство превратило на своемъ надѣлѣ въ пашню почти всю землю, которую можно было распахать, но посѣвы на душу все сокращались. Такъ, если въ первое десятилѣтіе послѣ реформы (въ 1861—1870 гг.) приходилось въ 50 губ. Европ. Россіи на 1.000 душъ обоего пола 825 десятинъ посѣва, то во вторoe десятилѣтіе посѣвъ на 1.000 душъ понизился до 717 десятинъ—въ восьмидесятые годы составлялъ 616 д.; въ девяностые же годы (съ 1891 по 1900 г.) земельная нужда перешла въ земельный голодъ: посѣвъ на тысячу душъ обоего пола равнялся только 547 десятинамъ, т.-е. $1/2$ десятины на душу. А всей надѣльной земли на душу мужского пола въ 1900 году по даннымъ комиссіи по изслѣдованію упадка земледѣльческихъ губ. въ 50 губ. Европейской Россіи вмѣсто 4.8 десят., приходившихся въ 1861, было уже только 2,6 десят. Почти $4/5$ рабочихъ рукъ крестьянскаго двора по даннымъ той же комиссіи не можетъ

найти себѣ дѣла на своей надѣльной землѣ. Въ средне-земледѣльческихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ губ. этотъ излишекъ рабочихъ рукъ на надѣлѣ повышается отъ 81,0 до 86,0.%. Сборъ же продовольственныхъ полевыхъ хлѣбовъ съ надѣльныхъ земель по тѣмъ же 50 губ. Европ. Россіи покрываетъ только $6/7$, а въ сѣверо-западной части среднеземледѣльческаго района (Рязанская, Тульская, Курская и Орловская губ.) даже только $3/5$ полуголодной продовольственной нормы въ 20 пудовъ на душу обоего пола.

Крестьянство употребляло всѣ усилія, чтобы выйти изъ этого гнетущаго положенія.

I. Громадная часть крестьянства пополняла недостатокъ въ собственной землѣ арендой. По земскимъ даннымъ 80-хъ и 90-хъ годовъ въ 163 у. около 37% наличныхъ дворовъ держало аренду. Но этимъ не удовлетворялись нужды крестьянства: количество арендованной земли равнялось только $1/5$ надѣльной земли. (Проф. Мануиловъ. Очерки по крестьянкому вопросу вып. II). Кромѣ того, съ ростомъ населенія число арендаторовъ росло, арендный же фондъ или оставался тотъ же или даже уменьшался—частью земля переходила въ собственность къ мелкимъ и среднимъ хозяевамъ, частью землевладѣльцы увеличивали свою запашку. Да и арендовать становилось все тяжелѣе: подъ вліяніемъ урожаевъ и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ съ 1898—99 года арендныя цѣны быстро пошли вверхъ и въ послѣдующіе годы достигли небывалой высоты. При неурожаяхъ же 900-хъ годовъ доходъ отъ арендованной земли не покрывалъ и заработной платы. Арендныя цѣны разоряли крестьянство.

II. Покупкой земли у помѣщиковъ крестьянство стремилось удовлетворить земельную нужду. Съ каждымъ пятилѣтіемъ расло число земельныхъ покупокъ. Такъ, если въ первое пятилѣтіе дѣятельности Крестьянскаго банка (съ 1884 по 1888 г.) было куплено черезъ банкъ 1.233 тысячъ десятинъ, то въ послѣднее пятилѣтіе (съ 1899—1903 г.), число десятинъ купленной земли возрасло втрое и достигло 3.744 т. Всего же было куплено черезъ Крестьянскій банкъ 7.879 тыс. дес.

Да и это незначительное въ сравненіи съ крестьянской

нуждой количество земли было куплено, главнымъ образомъ, наиболѣе состоятельной, богатой группой крестьянства. Покупалась земля болѣе товариществами и отдѣльными домохозяевами. Доля, приходящаяся на общественныя покупки, все уменьшалась. Составляя въ 1884—1888 году 47,6% всей купленной черезъ Крестьянскій банкъ земли, она въ последнее пятилѣтіе (съ 1899—1903) равнялась только 15,3%. Въ послѣднее пятилѣтіе число десятинъ земли купленной крестьянскими обществами упало даже абсолютно въ сравненіи съ первымъ. (Въ первое пятилѣтіе общественныя покупки равнялись 587 т. дес. въ послѣднее же 572 т. дес.). Деревенская бѣднота и часто даже среднее крестьянство не могли пріобрѣтать земли, такъ какъ и земельныя цѣны росли съ чрезвычайно быстротой. Въ пятилѣтіе (съ 1884—1888) въ среднемъ по всей Россіи цѣна десятины земли, купленной черезъ Крестьянскій банкъ, равнялась 45,9 рублямъ, въ пятилѣтіе же (съ 1899—1903) она поднялась болѣе чѣмъ вдвое, до 93,1. Среднее крестьянство не имѣло средствъ для доплаты все возраставшихъ „верховъ". Въ 80-ые годы при ссудѣ въ 36 р. на десятину крестьяне доплачивали 8 р., а въ 1900-ые г. при увеличившейся въ два слишкомъ раза ссудѣ на десятину (70—81 р.), доплаты возрасли въ три слишкомъ раза (27—30 р.).

III. Часть крестьянства, конечно все та же, т.-е. болѣе состоятельная, всѣми силами старалась найти способы поднять упавшую производительность земли. Изъ самыхъ различныхъ частей Россіи—и изъ земледѣльческихъ губ.—Полтавской и Саратовской—и изъ промышленнаго района—Московской, Ярославской и др. губ.—мы слышимъ о распространеніи среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, введеніи травосѣянія. Крестьянство старается приспособиться и къ требованіямъ рынка. Въ черноземной полосѣ увеличиваются посѣвы рыночныхъ хлѣбовъ, пшеницы и подсолнечника. Въ нечерноземныхъ районахъ въ однихъ мѣстахъ крестьянинъ спеціализируется на льноводствѣ, въ другихъ все вниманіе обращаетъ на посѣвы картофеля, въ третьихъ онъ переходитъ къ молочному хозяйству. Большая же часть крестьянства, не имѣя ни капитала,

ни знаній для того, чтобы перейти къ высшимъ системамъ хозяйства и полеводства, истощала землю, и въ 90 годахъ дошла до постоянныхъ голодовокъ.

IV. Отчаявшись избавиться отъ хроническаго голода на родинѣ, средне-состоятельное крестьянство бросало родныя поля и шло въ Сибирь, на Кавказъ, въ Среднюю Азію. Въ 90-е годы только и толковъ было въ деревнѣ, что про новыя мѣста, Сибирь, переселенія. Деревня посылала ходоковъ, продавались усадьбы; крестьяне уходили; возвращались одни, шли или собирались другіе. Въ одну только Сибирь переселилось съ 1885 по 1900 г. — 1.207,7 тысячъ душъ обоего пола. При чемъ съ каждымъ пятилѣтіемъ уходило все больше народа:

въ 1885—1890	переселилось	107	т. д.
„ 1891—1895	„	353	„ „
„ 1896—1900	„	738	„ „

Но и переселеніе также было только очень слабымъ средствомъ отъ бѣдствій малоземелья, оно не могло утолить земельнаго голода деревни. За 16-лѣтній промежутокъ, съ 1885 по 1900 годъ переселилось только 60,6—изъ 1000 душъ естественнаго прироста, даже въ періодъ наивысшаго развитія, съ 1896 по 1900, эта цифра достигала только 97,2. Этимъ былъ достигнутъ кульминаціонный пунктъ сибирскаго переселенія. Въ послѣдующіе годы оно сильно сократилось и, по мнѣнію лучшаго изслѣдователя переселеній въ Сибирь г. Кауфмана, „нѣтъ основаній разсчитывать на новый ростъ сибирскаго переселенія".

V. Не имѣя средствъ переселиться въ Сибирь, деревенская бѣднота и большая часть средняго крестьянства шли на промыслы, въ города и здѣсь искали поддержки для своего деревенскаго хозяйства. О быстромъ ростѣ промысловаго отхода краснорѣчиво говорятъ данныя о числѣ паспортовъ, выданныхъ волостными правленіями съ 1861 по 1900 г. Въ десятилѣтіе

съ 1861—1870	было выдано	12,9	мил.	паспортовъ.
„ 1871—1880	„ „	36,9	„	„
„ 1881—1890	„ „	49,5	„	„
„ 1891—1900	„ „	71,4	„	„

Изъ этой таблицы видно, что во второе десятилѣтіе количество паспортовъ увеличилось почти въ 3, въ третье почти въ четыре раза и въ четвертое въ 5 съ половиной разъ въ сравненіи съ первымъ десятилѣтіемъ. Правда, въ послѣднее пятилѣтіе могла оказать вліяніе на ростъ паспортовъ отмѣна паспортнаго сбора. Но другія данныя — показанія земскихъ корреспондентовъ—вездѣ говорили о быстромъ ростѣ отхода въ 90-е годы. Часть крестьянства даже совсѣмъ покидала деревню. „За послѣдніе годы отдѣльныя семьи все чаще и чаще бросаютъ свое собственное хозяйство, которое умалилось до того, что имъ не только невозможно прокормиться, но и самаго-то его (хозяйство) поддерживать не хватаетъ возможности, и уходятъ въ города", писалъ крестьянинъ, корреспондентъ Саратовскаго земства въ 900-е годы. „У насъ,—сообщаетъ корреспондентъ Владимирскаго земства изъ Ковровскаго уѣзда,—до 3% сгорѣвшихъ дворовъ вновь не выстраивается, послѣ семейнаго раздѣла отдѣлившіеся также всѣ безъ исключенія уходятъ на фабрики". „Тяжелый и неблагодарный трудъ земледѣльца смѣняется промысловымъ все больше и шире"... Но и здѣсь въ городѣ крестьянинъ-земледѣлецъ, не имѣя спеціальной подготовки, могъ найти, большею частью только плохо оплачиваемый заработокъ. Тяжелый кризисъ 900-хъ годовъ выбрасывалъ съ фабрикъ и заводовъ на улицу громадныя толпы обученныхъ, постоянныхъ рабочихъ, и крестьянинъ-земледѣлецъ, не найдя заработка, все чаще возвращался голодать въ родную деревню.

Итакъ, масса крестьянства нигдѣ не находила выхода изъ полуголоднаго существованія. При этомъ все сильнѣе давилъ крестьянъ ростъ государственнаго бюджета. По отчету Государственнаго контроля всѣ Государственные расходы равнялись въ 1891 г. — 1,116 милл. рублей.

„ 1895	„ — 1,521	„	„
„ 1899	„ — 1,785	„	„
„ 1903	„ — 2,108	„	„

Изъ всѣхъ попытокъ улучшить свое положеніе крестьянство могло сдѣлать только одинъ выводъ... Въ далекой Сибири нѣтъ возможности устроить свой домъ, не городъ избавитъ отъ полуголоднаго существованія его семью; въ родной деревнѣ можно улучшить свое хозяйство, можно избавиться отъ голода; примѣромъ тому служитъ болѣе богатый сосѣдъ. Надо только достать земли. А такъ какъ купить ее не на что, то надо искать другихъ „способовъ"... Вслѣдствіе развитія сношенія деревни съ городомъ, до крестьянина стали все чаще долетать отголоски городского движенія. Онъ невольно знакомился съ тѣми идеями коллективной борьбы, которыя все болѣе и болѣе овладѣвали умами рабочаго класса города, онъ слышалъ о тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляли его дѣти и братья-рабочіе, онъ зналъ, благодаря присылкамъ изъ города въ деревню, на собственномъ карманѣ объ успѣшности этой борьбы... И крестьянство открыло борьбу съ своимъ „кореннымъ врагомъ"— помѣщикомъ.

I.

Крестьянское движеніе 1905 и 1906 гг. не было неожиданнымъ явленіемъ. Начиная съ освобожденія крестьянъ, то тамъ, то здѣсь происходили въ земледѣльческой Россіи аграрныя волненія. Но первымъ грознымъ предвѣстникомъ широкаго аграрнаго движенія были волненія крестьянъ Полтавской, Харьковской и др. губ. въ 1902 году. Въ движеніи 1905 и 1906 гг. мы найдемъ развитіе формъ и цѣлей крестьянскихъ волненій 1902 г.

Послѣднія начались въ концѣ марта въ Константиноградскомъ у., Полтавской губ., и, въ нѣсколько дней распространившись по тремъ волостямъ этого уѣзда и части Полтавскаго, перешли въ Валковскій и Богодуховскій уѣзды Харьковской губ., охвативъ, такимъ образомъ, значительный районъ. Въ 1902 году въ этой мѣстности былъ неурожай хлѣбовъ и травъ. Населеніе голодало, продовольственной помощи не оказывалось. Крестьяне рѣшили сами достать себѣ хлѣба. Они цѣлыми деревнями приходили въ экономіи, иногда насильно принуждая своихъ односельчанъ, даже и не желавшихъ, итти вмѣстѣ, затѣмъ отправляли депута-

товъ къ помѣщику или управляющему съ требованіемъ хлѣба и другихъ продуктовъ. Требованія ихъ ограничивались опредѣленнымъ количествомъ продовольствія на душу. Если помѣщикъ не соглашался удовлетворить крестьянъ, то разбивались замки амбаровъ и хлѣбъ брали силой. За правильнымъ распредѣленіемъ хлѣба смотрѣлъ староста съ бляхой на груди. Нигдѣ насилій надъ людьми не было. Все время крестьяне вели себя спокойно, съ сознаніемъ своего права. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они предъявляли помѣщикамъ прокламаціи въ доказательство своей правоты. Всего было разобрано въ Полтавской губерніи 54 усадьбы, въ Харьковской 25 и въ Харьковской же губ. было разрушено 4 экономіи. Отдѣльныя проявленія недовольства были отмѣчены въ Бобровскомъ у. Воронежской губ., въ Тамбовской и Саратовской губ. Отовсюду изъ Саратовской губ. шли извѣстія о потравахъ и поджогахъ. Въ Сердобскомъ уѣздѣ крестьяне потребовали у помѣщицы Олсуфьевой, чтобы она подѣлила имъ землю. Въ Сердобскомъ, Аткарскомъ и Балашовскомъ у. крестьянами составлялись приговоры, чтобы помѣщики сдавали землю въ аренду по болѣе умѣренной цѣнѣ или продавали ее крестьянамъ, а сами убирались изъ усадебъ. Встрѣчались приговоры и о захватахъ помѣщичьихъ земель и косьбѣ ихъ луговъ. Во многихъ мѣстахъ эти приговоры были приведены въ исполненіе.

За волненіями слѣдовало жестокое истязаніе деревни; но это усмиреніе не могло остановить движенія. Въ 1903 и 1904 гг. снова мы встрѣчаемся съ аграрными правонарушеніями. Участились аграрные процессы.

Японская война дала громадный толчокъ движенію деревни, подняла уровень сознанія крестьянской массы. Въ крови и слезахъ родилась крестьянская мысль. „Потрясающую картину плача, скорби и отчаянія представляло провожаніе 800—900 человѣкъ призывныхъ многочисленной толпой отцовъ, матерей, женъ, дѣтей, братьевъ и сестеръ! Плакали всѣ навзрыдъ: плакало духовенство, плакало черствое начальство, провожатые и провожаемые... Такого плача и такой скорби я на своемъ вѣку еще не видалъ... И если принять во вниманіе, что вездѣ такъ провожали, невольно

содрогнется сердце отъ громадности бѣдствія, обрушившагося на нашъ многострадальный и бѣдный народъ! А за что?“ Такъ писалъ дьяконъ, корреспондентъ Московскаго земства.

Почему? За что?—стало спрашивать крестьянство.

Общественное движеніе, охватившее всю городскую Россію, нашло откликъ и въ деревнѣ. Голодъ, вѣчная боязнь за завтрашній день, тысячелѣтній гнетъ организованнаго невѣжества опредѣлили форму этого движенія. Въ деревнѣ началось скрытое броженіе. Чего-то ждали, чѣмъ-то были взволнованы, и достаточно было одной искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ. За петербургскими январскими днями послѣдовало крестьянское движеніе въ земледѣльческой Россіи. Въ первыхъ числахъ февраля въ Сѣвскомъ, Трубчевскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ Орловской губ., Дмитріевскомъ Курской и Глуховскомъ Черниговской губ., началась „разборка“ помѣщичьихъ экономій. Это движеніе сразу же приняло весьма широкіе размѣры и охватило сплошной районъ. Каждую ночь крестьяне разбирали по нѣскольку экономій и часть жгли.

„Большею частью крестьяне предупреждали заранѣе владѣльца, что явятся къ нему тогда-то, при чемъ иногда приходила небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день. Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, куль или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами; подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Въ одномъ случаѣ (въ Романовкѣ) сигналъ былъ данъ набатнымъ звономъ. Собравшись, крестьяне направлялись на экономію, подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали. Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько ихъ не смущало; они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но въ то же время и не вступали ни въ какія объясненія. Грабили, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ, другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ... Насилій

никакихъ не дѣлалось... Вообще, крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходить изъ извѣстныхъ рамокъ".

(„Рус. Вѣд." А. Максимовъ).

Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ были отдѣльные случаи разгромовъ помѣщичьихъ экономій въ Суджанскомъ у. Курской губ., Раненбургскомъ Рязанской губ., Богородицкомъ и Епифанскомъ Тульской губ., Стародубскомъ и Новозыбковскомъ Черниговской. Всего эта форма движенія встрѣчалась въ 11 уѣздахъ средне-земледѣльческаго и малороссійскаго районовъ.

Больше уѣздовъ охвачено было въ первую половину 1905 года другой формой движенія—порубками. О нихъ писали изъ 17 уѣздовъ. Порубки производились чаще всего въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ онѣ встрѣчались въ 9 уѣздахъ, затѣмъ въ промышленномъ районѣ эта форма движенія была отмѣчена въ 4-хъ уѣздахъ, на остальную же Россію приходится всего 4 уѣзда съ порубками.

Но самаго широкаго развитія въ этомъ періодѣ достигло стачечное движеніе. Стачки происходили, главнымъ образомъ, на западѣ Россіи. Въ юго-западномъ краѣ было охвачено ими 18 уѣздовъ, или половина всѣхъ уѣздовъ этого района. Стачечное движеніе захватывало сплошь обширныя мѣстности. Всюду созывались крестьянскіе сходы для выработки требованій. Требовали, главнымъ образомъ, повышенія заработной платы: 1) поденщикамъ (взрослымъ) до 60 к. въ день, 2) подросткамъ и работницамъ до 30 к., 3) годовымъ рабочимъ до 120 р. и 18 корцевъ ординарія, 4) въ жатву 1 рубль въ день или 7-й снопъ. Кое-гдѣ было выставлено требованіе уменьшенія рабочаго дня до 12 часовъ.

Вторымъ центромъ стачечнаго движенія лѣтомъ 1905 г. былъ сѣверозападный край. Здѣсь стачки также захватывали сплошные районы; онѣ происходили въ 5 уѣздахъ. Бастовавшіе требовали повышенія заработной платы и улучшенія условій труда.

Съ зародышами стачечнаго движенія мы встрѣчаемся и въ средне-земледѣльческой полосѣ, Малороссіи и Новороссіи. Такъ, по словамъ корреспондента „Нашей Жизни", посѣщавшаго крестьянскіе сходы Саратовской губ., уже тогда

часть крестьянъ высказывалась противъ поджоговъ, убійствъ и настаивала на необходимости добиваться улучшенія своего положенія мирными средствами, стачками и т. п. Но были озлобленныя голоса и за устрашеніе помѣщиковъ, чтобы добиться желаемыхъ уступокъ. На нѣсколькихъ сходахъ было рѣшено съ наступленіемъ уборки хлѣбовъ предъявить требованія *очень повышенной платы*, не менѣе 1 руб. за мужской рабочій день, а при несогласіи землевладѣльцевъ на это—отказаться отъ уборки. Но въ этотъ періодъ стачки были отмѣчены въ среднеземледѣльческой полосѣ только въ 3-хъ уѣздахъ. Спорадически онѣ встрѣчались въ 5 уѣздахъ Новороссіи, 1 уѣздѣ Малороссіи и 1 у. промышленнаго района.

Весной и лѣтомъ 1905 года крестьянское движеніе въ своихъ главнѣйшихъ формахъ—стачкахъ, порубкахъ, погромахъ—встрѣчалось въ 62 уѣздахъ или 14% уѣздовъ всей Европ. Россіи (безъ Прибалтійскаго края, Царства Польскаго, Донской обл., Астраханской, Оренбургской, Вятской и Пензенской губ.). Преобладало стачечное движеніе; оно встрѣчалось въ 55% всѣхъ уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ, тогда какъ порубки въ 26% а погромы въ 14%**), въ остальныхъ 5% были отмѣчены порубки и разгромы, и стачки и порубки*). Немного больше половины (34) уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ, приходилось на западный край. Достигнувъ наибольшей широты въ юго-западномъ краѣ, гдѣ была охвачена движеніемъ половина всѣхъ уѣздовъ района, аграрное движеніе къ сѣверу, востоку и югу постепенно ослабѣвало**).

Весеннее движеніе 1905 года было уже не прежнее движеніе крестьянъ Полтавской и Харьковской губ. Деревня начинаетъ устанавливать связь между цѣлью и средствами,

*) См. приложеніе. Таблица 1-я.

**) На сѣверѣ отъ юго-западнаго района въ сосѣднемъ—сѣверо-западномъ краѣ движеніе происходило въ четверти уѣздовъ района, а въ промышленномъ и сѣверномъ только въ 4,0%; на югѣ—въ Малороссіи и Новороссіи—движеніе встрѣчалось въ 15% уѣздовъ этихъ районовъ на востокѣ—въ среднеприволжскомъ и восточномъ районахъ оно было въ 5% у. этого края.

между своей вѣковой „тоской по землѣ“, возстановленіемъ своего расшатаннаго хозяйства съ одной стороны и политическимъ и гражданскимъ строемъ съ другой. Если прежде крестьяне ждали отъ царя ревизіи, прирѣзки земли, „черпаго передѣла“, то теперь они всюду обсуждаютъ на сходахъ свое положеніе, въ правительственныя канцеляріи летятъ тысячи крестьянскихъ приговоровъ, и не только съ просьбами о землѣ, но и требованіями „земли и воли“. Крестьянство становится все болѣе нетерпѣливымъ... „Если къ осени не будетъ какой-нибудь перемѣны, тогда крышка— и намъ и господамъ: все одно погибать!.. А терпѣть больше не могемъ“. „Если господа не отрекутся отъ земли, мы ихъ выкуримъ“. Съ такимъ настроеніемъ крестьянство вступало въ 1905/906 хозяйственный годъ. Въ этомъ году его встрѣчалъ голодъ. Въ четырехъ губ. черноземной полосы (Пензенской, Рязанской, Воронежской, Самарской), по даннымъ Ц. статистич. комитета, было собрано всѣхъ хлѣбовъ безъ овса и картофеля *менѣе половины* средняго сбора за пятилѣтіе 1900—1904 г. Въ 4 губ. (Тульской, Саратовской, Тамбовской, Симбирской) было собрано 50—60% средняго урожая за то же пятилѣтіе и, наконецъ, въ 3-хъ губ. (Курской, Орловской, Казанской) урожай 1905 года былъ *выше 60% и но недостигалъ 80%*. Итакъ, крупный неурожай былъ въ 11 губерніяхъ.

Не видя ниоткуда помощи, узнавъ о великой борьбѣ рабочихъ въ городахъ, благодаря желѣзнодорожной забастовкѣ, крестьянство возстало одновременно въ двухъ различныхъ частяхъ Россіи—на востокѣ—въ Саратовской губерніи—и на западѣ—въ Черниговской, а затѣмъ движеніе разлилось по всей Россіи.

Осеннее крестьянское движеніе 1905 г. охватило почти въ три раза большій районъ, чѣмъ весеннее, оно встрѣчалось въ 161 у. изъ 436 или 37% всѣхъ уѣздовъ Европейской Россіи (безъ Прибалтійскаго края, Привислинскихъ губ., Астраханской, Оренбургской, Донской обл. и Вятской и Пермской губ.). 2/5 уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ, приходилось на среднеземледѣльческую полосу Россіи. По этому району всего шире разлились волны крестьянскаго

возстанія, здѣсь движеніе было отмѣчено въ (106 у.) или 61% уѣздовъ этого района. Переходя къ окраинамъ, потокъ крестьянскаго движенія становился уже[1]).

Движеніе выразилось въ трехъ главныхъ формахъ: разгромахъ, порубкахъ и стачкахъ. Иногда въ однихъ и тѣхъ же уѣздахъ встрѣчались двѣ или даже всѣ три формы движенія.

Въ цѣломъ по всей Россіи осеннее движеніе 1905 года можно охарактеризовать какъ разгромно-порубочное. Почти въ двухъ пятыхъ (38%) всѣхъ уѣздовъ охваченныхъ движеніемъ происходили только разгромы, въ 1/3 только порубки, въ 15% порубки встрѣчались на ряду съ погромами. Въ остальныхъ 14% уѣздовъ происходило почти поровну стачечное и стачечно-погромно-порубочное движеніе.

Разсматривая формы движенія по отдѣльнымъ районамъ, мы можемъ охарактеризовать средне-земледѣльческую полосу какъ *районъ разгромовъ*. Въ этомъ районѣ изъ всѣхъ уѣздовъ охваченныхъ движеніемъ, только разгромы происходили въ 63%, а разгромы наряду съ порубками встрѣчались въ 25%, только порубки въ 11%.

Въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ преобладало *порубочное движеніе* — порубки были отмѣчены въ 90% всѣхъ уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ.

На юго-западѣ мы имѣемъ дѣло съ *стачечнымъ движеніемъ;* здѣсь стачки встрѣчались въ 55% уѣздовъ охваченныхъ движеніемъ, въ 9% были отмѣчены порубки и стачки, въ остальныхъ уѣздахъ происходили погромы и порубки.

Прочіе три района имѣли переходный характеръ. Въ сѣверо-западномъ районѣ въ половинѣ уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ, происходили порубки, а въ 2/5 стачки и стачки съ

---

1) Сильнѣе широта движенія убывала къ сѣверу и сѣверо-западу (въ сѣверномъ, промышленномъ и сѣверо-западномъ районахъ крестьянскія волненія происходили 1/5—1/4 уѣздовъ); слабѣе къ юго-западу и югу (въ юго-западномъ районѣ было охвачено движеніемъ 11 у., или 31% у этого края, а въ Малороссіи и Новороссіи23 у. или 38% всѣхъ уѣздовъ этого района); по направленію къ востоку движеніе почти не ослабѣвало (въ средне-волжскомъ и восточномъ районахъ было отмѣчено движеніе въ 20 уѣздахъ или въ 46% у. этихъ районовъ).

порубками. И поэтому сѣверо-западный край является какъ бы промежуточнымъ райономъ между стачечнымъ—юго-западными и порубочными—промышленнымъ и сѣвернымъ районами; его можно назвать *порубочно-стачечнымъ райономъ.*

Въ восточномъ и приволжскомъ районахъ первое мѣсто среди различныхъ формъ движенія занимали порубки—въ 40% уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ, встрѣчалась эта форма борьбы; второе мѣсто занимали уѣзды съ смѣшаннымъ разгромно-порубочнымъ движеніемъ—они составляли 35%; въ остальной части района происходило разгромное движеніе. Этотъ районъ можно охарактеризовать какъ *порубочно-разгромный*; онъ соединяетъ промышленный - порубочный районъ съ средне—земледѣльческимъ-погромнымъ.

Малороссія и Новороссія были переходнымъ райономъ отъ стачечнаго—юго-западнаго къ средне-земледѣльческому—погромному району. Въ самомъ дѣлѣ, въ 57% всѣхъ уѣздовъ Малороссіи и Новороссіи, охваченныхъ движеніемъ, происходило погромное движеніе., въ 26% наряду съ погромами встрѣчались и стачки, въ остальныхъ уѣздахъ были отмѣчены порубки и разгромы и порубки *).

Осеннее движеніе было самымъ бурнымъ и разрушительнымъ крестьянскимъ движеніемъ.

Оно не имѣло организованнаго характера. Только въ немногихъ мѣстностяхъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ частью овладѣли имъ. Такъ, напр., въ Саратовскомъ у. были выбраны въ нѣсколькихъ селахъ крестьянскіе комитеты. Руководство дѣятельностью этихъ комитетовъ принадлежало центральному комитету, составленному изъ представителей отъ различныхъ селъ. Комитеты посылали къ помѣщикамъ дружины съ требованіемъ выдачи имъ хлѣба и денегъ. Нѣкоторые помѣщики удовлетворяли эти требованія. Къ помѣщикамъ, отказавшимъ делегатамъ являлись толпы крестьянъ съ телѣгами и увозили хлѣбъ изъ амбаровъ. Но это было только исключеніемъ. Чаще же крестьяне собирались по нѣскольку обществъ и цѣлыми мас-

*) См. приложеніе, таблица 1-я и 3-я.

сами пріѣзжали въ помѣщичьи усадьбы; брали хлѣбъ изъ экономій, скотъ или просто разгоняли или угоняли къ себѣ; зданія сжигали и все, что успѣвали взять и что попадало подъ руку, тащили по домамъ. Насилій надъ помѣщиками и служащими не производилось. Мотивировали крестьяне уничтоженіе помѣщичьихъ экономій слѣдующимъ образомъ: „Если мы оставимъ постройки въ цѣлости, то черезъ 2—3 мѣсяца помѣщики смогутъ опять вернуться и зажить по-старому, ну а если построекъ не будетъ, то раньше двухъ лѣтъ имъ здѣсь дѣлать нечего. Да вотъ и еще на случай придутъ казаки, имъ было бы готовое помѣщеніе, а такъ придется жить по крестьянскимъ хатамъ, что для ихняго брата можетъ быть неспособно („Сынъ отечества" № 226, 1905 г.)

Во время осеннихъ разгромовъ было уничтожено до 2000 усадебъ. По официальнымъ даннымъ убытки помѣщиковъ по 19 наиболѣе охваченнымъ движеніемъ губерніямъ равнялись 29 милліонамъ рублей [1]).

Разгромами крестьянство не только хотѣло достать себѣ хлѣба, чтобы не умереть съ голоду, но и пыталось совсѣмъ избавиться отъ полуголоднаго существованія—оно выгоняло помѣщиковъ изъ деревень и иногда приводило въ исполненіе свои завѣтныя мечты о „поравненіи земли", „черномъ передѣлѣ". Графченское общество Аткарскаго уѣзда, напр., постановило объявить землю помѣщика Ребинина народной собственностью и приступить къ временному раздѣлу ея между однообщественниками впредь до утвержденія будущимъ учредительнымъ собраніемъ. Общественной собственностью

1)

1. Саратовская . . .	9.550,3 р.	12. Симбирская . .	420,6 р.
2. Самарская . . .	3.915,0 „	13. Мотилевская . .	411,0 „
3. Курская	3.052,1 „	14. Витебская . . .	283,0 „
4. Черниговская . .	3.000,5 „	15. Тульская	99,5 „
5. Тамбовская . . .	2.475,6 „	16. Нижегородская .	99,4 „
6. Херсонская . . .	1.778,9 „	17. Казанская . . .	75,0 „
7. Воронежская . .	1.018,3 „	18. Смоленская . .	35,2 „
8. Екатеринославск.	775,0 „	19. Бессарабская . .	4,5 „
9. Орловская . . .	744,6 „		
10. Поктавская. . .	592,0 „	Итого . . .	28.872,7 р.
11. Пензенская . . .	542,2 „		

было объявлено имѣніе М. С. Ермолаева въ с. Ключахъ Саратовскаго уѣзда, и выбрана была комиссія для завѣдыванія имъ. Приведемъ, наконецъ, еще интересный опытъ общественнаго завѣдыванія экономіей въ с. Локнистомъ Черниговской губ. Здѣсь шесть дней управляла экономіей выбранная крестьянами администрація. Руководители движенія запрещали расхищать имущество „Ми жъ пришли установить равенство, а не грабувати“, закричалъ одинъ изъ выборныхъ администраторовъ экономіи, увидѣвъ, что кто-то началъ брать яблоки изъ подвала. Вновь организованная администрація вела приходо-расходные счеты и пр., такъ что даже прокуратура не рѣшилась обвинять крестьянъ въ расхищеніи помѣщичьяго имущества.

Дворянско-бюрократическое государство въ отвѣтъ на это движеніе съ одной стороны понизило наполовину въ 1906 году, а съ 1907 обѣщало совсѣмъ уничтожить выкупные платежи, которыхъ голодающее крестьянство не могло платить. Затѣмъ обѣщало расширить дѣятельность Крестьянскаго банка... Но вмѣстѣ съ тѣмъ были посланы генералъ-адъютанты внести „миръ“ въ деревню.

„Меньше арестовывайте, больше стрѣляйте“, совѣтовалъ тамбовскій вице-губернаторъ Богдановичъ исправнику Ламанскому.

„Убѣжденія оставьте, дѣйствуйте огнемъ. Чѣмъ больше у васъ будетъ убитыхъ, тѣмъ больше у васъ заслугъ передъ начальствомъ. Оставьте по себѣ впечатлѣніе!“, приказывалъ становымъ приставамъ исправникъ Ламанскій.

„Если сельскія общества или хотя немногіе изъ ихъ членовъ позволятъ себѣ привести въ исполненіе угрозу (произвести безпорядки, какъ только уйдутъ войска), то всѣ жители такого общества и все ихъ имущество будетъ по приказу моему уничтожено“, гремѣлъ ген.-ад. Дубасовъ.

„Приказать немедленно истреблять бунтовщиковъ силою оружія, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли: судить сотни и тысячи людей невозможно“, настойчиво предлагалъ министръ Дурново кіевскому генералъ-губернатору.

„Тѣ села и деревни, жители которыхъ позволятъ себѣ какія-либо насилія надъ частными экономіями и усадьбами, будутъ обстрѣливаемы артиллерійскимъ огнемъ, что вызоветъ разрушеніе домовъ и пожары“, объявлялъ въ Бахмутѣ 2-го февраля военный генералъ-губернаторъ.

„Пусть лучше вы погибнете, чѣмъ будете сами и дѣти ваши бунтовщиками и грабителями“, стремился убѣдить крестьянъ херсонскій генералъ-губернаторъ Давыдовъ.

Дѣло въ данномъ случаѣ не расходилось со словомъ. „Кругомъ насъ льется кровь, все объято пламенемъ, мы рубимъ, рѣжемъ, стрѣляемъ“, писалъ одинъ изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ этихъ усмиреніяхъ крестьянства.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г. газетныя корреспонденціи изъ земледѣльческой Россіи были полны ужасовъ умиротворенія деревни.

Жестокое подавленіе движенія заставило крестьянство искать другихъ способовъ борьбы. Оно посылаетъ своихъ избранниковъ въ Думу за «землей и волей», но не прекращаетъ и экономической борьбы съ помѣщиками, измѣняя, впрочемъ, ея форму.

Въ первые мѣсяцы 1906 года преобладающей формой борьбы были порубки, а съ началомъ полевыхъ работъ на юго-западѣ мы встрѣчаемся со стачками, которыя во время уборки хлѣбовъ охватили громадную часть Россіи. Правда, корреспонденты газетъ изъ различныхъ районовъ писали и о разгромахъ помѣщичьихъ экономій, только разгромы эти встрѣчались спорадически, не имѣли массоваго характера, какъ то было осенью 1905 года.

Весной и лѣтомъ 1906 года крестьянское движеніе было отмѣчено въ большемъ числѣ уѣздовъ, чѣмъ осенью 1905 года: оно охватило 215 уѣздовъ, или половину всей Россіи, тогда какъ осеннее движеніе 1905 г. наблюдалось въ 161, или 37% уѣздовъ. Достигнувъ на юго-западѣ наибольшей широты — здѣсь движеніемъ было охвачено около ¾ всѣхъ уѣздовъ района,—оно по направленію къ сѣверу, востоку и югу постепенно слабѣло [1]).

[1]) Такъ, напр., на сѣверѣ въ сосѣднемъ съ юго-западнымъ краемъ—сѣверо-западномъ районѣ движеніе было отмѣчено въ 52% уѣздовъ, а

Въ общемъ крестьянское движеніе первой половины 1906 года можно охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ какъ *стачечно-порубочное*.

Однѣ стачки были отмѣчены въ 42% уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ, 21% уѣздовъ приходитсяна мѣстности, въ которыхъ, кромѣ стачекъ, встрѣчались и другія формы борьбы: порубки, разгромы или порубки и разгромы вмѣстѣ; изъ 27% у. писали только о порубкахъ, изъ 7% о разгромахъ и, наконецъ, изъ 3% о порубкахъ и разгромахъ вмѣстѣ.

По отдѣльнымъ районамъ замѣчались рѣзкія различія въ характерѣ аграрныхъ волненій.

Средне-земледѣльческій центръ являлся ареной *стачечно-разгромнаго движенія*: въ 75% уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ въ этомъ районѣ были отмѣчены стачки, но въ половинѣ этихъ случаевъ въ уѣздахъ со стачками отмѣчались порубки, разгромы и порубки и разгромы вмѣстѣ; въ 42% у. встрѣчались разгромы и другія формы борьбы — стачки, порубки, а въ 29% уѣздовъ—порубки и наряду съ ними разгромы и стачки.

Промышленный и сѣверный районы и въ этотъ періодъ оставались центромъ *порубочнаго* движенія: въ 73% уѣздовъ этого района съ крестьянскими волненіями наблюдались однѣ порубки, въ 23% стачки, 4% приходились на уѣзды съ разгромами и стачками и порубками.

Въ юго-западномъ краѣ *стачки* опредѣляли характеръ движенія. Однѣ толко стачки встрѣчались въ 73% уѣздовъ съ крестьянскими волненіями, а если присоединить и уѣзды, въ которыхъ отмѣчались наряду со стачками порубки и разгромы, то процентъ уѣздовъ со стачками возрастетъ до 96%; порубки и разгромы большею частью встрѣчались только наряду со стачками.

въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ только въ 31%. Слабѣе широта движенія убывала къ востоку и югу. Въ средне-земледѣльческомъ районѣ движеніе происходило въ 65% уѣздовъ, а на крайнемъ востокѣ и сѣверо-востокѣ—въ средне-приволжскомъ и восточномъ районахъ—крестьянскія волненія встрѣчались въ 48% уѣздовъ этихъ районовъ. На югѣ—въ Малороссіи и Новороссіи—было охвачено немного больше половины этихъ районовъ (52% всѣхъ уѣздовъ Малороссіи и Новороссіи).

Остальные районы являлись, какъ и въ предыдущій періодъ, какъ бы переходными.

Малороссія и Новороссія связывали стачечный юго-западный районъ съ средне-земледѣльческимъ — разгромнымъ. Стачечное движеніе, достигая здѣсь немного большей широты, чѣмъ въ средне-земледѣльческой полосѣ (въ 77% вмѣсто 75%), имѣло нѣсколько иной характеръ—въ большемъ процентѣ уѣздовъ съ движеніемъ было отмѣчено чисто-стачечное движеніе (въ 48% у. вмѣсто 38%) и рѣже стачечно-погромное.

Средне-приволжскій и восточный районы какъ бы соединяли центръ порубокъ—промышленный и сѣверный районы—съ центромъ разгромовъ—средне-земледѣльческой полосой. Однѣ порубки въ этихъ районахъ были отмѣчены въ 43% у. съ крестьянскимъ движеніемъ, изъ 28% у. сообщалось о разгромахъ, въ 24% уѣздовъ происходили порубки и разгромы.

Сѣверо-западный край былъ переходнымъ райономъ отъ стачечнаго юго-западнаго къ порубочнымъ районамъ: сѣверному и промышленному. Въ сѣверо-западномъ районѣ, въ уѣздахъ съ крестьянскимъ движеніемъ, только стачечное движеніе отмѣчалось даже чаще, чѣмъ на юго-западѣ (75%, вмѣсто 73%), но въ 21% этого края были однѣ порубки, и это сближаетъ его съ промышленнымъ и сѣвернымъ районами [1]).

Стачки, какъ и прошлогоднія погромы, распространяясь отъ одной деревни до другой, захватывали сплошь цѣлые районы и встрѣчали поддержку въ такихъ селахъ, которыя раньше не принимали никакого участія въ аграрномъ движеніи. Стачка привлекала къ борьбѣ и болѣе широкіе круги крестьянства, нежели разгромы,—къ ней присоединялись и менѣе рѣшительные элементы деревни. Въ общемъ стачечное движеніе захватило болѣе широкій районъ, чѣмъ погромы или порубки: оно встрѣчалось въ 134 уѣздахъ, тогда какъ погромы при наивысшемъ своемъ развитіи—осенью 1905 г.— происходили въ 94 уѣздахъ, а порубки никогда не достигали и цифры

---

[1]) См. приложеніе, таблица 2-я и 3-я.

погромовъ. Но оно не было вездѣ однороднымъ по своимъ цѣлямъ.

Въ средне-земледѣльческой полосѣ стачечное движеніе является какъ будто бы полной противоположностью осеннему движенію. Измѣнился методъ борьбы... „Кровь лить не надо, добро жечь не надо", говорилось, напр., по сообщенію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", на сельскихъ сходахъ въ Воронежской губ. Въ с. Архангельскомъ, Раненбургскаго у. въ приговорѣ о забастовкѣ былъ включенъ слѣдующій пунктъ:

1) „Мы, крестьяне, принимаемъ на себя обязанность слѣдить за тишиной и порядкомъ; никто изъ насъ не долженъ портить и брать что-либо изъ экономій помѣщиковъ. Нарушившаго это постановленіе схода общество само по себѣ можетъ привлечь къ отвѣтственности".

Далѣе, если во время погромнаго движенія „Рассея, какъ хмара, какъ комашня, шла и приказывала ѣхать", въ помѣщичьи экономіи крестьянамъ, еще не присоединившимся къ движенію, то въ этотъ періодъ вездѣ передъ началомъ стачки собирались сходы. На сходахъ вырабатывались требованія. Въ нѣсколькихъ случаяхъ были выбраны стачечные комитеты. Такъ, напр., въ центрѣ забастовочнаго движенія Саратовской губ., въ с. Аркадакѣ Балашовскаго у., стачечный комитетъ руководилъ движеніемъ и объединялъ разрозненную массу мѣстныхъ и пришлыхъ крестьянъ. Послѣднихъ наѣхало очень много съ семьями, и стачечному комитету предстояло организовать продовольствіе ихъ. Эта задача была имъ разрѣшена. Кромѣ того комитетъ разсылалъ по деревнямъ ораторовъ изъ крестьянъ съ предложеніемъ присоединиться къ стачкѣ. И къ движенію вскорѣ присоединилось болѣе 50 селъ. Во все время стачки наблюдался образцовый порядокъ. По настоянію комитета, винная лавка была закрыта, запрещена была игра въ орлянку.

Вездѣ строго преслѣдовались нарушители стачки. Въ Березовской волости, Аткарскаго у., Саратовской губ., напр., рѣшено было „штрафовать 10 рублями штрейкбрехеровъ, а если они и послѣ того не исправятся, то бойкотировать". „Въ случаѣ, если кто изъ односельчанъ нарушитъ приго-

воръ (о стачкѣ),—постановлялъ сходъ с. Архангельскаго, Раненбургскаго у., Рязанской губ.,—то онъ отвѣчаетъ передъ сходомъ и подвергается штрафу въ 5 руб. и т. д."...

Въ средне-земледѣльческой полосѣ крестьяне требовали: 1) увеличенія заработной платы, 2) уменьшенія рабочаго дня, 3) улучшенія пищи, 4) вѣжливаго обращенія и кромѣ этого 5) *пониженія арендной платы и сдачи большаго количества земли. Во многихъ уѣздахъ крестьянскіе сходы запрещали помѣщикамъ нанимать пришлыхъ рабочихъ*. Старинная мечта крестьянства выкурить помѣщиковъ сквозитъ въ большинствѣ забастовочныхъ приговоровъ... Такъ, въ очень многихъ случаяхъ предъявлялись *завѣдомо неисполнимыя требованія*. Въ Березовской волости, Аткарскаго у., напр., было постановлено за уборку десятины хлѣба озимаго и яроваго брать по 12 руб. за десятину, (вмѣсто 2 р. 25 к. за овесъ и 3 р. 43 к. за пшеницу по даннымъ земскаго изслѣдов. 1900 года). Поденная плата мужчинѣ была назначена 2 р. (вмѣсто 90 к.), женщинѣ и подростку по 1 р. (вм. 60 к. мѣстнаго изслѣдованія), работнику съ лошадью 3 рубля (вмѣсто 1 р. 11 к.). Въ Козловскомъ у., Покровской волости, по словамъ „Рѣчи", назначены были въ приговорѣ слѣдующія цѣны: мужчинѣ 3 руб. (вмѣсто 75 к. прошлаго года), женщинѣ 1 р. 50 к. (вм. 30—40 к.), мѣсячному рабочему на хозяйскихъ харчахъ 30 р. (вм. 5—6 р.), пастуху 20 р. (вм. 3—4 р.), скосить десятину ржи 12 р. (вм. 1 р. 50 к.—2 р.), овса—15 р. Подобныя же извѣстія шли и изъ другихъ уѣздовъ, напр., Сапожковскаго Рязанской губ., Елецкаго Орловской губ. и пр. Иногда крестьяне даже совсѣмъ отказывались работать у помѣщиковъ. „Мирнымъ путемъ хотѣли они отобрать землю у помѣщиковъ". Но „мирная борьба" не вездѣ въ этомъ районѣ была проведена послѣдовательно; стачечное движеніе часто здѣсь сопровождалось погромами и порубками. Всего стачки происходили въ 52 уѣздахъ, или 47,2% всѣхъ уѣздовъ этого района, и въ половинѣ (26) уѣздовъ, охваченныхъ стачкой, мы встрѣчаемся съ порубками и разгромами. Въ Воронежской губ. стачечное движеніе перешло въ сплошной разгромъ экономій. „По селамъ гудитъ набатъ,—писалъ корреспондентъ „Товарища" изъ Бобровскаго

уѣзда;—кругомъ вьются и заволакиваютъ небо столбы дыма; ночью всюду на горизонтѣ зарева. Мимо селеній, а иногда и черезъ самыя селенія проходитъ толпа; населеніе прячется. Толпа то уменьшается, то увеличивается. Часть отстаетъ и разсѣивается, но черезъ нѣсколько времени къ ней пристаютъ новые люди и, имѣніе, попадающееся на дорогѣ, разгромляется и сжигается. Въ день страдало 5—10 имѣній; былъ день когда очевидцы насчитывали до 13 пожаровъ. Всего разграблено и сожжено до 60 имѣній".

Въ Малороссіи и Новороссіи стачки имѣли тотъ же характеръ, что въ средне-земледѣльческомъ районѣ.

Стачечное движеніе сильно дезорганизовывало помѣщичье хозяйство средне-земледѣльческой полосы. По словамъ „Воронежскаго Слова", въ Козловскомъ у. Тамбовской губ., помѣщики продавали хлѣбъ на корню или въ копнахъ крестьянамъ, а часть землевладѣльцевъ рѣшила ликвидировать свое хозяйство, распродала весь скотъ, инвентарь и пр., а землю предполагаетъ сдать въ аренду. Въ Харьковской губ. много крупныхъ помѣщиковъ въ 1906 году рѣшило пересдать всѣ работы по уборкѣ хлѣба и сѣна мѣстнымъ крестьянамъ, предоставляя имъ за работу извѣстную часть урожая. Крестьянство же значительно выиграло отъ повышенія заработной платы и пониженія арендныхъ цѣнъ. По даннымъ анкеты, произведенной Полтавскимъ земскимъ статистическимъ бюро, арендныя цѣны на землю понизились въ среднемъ на 30%, а заработная плата повысилась отъ 25% до 100%.

Другой характеръ, чѣмъ въ средне-земледѣльческомъ районѣ, стачечное движеніе носило лѣтомъ 1906 г. на югозападѣ. Въ этомъ районѣ не видно было у крестьянъ стремленія уничтожить помѣщичье хозяйство. Крестьяне и сельскохозяйственные рабочіе боролись здѣсь *за лучшія условія труда*. А такъ какъ и въ 1905 г. въ юго-западныхъ губерніяхъ стачкой крестьяне пытались добиться улучшенія своего положенія, то движеніе 1906 г., являясь повторнымъ, было и лучше организовано, чѣмъ въ средне-земледѣльческой Россіи. Передъ началомъ забастовки происходили областныя совѣщанія крестьянъ. По селамъ выбирались забастовочные

комитеты, которые вырабатывали таксы на работы и слѣдили за тѣмъ, чтобы никто ниже выставленной нормы не работалъ.

Движеніе открылось празднованіемъ 1 мая. Крестьяне въ этотъ день, по словамъ корреспондентовъ газетъ изъ Кіевской губ., разодѣлись въ „святочні одежі и, встрѣчаясь, поздравляли другъ друга: „Будьте здорові, зъ праздникомъ всього світу". По деревнямъ устраивались митинги съ своими доморощенными ораторами. Въ празднованіи участвовали и экономическіе рабочіе, раньше стоявшіе въ сторонѣ отъ движенія. Въ деревнѣ замѣчался общій подъемъ духа даже среди самыхъ отсталыхъ слоевъ. Начиная съ мая, въ продолженіе всего лѣта стачечная волна, разливаясь по всему юго-западному краю, захватила почти сплошь Кіевскую и Подольскую губ. и значительную часть Волынской. Главный пунктъ, на который направлены были всѣ усилія бастовавшихъ—это нормировка цѣнъ на рабочія руки. Требованія рабочихъ были въ большинствѣ случаевъ слѣдующія:

1) 8-и 9-часовой рабочій день—отъ 7 или 8 ч. утра до 7 часовъ вечера съ 2 перерывами въ 1 или 2 часа,
2) поденная плата на буракахъ 75—50 к.,
3) поденная плата на косьбѣ сѣна 1 р. 50 к.—1 р. 20 к.,
4) жатва за снопъ 4—5 к.,
5) жатва за копу 1 р. 20 к.—1 р.,
6) вязка за копу 50 к. (снопъ въ обхватѣ 5 четвертей).,
7) еженедѣльный расчетъ деньгами въ субботу.

(„Курьеръ", № 7, 1906 г.).

Встрѣчались наряду съ экономическими и политическія требованія: смѣна министерства, полная амнистія, отмѣна смертной казни, осуществленіе всѣхъ свободъ и пр.

Часто помѣщики шли на уступки; такъ, напр., по сообщенію „Эхо", въ Винницкомъ у., Подольской губ. въ имѣніи Ракли батракамъ была повышена плата съ 5 до 15 рублей, поденщику-мужчинѣ съ 40 до 70 коп., женщинѣ съ 30 до 60 коп., уволены экономъ и др. нелюбимые служащіе. Въ другихъ случаяхъ завоеванія бастовавшихъ были меньше; напр., въ одномъ мѣстѣ поденная плата была повышена съ 30 до 40 к. и т. д. Сообщалось много случаевъ упорной

борьбы крестьянъ съ помѣщиками. Такъ, напримѣръ, въ Голякахъ помѣщикъ объявилъ 25 к. поденную плату, крестьяне потребовали 50 к. На другой день „панъ“ привезъ „чужихъ рабочихъ“. Голяковцы убѣдили тѣхъ присоединиться къ стачкѣ; „панъ“ привезъ новыхъ—повторилось то же самое. Наконецъ, помѣщикъ согласился дать 35 к. въ день, и крестьяне стали на работу. Но были случаи и столкновеній съ пришлыми рабочими. Въ борьбѣ съ крестьянами и с.-х. рабочими помѣщики часто прибѣгали къ содѣйствію властей и опирались на вооруженную силу войска. Такъ, изъ м. Смѣлы Кіевской губ. сообщали, что въ экономіи гр. Бобринскаго крестьяне требовали 75 к. отъ копны или пятый снопъ, графъ давалъ 50 коп. или 8-й снопъ. Вспыхнула забастовка. Графъ прибѣгъ къ помощи казаковъ. Послѣдніе всѣхъ несогласныхъ работать на предложенныхъ графомъ условіяхъ били и арестовывали. Много писалось въ повременной печати объ избіеніяхъ и разстрѣлахъ стачечниковъ стражниками и войсками... Кіевская губ. была даже объявлена на военномъ положеніи.

Въ сѣверо-западномъ краѣ забастовка также не была новымъ методомъ борьбы крестьянина съ помѣщикомъ. По наблюденіямъ корреспондента „Свободнаго Слова“, въ 1906 г. въ Литвѣ забастовки начались въ селеніяхъ съ высшимъ уровнемъ грамотности. Крестьяне сами составляли письменныя требованія, причемъ повышеніе заработной платы выставлялось только послѣ всесторонняго обсужденія. Примѣромъ служили нѣмецкіе рабочіе. Стачки проводились дружно, осмысленно. Объяснялось это и тѣмъ, что въ текущемъ году наиболѣе сознательные крестьяне-батраки отказались отъ эмиграціи въ Америку, дожидаясь рѣшенія аграрнаго вопроса Государственной Думой, а такъ же и тѣмъ, что много рабочихъ вернулось изъ Америки, надѣясь, что Дума разрѣшитъ аграрный вопросъ, и они получатъ землю. Приписывали это и вліянію „Бѣлорусской Соціалъ-демократической Громады“, руководившей во многихъ случаяхъ движеніемъ и сдерживавшей страсти. Забастовка и здѣсь носила въ нѣкоторыхъ случаяхъ политическій характеръ. Такъ, напр., въ одномъ помѣстьѣ крестьяне мотивировали стачку тѣмъ,

что въ Думѣ паны противъ „влосіянъ“ (крестьянъ), заодно съ министрами.

Требованія крестьянъ въ большинствѣ случаевъ заключались въ повышеніи поденной платы. Но въ этомъ районѣ мы встрѣчаемся также съ завѣдомо неудовлетворимыми требованіями. Были случаи отказа крестьянъ работать у помѣщиковъ безъ предъявленія какихъ бы то ни было требованій.

И въ сѣверо-западномъ краѣ бастовавшимъ приходилось бороться не только съ помѣщиками, но и съ своими братьями—„пришлыми“ рабочими. Напр., въ Брестскомъ у. въ имѣніи сенатора Постовского мѣстные крестьяне избили и прогнали пришлыхъ рабочихъ. Власти и въ этомъ районѣ содѣйствовали помѣщикамъ. Въ одномъ селѣ земскій начальникъ арестовалъ 5 крестьянъ за слова: „не стоитъ работать на пановъ за малую плату“. Въ газетахъ сообщалось, что одинъ приставъ ѣздилъ во время забастовки по имѣніямъ и спрашивалъ: „не прикажете ли арестовать кого-либо изъ мужиковъ въ цѣляхъ искорененія крамолы?“

На сѣверо-западѣ и въ особенности въ юго-западномъ краѣ завоеванія крестьянъ были едва ли не больше, чѣмъ въ средне-земледѣльческой полосѣ. Они добились значительнаго повышенія заработной платы и если не дезорганизовали помѣщичьяго хозяйства, то организовались сами—въ газетахъ проскальзывали свѣдѣнія объ организаціи деревенской бѣдноты юго-западнаго края въ профессіональные союзы [1]).

До второй половины 1906 года экономическое крестьянское движеніе все росло, съ окончаніемъ же страдной поры оно сильно упало и во вторую половину 1906 г. наблюдалось только въ $1/_5$ (21%) всѣхъ уѣздовъ Европейской Россіи. Но при оцѣнкѣ этой цифры, какъ и послѣдующихъ необходимо помнить, что движеніе потеряло массовый характеръ. Въ этотъ періодъ крестьянское движеніе было шире на окраинахъ — юго-западѣ и среднемъ Поволжьѣ—и всего слабѣе въ центрѣ—средне-земледѣльческой полосѣ [2]).

---

[1]) См. „Соціалдемократъ“ № 2, 1906 г.

[2]) Въ средне-земледѣльческомъ районѣ оно было отмѣчено только въ 14% уѣздовъ, на югѣ—въ Малороссіи и Новороссіи движеніе про-

Всего чаще въ этотъ періодъ движеніе проявлялось въ однѣхъ только порубкахъ. Наибольшей широты порубочное движеніе достигло на востокѣ — въ среднемъ Поволжьѣ и восточномъ районѣ — и на сѣверѣ — въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ. Распространяясь на югъ и западъ, оно сильно уменьшалось въ своей широтѣ [1]).

Изъ прочихъ формъ борьбы упомянемъ только о распространеніи стачечнаго движенія. Почти всѣ уѣзды со стачками находятся въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ. На юго-западѣ стачки были отмѣчены въ 22% всѣхъ уѣздовъ этого района, а на сѣверо-западѣ въ 11% уѣздовъ.

Въ общемъ во всей Россіи въ этотъ періодъ господствовало порубочное движеніе. Порубки были единственной формой массовой борьбы крестьянства съ помѣщиками въ 70% всѣхъ уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ [2]).

Разсматривая крестьянское движеніе за два года, мы видимъ, что вплоть до осени 1906 года съ каждымъ періодомъ, хотя и не съ одинаковой быстротой, оно захватывало все большіе и большіе районы и лѣтомъ 1906 г. достигло высшаго развитія—было отмѣчено въ половинѣ всей Европ. Россіи,—осенью же 1906 г. сильно упало.

По отдѣльнымъ районамъ развитіе аграрныхъ волненій было не одинаково.

Въ средне-земледѣльческой полосѣ крестьянское движеніе, быстро развившись во второй періодъ, въ третій расширилось только незначительно, а въ четвертый проявилось въ сравнительно ничтожныхъ размѣрахъ.

исходило въ 15% уѣздовъ этихъ районовъ. Но на сѣверной окраинѣ—въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ—движеніе встрѣчалось уже болѣе чѣмъ въ $^1/_5$ всѣхъ уѣздовъ этихъ районовъ — оно происходило почти въ двухъ пятыхъ уѣздовъ этихъ районовъ, а на юго-западѣ въ $^1/_3$ всѣхъ уѣздовъ юго-западнаго края.

[1]) Въ средне-приволжскомъ и восточномъ районахъ порубки были отмѣчены въ 29% уѣздовъ этихъ районовъ, въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ въ 22%. На югѣ—въ Малороссіи и Новороссіи—% уѣздовъ, охваченныхъ порубками, понизился до 10%, а на юго-западѣ эта форма движенія встрѣчалась только въ 3% уѣздовъ этого края.

[2]) См. приложеніе, таблица 2-я и 3-я.

Въ сѣверномъ и промышленномъ районахъ аграрное движеніе также росло до четвертаго періода и въ послѣдній періодъ не падало такъ сильно, какъ въ средне-земледѣльческомъ районѣ.

На юго-западѣ и сѣверо-западѣ крестьянскія волненія наибольшаго развитія достигали весной и лѣтомъ какъ въ 1905 г., такъ и въ 1906 г. и затихали осенью и зимой, но въ 1906 движеніе было шире, чѣмъ въ соотвѣтствующіе періоды 1905.

Въ Малороссіи и Новороссіи развитіе аграрнаго движенія носило черты средне-земледѣльческаго района. Какъ и въ средне-земледѣльческомъ районѣ, быстро охвативши во второй періодъ почти двѣ пятыхъ уѣздовъ Малороссіи и Новороссіи, крестьянское движеніе съ не меньшей быстротой упало осенью 1906 г.; но по темпу развитія волненій этотъ районъ въ первую половину 1906 года приближался скорѣе къ юго-западному краю, чѣмъ къ средне-земледѣльческому району.

Въ среднемъ Поволжьѣ и на востокѣ движеніе, какъ и въ промышленномъ районѣ, осенью 1906 г. не падало съ такой быстротой, какъ въ средне-земледѣльческой полосѣ, но въ этомъ районѣ ростъ крестьянскихъ волненій имѣлъ сходныя черты и съ средне-земеледѣльческимъ райономъ: крестьянскія волненія, быстро захвативши осенью 1905 года около половины района (45%), весной и лѣтомъ 1906 года почти не увеличились въ широтѣ.

Подводя итоги развитію формъ движенія, мы можемъ сказать, что погромное движеніе во всей Россіи, достигнувъ наивысшей широты осенью 1905 г., въ слѣдующій періодъ сильно упало и осенью 1906 г. почти не имѣло значенія.

Стачки играли громадную роль весной и лѣтомъ 1905 и 1906 г.г. и достигли наибольшаго развитія лѣтомъ 1906 г. осенью и зимой какъ въ 1905, такъ и въ 1906 гг. стачечное движеніе не имѣло большого значенія.

Во всѣ періоды былъ отмѣченъ ростъ однѣхъ только порубокъ [1]).

---

[1]) См. діаграмму, стр. 33.

По районамъ наблюдалось значительное различіе въ эволюціи отдѣльныхъ формъ борьбы крестьянства съ помѣщиками.

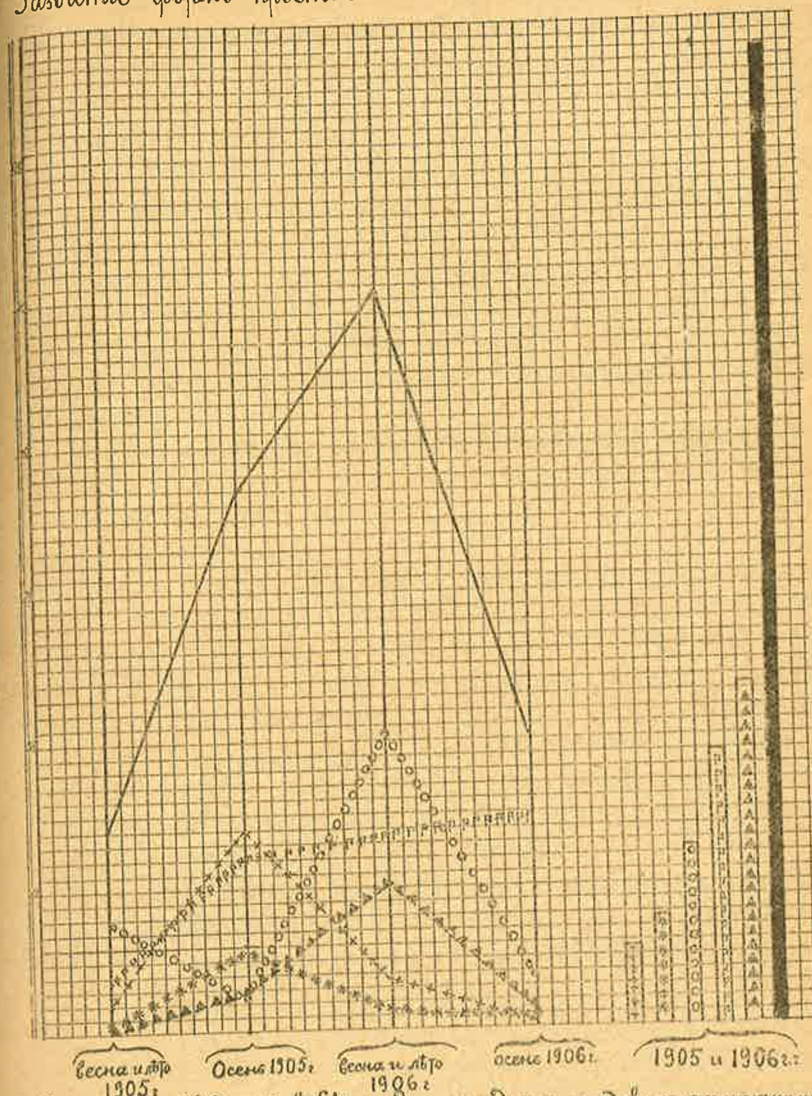
Порубочное движеніе, напр., на сѣверѣ, югѣ и востокѣ (въ промышленномъ, сѣверномъ, средне-земледѣльческомъ, малороссійскомъ, новороссійскомъ, восточномъ и средне-приволжскомъ районахъ) во всѣ періоды росло, а на западѣ (въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ районахъ) съ каждымъ періодомъ убывало.

Ростъ стачекъ имѣлъ одинъ характеръ на юго-западѣ и сѣверо-западѣ и другой въ средне-земледѣльческой полосѣ, Малороссіи и Новороссіи. Въ трехъ послѣднихъ районахъ стачки, неожиданно принявши широкіе размѣры лѣтомъ 1906 г., имѣли погромный характеръ, и часто въ уѣздахъ со стачечнымъ движеніемъ отмѣчались порубки и разгромы; осенью же и зимой стачки почти не встрѣчались. На юго-западѣ же и сѣверо-западѣ стачечное движеніе, еще весной и лѣтомъ 1905 г. захвативши обширные районы, въ первую половину 1906 г. достигло гораздо большаго развитія, чѣмъ въ прочихъ районахъ, и имѣло пролетарскій характеръ. Въ этихъ районахъ движеніе было и болѣе постояннымъ. Оно встрѣчалось здѣсь нерѣдко и въ осенніе періоды 1905 и 1906 гг., когда стачекъ въ остальной Россіи почти не было.

Въ одни періоды потокъ крестьянскаго движенія былъ шире, въ другіе уже, въ одно время оно охватывало однѣ мѣстности, въ другое проявлялось въ новыхъ районахъ. Но насколько были сильны эти волненія и устойчивы ли были ихъ формы?

На эти вопросы намъ дало бы отвѣтъ изученіе *повторяемости* аграрныхъ движеній по отдѣльнымъ селеніямъ. Имѣя только поуѣздныя данныя о повторныхъ крестьянскихъ волненіяхъ, мы все же попытаемся разрѣшить эту задачу. Вѣдь, такія движенія, какъ осенніе разгромы 1905 года или лѣтнія стачки 1906 г., захватывали сплошь цѣлые громадные районы, а потому не будетъ большой ошибкой предположить, что въ уѣздахъ съ повторнымъ движеніемъ нерѣдко участвовали одни и тѣ же крестьяне. Слѣдовательно, по

Развитіе формъ крестьянскаго движенія за 1905 и 1906 г.

На каждые 100 уѣздов Европ. Росс. приходилось уѣздовъ съ отмѣтками о порубкахъ - р, разгромахъ - +, стачкахъ - о, порубкахъ и разгромахъ - ✱, стачкахъ, разгромахъ и порубкахъ, стачкахъ и порубкахъ, стачкахъ и разгромахъ ▲, вообще о крест. движ. въ вышеназв. формахъ —

проценту уѣздовъ съ повторнымъ движеніемъ можно судить о силѣ крестьянскаго движенія въ отдѣльныхъ районахъ, изученіе же эволюціи формъ борьбы крестьянъ съ помѣщиками въ уѣздахъ съ повторными волненіями даетъ возможность сдѣлать заключеніе объ устойчивости или измѣнчивости характера аграрнаго движенія.

Мы видѣли, что крестьянство волновалось въ 297 уѣздахъ Европейской Россіи. Изъ нихъ въ 161 уѣздахъ волненія были отмѣчены, по крайней мѣрѣ, въ два періода.

Всего чаще съ повторными движеніями мы встрѣчаемся на юго-западѣ; тамъ въ 83% уѣздовъ, бывшихъ ареной волненій, послѣднія встрѣчались два и болѣе разъ. На сѣверъ, востокъ и югъ отъ юго-западнаго края повторное движеніе встрѣчается все рѣже*).

Въ двухъ пятыхъ (39%) всѣхъ уѣздовъ Европейской Россіи съ повторнымъ движеніемъ форма его не измѣнилась. Только въ $^1/_{20}$ всѣхъ уѣздовъ съ повторными волненіями удержались погромы; остальные уѣзды съ устойчивымъ движеніемъ дѣлятся поровну между уѣздами со стачечнымъ и порубочнымъ движеніемъ. Въ 21% у. погромы и порубки замѣнились стачками, въ 17% у. этотъ разрывъ со старыми формами борьбы не былъ рѣшителенъ, и наряду со стачками тамъ мы встрѣчаемся и съ порубками и погромами. Наконецъ, упомянемъ еще только объ одномъ видѣ смѣны формъ движенія, имѣвшемъ значеніе, — смѣнѣ разгромовъ порубками. Это наблюдалось въ 12% всѣхъ уѣздовъ съ повторнымъ движеніемъ.

И по устойчивости формъ борьба крестьянъ съ помѣщиками въ отдѣльныхъ районахъ имѣла крупныя различія.

Въ 3-хъ районахъ—юго-западномъ, сѣверномъ и промы-

---

*) Такъ, на сѣверо-западѣ повторное движеніе было отмѣчено въ 63% уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ; а въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ только въ 45% уѣздовъ; на востокѣ отъ юго-западнаго края, въ средне-земледѣльческомъ районѣ, волненія повторялись въ 58%, а на крайнемъ востокѣ—въ восточномъ и средне-приволжскомъ районахъ—въ половинѣ уѣздовъ, охваченныхъ движеніемъ; на югѣ—въ Малороссіи и Новороссіи—было изъ всѣхъ уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ 53% у. съ повторными волненіями. См. приложеніе: таблицы 5-я и 6-я.

шленномъ—крестьянское движеніе, повторяясь, почти не измѣняло формы: на юго-западѣ господствовали стачки, на сѣверѣ—въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ—порубки.

Крайне неустойчиво было движеніе въ средне-земледѣльческой полосѣ Россіи. Только въ 12% уѣздовъ съ повторнымъ движеніемъ оно сохранило первоначальную свою форму—въ большинствѣ случаевъ разгромы; въ $1/3$ уѣзд. крестьяне перешли отъ менѣе организованной формы борьбы къ болѣе организованной: отъ погромовъ и порубокъ къ стачкамъ; въ $1/3$ при повторномъ движеніи на ряду съ новой формой борьбы, съ стачечнымъ движеніемъ, встрѣчались прежнія—порубки и погромы; въ 13% уѣздовъ крестьянство измѣнило одну, болѣе разрушительную форму борьбы на менѣе разрушительную—погромы на порубки.

Сѣверо-западный районъ и по характеру повторнаго движенія имѣлъ переходный характеръ отъ юго-запада къ сѣверу; здѣсь болѣе чѣмъ въ двухъ пятыхъ (44%) уѣздовъ съ повторнымъ движеніемъ оно сохранило свою первоначальную форму, въ большинствѣ случаевъ стачку. Въ 31% у. стачка замѣнила порубки и почти въ 13% у. переходъ къ новой формѣ борьбы совершался нерѣшительно наряду со стачками въ этихъ уѣздахъ встрѣчались при повторномъ движеніи и порубки.

Промежуточный же характеръ имѣли восточный и средне-приволжскій районы: они какъ бы соединяютъ средне-земледѣльческую полосу съ сѣверомъ. Въ этихъ районахъ почти въ двухъ пятыхъ (38%) уѣздовъ съ повторными волненіями движеніе сохранило свою форму—порубки и погромы—и больше чѣмъ въ $2/5$ (44%) погромы замѣнились порубками.

Малороссія и Новороссія по характеру повторнаго движенія сходны съ средне-земледѣльческой полосой, но въ этихъ районахъ въ большемъ % уѣздовъ мы встрѣчаемся съ устойчивымъ наполовину стачечнымъ движеніемъ, что сближаетъ его съ юго-западнымъ краемъ.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ грандіознымъ крестьянскимъ движеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за два года волненія были отмѣчены

въ 68% всей Европейской Россіи. Наиболѣе широкіе размѣры они имѣли въ центрѣ — средне-земледѣльческой полосѣ. При распространеніи къ окраинамъ, широта движенія всего сильнѣе убывала на сѣверѣ—въ сѣверномъ и промышленномъ районахъ — и почти не сокращалась на юго-западѣ [1]).

Но крестьянское движеніе было не только широкимъ, но и устойчивымъ по своему характеру въ отдѣльныхъ районахъ.

Несмотря на несходство въ условіяхъ борьбы въ отдѣльные моменты, несмотря на всѣ измѣненія, происшедшія въ формахъ борьбы крестьянства за землю, все же можно намѣтить и за два года, какъ это было сдѣлано въ отдѣльные періоды, три района съ рѣзкимъ преобладаніемъ одной какой-либо формы борьбы: разгромовъ, порубокъ, стачекъ: 1) средне-земледѣльческая полоса, 2) сѣверный и промышленный районы и 3) юго-западъ, и три переходныхъ между этими районами области: 1) сѣверо-западъ, 2) востокъ и среднее поволжье и 3) Малороссія и Новороссія, гдѣ имѣли одинаковое значеніе двѣ или даже всѣ три формы крестьянскаго движенія.

Въ средне-земледѣльческой полосѣ преобладающее значеніе имѣли за два года *разгромы*. Одни только разгромы были отмѣчены въ 17% всѣхъ уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ, въ 16% у. встрѣчались разгромы и порубки, въ 46% у. разгромы и стачки, только стачечное движеніе происходило въ 10% и только порубочное въ 6%.

Промышленный и сѣверный районы являются *центромъ порубокъ*: объ однѣхъ порубкахъ писали корреспонденты изъ 77% у, охваченныхъ движеніемъ въ этомъ районѣ, о порубкахъ и стачкахъ—изъ 14%.

Юго-западъ можно охарактеризовать *какъ стачечный рай-*

[1]) За два года крестьянское движеніе было отмѣчено въ средне-земледѣльческомъ районѣ въ 84% у., въ Малороссіи и Новороссіи въ 72%, средне-приволжскомъ и восточномъ районахъ въ 73%, въ промышленномъ и сѣверномъ 49%, на сѣверо-западѣ въ 70% и на юго-западѣ 81%. См. приложеніе: таблица 4-я и картограмма.

онъ: однѣ стачки происходили въ 55% у. съ крестьянскимъ движеніемъ и въ 31% у.—стачки и порубки.

Сѣверо-западный край являлся какъ бы переходнымъ райономъ отъ юго-запада къ сѣверу. Въ 42% у. отмѣчались только стачки, но уже въ 29% происходили однѣ порубки и въ 26% порубки и стачки.

Средне-приволжскій и восточный районы были промежуточными районами между средне-земледѣльческой полосой и сѣверомъ. Въ этихъ районахъ среди уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ порубочное движеніе встрѣчалось рѣже чѣмъ въ промышленномъ и сѣверномъ районахъ (въ 31% вмѣсто 73%), но здѣсь въ половинѣ уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ происходило погромное и погромно-порубочное движеніе, что сближаетъ ихъ съ средне-земледѣльческой полосой.

Въ Малороссіи и Новороссіи, хотя и не въ такой степени, какъ въ средне-земледѣльческой полосѣ, преобладало стачечно-разгромное движеніе (въ 37% уѣздовъ съ движеніемъ встрѣчались какъ стачки, такъ и разгромы) и разгромное (разгромы происходили въ 16% уѣздовъ съ крестьянскими волненіями), но въ этихъ районахъ въ большей части уѣздовъ было отмѣчено только стачечное движеніе и этимъ они приближаются къ юго-западному краю.

Чѣмъ же объясняется различіе въ широтѣ аграрнаго движенія и распредѣленіе формъ его между отдѣльными районами?

III.

Въ 1905—1906 годахъ о деревенскомъ движеніи писали изъ самыхъ разнообразныхъ районовъ Россіи. Всюду крестьянство вело борьбу съ помѣщиками. Но борьба не вездѣ имѣла однѣ и тѣ же цѣли и формы ея были различны. Въ однихъ районахъ крестьянинъ, потерявъ свое „долготерпѣніе“, выкуривалъ землевладѣльца-крѣпостника, въ другихъ батракъ и крестьянинъ-пролетарій вели борьбу съ помѣщикомъ-капиталистомъ... Причины этого лежатъ въ разнообразіи характера сельскаго хозяйства борющихся лагерей въ отдѣльныхъ районахъ Россіи. На сѣверѣ Россіи, напр., играетъ большое значеніе лѣсное хозяйство, на югѣ преобладаетъ экстенсивное зерновое хозяйство, а на юго-западѣ развилась высокая культура свекловицы и т. п. Остановимся на условіяхъ сельскаго хозяйства въ трехъ районахъ—средне-земледѣльческомъ, юго-западномъ и промышленномъ. Остальныя части Россіи имѣютъ или однородный или сходный съ этими районами характеръ.

I. Въ центрѣ, житницѣ Россіи — средне-земледѣльческой полосѣ, ведется зерновое хозяйство съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. Въ части Курской и Харьковской губерній развивается свеклосахарное хозяйство. Это—районъ преобладанія крестьянскаго землевладѣнія, но частнымъ владѣльцамъ здѣсь принадлежитъ все-таки болѣе $^2/_5$ всей земли (43%). А около половины всей частновладѣльческой земли находится въ рукахъ незначительнаго числа крупныхъ помѣщиковъ, имѣющихъ свыше 1000 десятинъ. Способы веденія хозяйства въ различныхъ группахъ владѣній очень разнообразны. По даннымъ изслѣдованія помѣщичьяго хозяйства въ Курской, Тамбовской и Саратовской губ., наибольшій процентъ владѣльцевъ, ведущихъ за собственный счетъ свое хозяйство, находится въ крайнихъ группахъ—среди мелкихъ и среди самыхъ крупныхъ хозяевъ. Такъ, по 4 уѣздамъ Курской губ. (Дмитріевск., Фатежскому, Суджанскому и Льговскому) въ 80-хъ годахъ въ имѣніяхъ до 100 десятинъ только около $^1/_8$ (13,4%) всей земли сдавалось въ аренду, въ имѣніяхъ отъ 100 до 500 д. половина (45,7) была въ арендѣ, а въ помѣстьяхъ свыше 500 д. количество сдаваемой земли опускалось немного ниже чѣмъ до трети (31,6). Въ Саратовской губ., по даннымъ изслѣдованія конца 90 годовъ *), наибольшая часть пашни, обрабатывавшейся самими владѣльцами, встрѣчалась въ мелкихъ хозяйствахъ, до 100 д. и самыхъ крупныхъ, свыше 5000 д.

---

*) См. Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губ., вып. II. 1905 г.

Такъ, у владѣльцевъ:

			В экономич запашкѣ изъ 100 д. всей пашни:
до 50— — десятинъ находилось			67
отъ 50— 100	"	"	49
" 100— 250	"	"	34
" 250— 500	"	"	29
" 500—1000	"	"	29
" 1000—5000	"	"	34
" свыше 5000	"	"	42

То же самое было замѣчено и при изслѣдованіи сосѣдней съ средне-земледѣльческимъ райономъ—Полтавской губ.

„Во всѣхъ безъ исключенія изслѣдованныхъ уѣздахъ,—писалъ одинъ изъ полтавскихъ статистиковъ въ 80-хъ годахъ,—имѣнія съ запашкой оказались крупнѣе имѣній другой группы. Такое постоянство этого явленія съ полной очевидностью указываетъ на то, что болѣе крупныя экономіи уже въ силу одной только своей величины, независимо отъ другихъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ, содержатъ въ себѣ условія, благопріятствующія самостоятельному веденію хозяйства".

Если ближе присмотрѣться къ помѣщичьему хозяйству средне--земледѣльческой полосы, то въ организаціи его нельзя не замѣтить многихъ чертъ изъ стараго крѣпостного времени. Обработка земли экономическимъ инвентаремъ при помощи батраковъ не получила здѣсь широкаго развитія. Громадная часть даже крупныхъ помѣщиковъ эксплоатируетъ имѣнья при помощи крестьянъ, крестьянскимъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, какъ и во времена крѣпостного права... При современныхъ „свободныхъ" отношеніяхъ помѣщики средне-земледѣльческой полосы, вмѣсто крѣпостныхъ цѣпей, привязали къ себѣ окружающее ихъ крестьянство цѣпями „заблаговременнаго договора".

Осенній и зимній наемъ на лѣтнія работы, раздача впередъ иногда даже за два, за три года денегъ вѣчно нуждающимся крестьянамъ—вотъ преобладающій въ помѣщичьихъ экономіяхъ средне-земледѣльческой полосы способъ обезпеченія себя рабочими руками. Издѣльный наемъ отъ десятины

или отъ „круга" за половинную цѣну является главной формой найма. Крестьянскіе отработки—второй способъ у экономій имѣть постоянно рабочихъ... „Отрабатываетъ мужикъ за арендованную землю, за пастбище, отрабатываетъ за пользованіе экономическимъ быкомъ, наконецъ, даже за мытье бѣлья на экономическомъ берегу рѣки" и т. д. (Чуйковъ. „Курская губ. въ с.-х. отношеніи").

Часто всѣ работы, которыя должны произвести крестьяне, пересчитываются въ договорахъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей, а иногда мужикъ договоромъ отдаетъ себя въ полное распоряженіе помѣщика. „Если какая-либо изъ работъ пахота, бороньба и пр., по усмотрѣнію владѣльца, окажется исполненной дурно, то они, крестьяне, обязаны безъ суда и слѣдствія переработать по первому требованію конторы", говорится въ одномъ изъ такихъ обязательствъ (Сбор стат. свѣдѣній по Орловской губ., т. I, Мценскій уѣздъ). Неисполненіе или неудовлетворительное, по усмотрѣнію помѣщика, исполненіе обязательства обставляется тяжелыми штрафами. „Штрафъ за криво проведенную борозду, за недостаточно глубокую вспашку, неровный посѣвъ, несвоевременную уборку, за слишкомъ быструю и слишкомъ медленную ѣзду, за побой лошади и т. д., штрафъ—вездѣ"...

Крѣпостная зависимость сквозитъ во всѣхъ этихъ способахъ обезпеченія экономій рабочими руками,—только въ основѣ ея лежитъ не право, а экономическое могущество помѣщиковъ.

Большая же часть помѣщиковъ не ведетъ сама хозяйства, а сдаетъ землю въ аренду. Въ аренду поступаетъ и значительная часть земли экономій, имѣющихъ свое хозяйство... Условія аренды крайне тяжелы для арендатора. Во всемъ средне-земледѣльческомъ районѣ преобладаетъ краткосрочная денежная аренда, за ней слѣдуетъ испольная и, наконецъ, отработочная аренда, но фактически денежная аренда въ многихъ случаяхъ сводится къ той же отработкѣ, такъ какъ, за неимѣніемъ денегъ, крестьянинъ вынужденъ отрабатывать арендные платежи.

Всѣ эти формы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сильно измѣнились къ невыгодѣ крестьянства. Арендныя цѣны

понизившись вездѣ въ средне-земледѣльческомъ районѣ въ началѣ 90-хъ годовъ, подъ вліяніемъ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ быстро начали расти съ 1897—98 года и достигли небывалой высоты къ 900-мъ годамъ. Такъ, по Воронежской губ. за аренду десятины земли подъ яровой посѣвъ въ 1886 году помѣщики брали 10 р. 36 к., а въ 1905 г. 14 р. 72 к.; за десятину владѣльческой земли подъ озимый посѣвъ въ 1886 году крестьяне платили 12 р. 45 к., а въ 1905 году 18 р. 18 к. Никогда за всѣ двадцать лѣтъ арендныя цѣны не достигали такой высоты. Сильный подъемъ арендныхъ цѣнъ въ 900-хъ годахъ отмѣченъ и саратовскими статистиками. Такъ, въ Аткарскомъ у. онѣ поднялись въ 1901 году въ сравненіи съ 1882—86 гг. на 88%, Балашовскомъ 77% и т. д. То же происходило и въ другихъ сосѣднихъ районахъ—Новороссіи и Малороссіи.

Испольная форма аренды претерпѣла еще большія измѣненія.

Испольщина — самая невыгодная для съемщика форма арендованія. Въ общемъ она обходится по вычисленіямъ саратовскихъ статистиковъ въ $1\frac{1}{2}$—2 раза дороже денежной. При ней арендаторъ отдаетъ землевладѣльцу большею частью половину урожая и нерѣдко долженъ вносить еще извѣстную добавочную плату деньгами.

Сдача земли исполу становилась все болѣе невыгодной и землевладѣльцу. Плохая обработка испольщиками, вербовавшимися преимущественно изъ крестьянской бѣдноты, имѣла слѣдствіемъ пониженіе урожаевъ.

Высокія цѣны на хлѣбъ дѣлали выгоднымъ веденіе помѣщичьяго хозяйства. А потому испольщина стала все болѣе сокращаться и замѣняться денежной и отработочной арендой.

Сдачей въ аренду за отработки помѣщикъ обезпечивалъ себя рабочими руками въ уборку хлѣбовъ. Въ послѣдніе годы и эта форма сдачи становится все болѣе выгодной для помѣщика и невыносимой для крестьянства — она все чаще переходила въ форму дешеваго „личнаго найма“

Къ концу 90 годовъ и въ 1900-хъ годахъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ происходили крупныя перемѣны: съ одной стороны крѣпостныя хозяйства смѣнялись капиталистическими,

съ другой—хозяйства крѣпостного типа еще болѣе развивали свои кабальныя черты. Саратовскіе статистики прослѣдили за шестилѣтіе, съ 1897 по 1903 годъ, судьбу 227 хозяйствъ, расположенныхъ въ 4-хъ уѣздахъ Саратовской губ.: Сердобскомъ, Балашовскомъ, Петровскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ.

Результаты сравненія показали, что экономіи, обрабатывавшія землю большей частью крестьянскимъ инвентаремъ, дали наибольшій приростъ скота—отъ 50% до 62%, хозяйства же, достаточно снабженныя инвентаремъ, увеличили скотъ на 16,4%, что было вызвано расширеніемъ посѣвовъ. И, наконецъ, экономіи съ избыткомъ инвентаря сократили, хотя и незначительно (на 0,4%), количество скота, что можетъ быть объяснено ростомъ раціонализаціи хозяйства, когда увеличеніе рабочаго скота отстаетъ отъ роста посѣвовъ. Земскіе корреспонденты Саратовской губ. также неоднократно писали, что хозяйства, обрабатывающія землю крестьянскимъ инвентаремъ, или ликвидируютъ свою запашку, сходятъ со сцены, или обзаводятся собственнымъ инвентаремъ. По тѣмъ же даннымъ капиталистическія хозяйства безпрерывно расширяли, а хозяйства крѣпостного типа сокращали собственную запашку. Въ экономіяхъ, обезпеченныхъ живымъ инвентаремъ, собственная запашка возрасла на 24,2%. Въ хозяйствахъ же, обрабатывающихъ преимущественно наемнымъ крестьянскимъ инвентаремъ, экономическая пашня сократилась на 16,7%—въ нихъ росла сдача земли въ аренду *).

Развитіе помѣщичьяго хозяйства въ этихъ уѣздахъ можетъ служить для характеристики эволюціи помѣщичьяго хозяйства всей средне-земледѣльческой полосы—такъ какъ ни экономическія, ни естественныя условія этой части Саратовской губ. не отличаются отъ хозяйственныхъ, почвенныхъ и климатическихъ условій всего средне-земледѣльческаго района. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ частей этого района.

Ростъ капиталистическаго сельскаго хозяйства отмѣчаетъ князь П. Д. Долгоруковъ въ Суджанскомъ у., Курской губ.

---

*) „Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1903“, стр 39.

Плантанціи сахарной свекловицы, пишетъ онъ, отвлекли отъ крестьянской аренды много земли подъ капиталистическое сельское хозяйство... („Право" 1906 г., № 1). Увеличеніе экономическихъ посѣвовъ и инвентаря въ 90-е годы отмѣчено и тамбовскими статистиками по Тамбовскому и Кирсановскому у. Тенденція къ расширенію помѣщичьяго хозяйства наблюдалась, по даннымъ с.-х. обзоровъ, и въ сосѣдней съ средне-земледѣльческимъ райономъ Полтавской губ., особенно въ годы повышенія хлѣбныхъ цѣнъ—1891 и 1898 году.

Немногими словами проф. А. Скворцова такъ можно формулировать тенденцію развитія помѣщичьяго хозяйства. „Съ ходомъ общественнаго развитія веденіе крупнаго хозяйства въ черноземныхъ и степныхъ районахъ" становилось — „все болѣе выгоднымъ, особенно въ виду обнищанія крестьянства и ненадежности полученія арендныхъ денегъ съ обѣднѣвшихъ крестьянъ-арендаторовъ".

Итакъ, передъ нами армія гг. частныхъ владѣльцевъ, которая ведетъ своеобразную войну съ своимъ противникомъ: сильнаго врага она ослабляетъ высокими арендными цѣнами, а слабаго прикрѣпляетъ къ себѣ отработками, часть же этой арміи куетъ себѣ оружіе, заводится инвентаремъ. Отдѣльныя группы арміи иногда идутъ врозь, но всѣ онѣ, только на разныхъ фронтахъ, бьютъ мужика.

Едва ли не такъ же разнороденъ по своему составу другой борющійся лагерь—крестьянство. По новѣйшимъ даннымъ земскихъ изслѣдованій въ Воронежской, Тульской и Орловской губ.*), захватившимъ самыя разнородныя части средне-земледѣльческой полосы, отъ 5 до 15% крестьянства совсѣмъ не имѣетъ посѣва—„раскрестьянилось", отъ 1/3 (33,7%) и болѣе чѣмъ до половины (55,5%) имѣетъ посѣва недостаточно отъ 1 до 4—5 десятинъ на дворъ и только отъ 6% до 16% крестьянъ имѣетъ посѣва болѣе 10 десятинъ на дворъ. Среднее крестьянство (съ посѣвомъ отъ 4—5 до 10 десятинъ) составляетъ 20,8—44% всего крестьянства.

Только небольшая часть деревни — отъ 1/5 до 1/4 кре-

*) 1) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орловск. губ. 1904. 2) Итоги экономич. изслѣд. Тульской губ. 1903. 3) Матеріалы повторной переписи крест. хозяйствъ Воронежской губ. 1903.

стьянскихъ дворовъ—живетъ однимъ земледѣліемъ, масса же крестьянства должна отдавать значительную часть своихъ силъ и времени работамъ внѣ своего хозяйства — итти на заработки. Кромѣ того, данныя по Воронежской губ. говорятъ о быстромъ ростѣ промысловоземледѣльческихъ хозяйствъ и убыли дворовъ, занимающихся однимъ только земледѣліемъ. Такъ въ 1885—1887 гг. въ изслѣдованныхъ волостяхъ пяти уѣздовъ Воронежской губ. 28% дворовъ занималось однимъ земледѣліемъ, а въ 1900 году эта цифра упала до 20%.

Измѣнялась также и величина хозяйствъ. Тѣми же изслѣдованіями отмѣченъ быстрый ростъ съ 1885—87 по 900 г. мелкихъ хозяйствъ, съ посѣвомъ до 5 десятинъ, и убыль крупныхъ хозяйствъ, имѣющихъ больше 10 десятинъ посѣва.

Какія же изъ этихъ разнообразныхъ группъ крестьянства всего болѣе заинтересованы въ борьбѣ съ помѣщикомъ?..

Несомнѣнно различные по хозяйственной мощи крестьяне не въ одинаковой степени чувствуютъ на себѣ гнетъ экономическаго господства „барина". Въ уничтоженіи этого гнета прежде всего заинтересованы крестьяне—мелкіе арендаторы, испольщики и т. п., а затѣмъ сельско-хозяйственные рабочіе.

Опредѣливши, изъ какихъ хозяйственныхъ группъ выходятъ эти наиболѣе заинтересованные въ борьбѣ элементы, мы объяснимъ въ значительной степени и формы и цѣли ихъ борьбы.

По земскимъ даннымъ отъ 42% до 56% всѣхъ арендаторовъ вышло изъ средняго крестьянства, изъ дворовъ съ посѣвомъ отъ 4—5 до 10 десятинъ.

Въ 5 уѣздахъ Воронежской губ. среднее крестьянство дало 41,6% всѣхъ арендаторовъ, въ Епифанскомъ уѣздѣ 43%, въ Кромскомъ у. 57,1% и въ Дмитровскомъ у. 56,1%.

Другая половина арендаторовъ распредѣляется между деревенской бѣднотой и зажиточнымъ крестьянствомъ.

На бѣдное крестьянство приходится въ 5 уѣзд. Воронежской губ. 30,3% всѣхъ арендаторовъ, въ Епифанскомъ у. 44,3%, въ Кромскомъ у. 24,3%, Дмитровскомъ 20,0%.

Зажиточные крестьяне дали въ Воронежской губ. 28,1%

всѣхъ арендаторовъ: въ Епифанскомъ у. 12,8%, въ Кромскомъ 18,6%, въ Дмитровскомъ у. 23,8%.

Выше мы замѣтили, что только небольшая часть крестьянства занимается однимъ земледѣліемъ, громадное же большинство деревни состоитъ изъ полукрестьянъ-полурабочихъ. Изъ какихъ же группъ выходятъ арендаторы—изъ земледѣльческихъ или земледѣльческопромысловыхъ?.. На это намъ даютъ отвѣтъ изслѣдованія по Дмитровскому у., Орловской губ., и отчасти перепись 5 уѣздовъ Воронежской губерніи.

Въ Дмитровскомъ у. больше всего арендаторовъ дало среднее крестьянство (дворы съ посѣвомъ отъ 4 до 10 десятинъ) отпускающее отхожихъ и мѣстныхъ наемныхъ рабочихъ.

Изъ этихъ двухъ группъ вышла $1/3$ (32,7%) всѣхъ арендаторовъ. На бѣдное крестьянство, также въ значительной степени пополняющее свой бюджетъ мѣстными и отхожими промыслами, приходится 13,5% всѣхъ арендующихъ дворовъ.

3,7% всѣхъ арендаторовъ вышло изъ среднихъ и бѣдныхъ хозяйствъ кустарей и ремесленниковъ.

Такимъ образомъ половина всѣхъ арендаторовъ Дмитровскаго у. состоитъ изъ среднихъ и бѣдныхъ крестьянъ полухозяевъ-полурабочихъ. Только четверть (24%) арендующихъ дворовъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ дало среднее и бѣдное крестьянство, живущее однимъ земледѣліемъ. Остальная четверть (26%) арендаторовъ вышла изъ „хозяйственныхъ мужиковъ“ съ посѣвомъ 10—20 дес. и изъ „богатырей“, имѣющихъ торговопромышленныя заведенія и отпускающихъ подрядчиковъ.

На тѣ же группы крестьянства, какъ на поставщиковъ арендаторовъ, указываютъ и менѣе детальныя данныя по Воронежской губ. И въ Воронежской губ. около $1/3$ (31,5%) всѣхъ арендаторовъ даетъ среднее крестьянство (съ посѣвомъ отъ 5 до 10 д.), занимающееся кромѣ своего земледѣльческаго хозяйства и различными заработками. На деревенскую бѣдноту—крестьянъ съ посѣвомъ до 5 десятинъ, заработками на сторонѣ покрывающихъ многочисленные прорѣхи своего хозяйства—приходится четверть арендаторовъ. Изъ средняго и бѣднаго крестьянства, живущаго однимъ только земледѣліемъ, выходило въ Воронежской губ. около $1/6$ (15,5%)

всѣхъ арендаторовъ. Всѣ же группы бѣднаго и средняго крестьянства дали, какъ и въ Дмитровскомъ у., около $3/4$ (71,9%) арендаторовъ.

Изъ высшихъ группъ крестьянства вышло немного болѣе $1/4$ (28%) всѣхъ арендаторовъ.

Кромѣ того, повторная перепись по Воронежской губерніи говоритъ, что среднее и мелкое хозяйство, имѣющее, кромѣ своего хозяйства, еще другіе заработки, теперь больше даетъ арендаторовъ чѣмъ это было въ 1885—87 гг.

Въ 1885—1887 гг. изъ этихъ группъ крестьянства выходило 43% арендаторовъ, а въ 1900 г. 56%.

А всего изъ средняго и бѣднаго крестьянства выходило въ 1885—1887 гг. 65% арендаторовъ, а въ 1900-мъ году—71%. Зажиточные же и богатые крестьяне давали все меньшую часть арендаторовъ—35% 1885—1887 гг. и 29% въ 1900-мъ г.

Такимъ образомъ, арендаторъ въ большинствѣ случаевъ полухозяинъ-полурабочій; рѣже — средній крестьянинъ-земледѣлецъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ—буржуа-предприниматель.

Но важно выяснить не только изъ какихъ крестьянскихъ хозяйствъ выходятъ арендаторы, но и какъ распредѣляется арендованная крестьянами земля между отдѣльными группами деревни.

Тѣ же новѣйшія подворныя переписи по Епифанскому, Дмитровскому и Кромскому уѣздамъ показываютъ, что у небольшой части арендаторовъ изъ зажиточнаго и богатаго крестьянства (отъ 13% всѣхъ арендаторовъ въ Епифанскомъ уѣздѣ до 24% въ Дмитровскомъ) находится въ рукахъ значительная доля всего крестьянскаго посѣва на арендованной у помѣщиковъ землѣ (отъ 36% въ Епифанскомъ до 51% въ Дмитровскомъ).

Въ 5-же уѣздахъ Воронежской губерніи 28% арендаторовъ, вышедшихъ изъ хозяйствъ выше средняго уровня, арендуютъ 58% земли, арендованной всѣмъ крестьянствомъ.

Арендаторы же изъ деревенской бѣдноты, составляя значительную часть всѣхъ арендаторовъ—отъ 20% въ Дмитровскомъ уѣздѣ до 44% въ Епифанскомъ—пользуются не-

значительнымъ процентомъ всего крестьянскаго посѣва на арендованной у помѣщиковъ землѣ (отъ 4% въ Дмитровскомъ уѣздѣ до 20% въ Епифанскомъ).

Въ 5 уѣзд. Воронежской губерніи 30% арендаторовъ изъ бѣдныхъ дворовъ имѣютъ только 11% земли арендованной всѣми крестьянами.

Правда, повторная перепись по той же губерніи показываетъ, что изъ рукъ зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ земля ускользаетъ и переходитъ къ среднему и бѣдному крестьянству.

Такъ, въ 1885—1887 годахъ зажиточное и богатое крестьянство арендовало 66% всей земли, находившейся въ арендѣ у крестьянъ, а въ 1900 году 58%.

Все-таки и теперь хозяйства выше средняго держатъ въ своихъ рукахъ значительную часть помѣщичьихъ земель, сдающихся въ аренду. И это обстоятельство налагаетъ свою печать на ходъ крестьянскаго движенія.

Зато среднее и бѣдное крестьянство не имѣетъ себѣ конкурентовъ въ поставкѣ сельско-хоз. рабочихъ.

Изъ средняго и бѣднаго крестьянства выходитъ большая часть с.-х. рабочихъ.

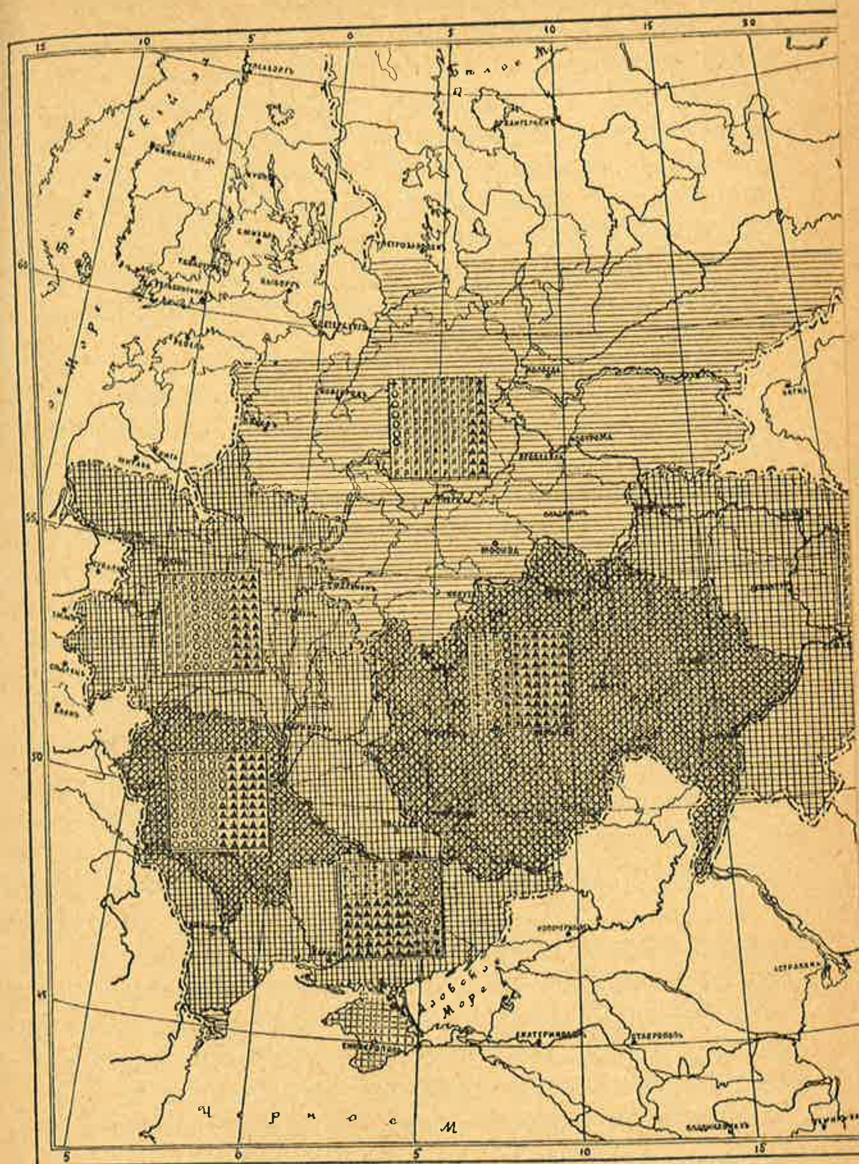
Такъ, въ Епифанскомъ у., бѣдные хозяйства (съ посѣвомъ до 5 д.). отпускали 68,9% всѣхъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, въ Кромскомъ 55,3, Дмитровскомъ 41,3. По Воронежской губ. есть только данныя о числѣ дворовъ, отпускающихъ батраковъ. И эти данныя показываютъ, что больше половины (55,7%) дворовъ, отпускающихъ батраковъ, находится среди бѣдныхъ крестьянъ, имѣющихъ свою запашку.

Изъ средняго крестьянства выходитъ отъ $^1/_5$ (21,9%) всѣхъ батраковъ въ Епифанскомъ у., до $^1/_3$ (31,9—35%) въ Кромскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ.

Аналогичныя данныя, имѣются и по Воронежской губ., гдѣ немного больше $^1/_4$ (26,9%) дворовъ, отпускающихъ батраковъ, принадлежитъ къ среднему крестьянству.

Сельскій пролетаріатъ —безпосѣвныя хозяйства,—какъ и зажиточныя хозяйства, даютъ незначительный процентъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Крестьянское движеніе въ Европ. Россіи въ 1905 и 1906 г.

% уѣздовъ съ крестьянскимъ движеніемъ въ 1905 и 1906 г. г. по районамъ

до 50% — отъ 50 до 75% — свыше 75%

На 100 уѣздовъ каждаго района съ крестьянскимъ движеніемъ приходится уѣздовъ съ -P порубками, + - разгромами, O - стачками, ✱ - порубками и разгромами, ▲ - стачками и разгромами, стачками и порубками, и стачк. порубк. и разгромами.

Въ Епифанскомъ у. безпосѣвные дворы поставляли только 4,6% всѣхъ с.-х. рабочихъ, въ Кромскомъ 7,3%, въ Дмитровскомъ 15,2%. На безпосѣвные дворы приходится 10,2% всѣхъ дворовъ, отпускающихъ батраковъ, въ Воронежской губ. Хозяйства выше средняго еще меньше отпускаютъ работниковъ на с.-х. заработки. Въ Епифанскомъ у. изъ зажиточнаго крестьянства вышло 4,6% всѣхъ батраковъ. Въ Кромскомъ 5,1%, въ Дмитровскомъ 8,5%. О томъ же говорятъ и данныя по Воронежской губ., гдѣ изъ зажиточныхъ дворовъ вышло только 7,2% всѣхъ дворовъ, отпускающихъ батраковъ.

Теперь больше участвуютъ также и въ поставкѣ с.-х. рабочихъ среднее и бѣдное крестьянство. Если въ 1885—87 гг. на ихъ долю приходилось въ Воронежской губ. 71,9 всѣхъ дворовъ, отпускающихъ батраковъ, то теперь они даютъ 82,6%.

Итакъ, съ ходомъ экономическаго развитія деревни измѣнялись и тѣ группы крестьянства, съ которыми приходилось сталкиваться помѣщику. Взамѣнъ зажиточнаго крѣстьянина-арендатора являлся арендаторъ изъ средняго крестьянства и деревенской бѣдноты. Вмѣсто крестьянина-земледѣльца все чаще сталъ арендовать землю у помѣщика крестьянинъ—полухозяинъ-полурабочій.

Этотъ полухозяинъ-полурабочій, бросаясь во всѣ стороны, не находилъ нигдѣ для себя выхода... Разгромами помѣщичьихъ экономій и стачками онъ хотѣлъ уничтожить помѣщичье хозяйство, достать себѣ главное орудіе производства—землю.

Въ средне-земледѣльческомъ районѣ мелкій хозяинъ крестьянинъ боролся прежде всего съ землевладѣльцемъ-крѣпостникомъ, а затѣмъ и съ болѣе для него грознымъ врагомъ—съ крупнымъ сельскимъ капиталистомъ. Первый сдавалъ ему, хотя и на тяжелыхъ условіяхъ землю въ аренду, второй же совсѣмъ лишалъ его главнаго орудія производства.

Нужда въ землѣ, ненависть къ помѣщикамъ сплотила крестьянство, и мы видимъ, какъ оно цѣлыми обществами осенью 1905 года разрушало помѣщичьи экономіи, а лѣтомъ 1906 года на сельскихъ сходахъ организовывалось

для стачечной борьбы съ помѣщиками и цѣлыми же обществами проводило стачки и дезорганизовало помѣщичье хозяйство.

Но неоднородность деревни налагала свои черты на характеръ движенія. Изъ различныхъ мѣстностей Россіи писали о столкновеніяхъ между зажиточнымъ и бѣднымъ и среднимъ крестьянствомъ.

II. Пролетарскій характеръ крестьянскаго движенія въ *юго-западномъ краѣ* также объясняется хозяйственными условіями этого района.—Это область латифундій. Въ 1877—78 г., напр. въ Волынской губ. 4% всѣхъ частныхъ владѣльцевъ имѣло въ своихъ рукахъ 73% всей частновладѣльческой земли, въ Кіевской губ. 12% владѣльцевъ владѣло 78% всей частновладѣльческой земли, а въ Подольской 8% принадлежало 83% частной земельной собственности. Помѣщики юго-западнаго края или сами обрабатываютъ землю или же сдаютъ ее крупнымъ арендаторамъ. Мелкая аренда въ этомъ краѣ не играетъ большого значенія. Благопріятный климатъ, плодородная черноземная почва, значительная населенность и развитіе путей сообщенія — все это способствовало интенсификаціи сельскаго хозяйства.

Въ этомъ районѣ быстро росли посѣвы свекловицы. Такъ, въ пятилѣтіе съ 1891 по 1895 годъ засѣвалось въ среднемъ въ годъ 157,7 тыс. десят., а въ 1895—1900 219,5 тыс. десят., т.-е. приростъ выразился въ громадной цифрѣ—33%. Вмѣстѣ съ развитіемъ свекловичнаго хозяйства измѣнялись и орудія для обработки земли и система полеводства, мѣнялся весь хозяйственный строй деревни. Здѣсь мы видимъ развитіе промышленной системы хозяйства—въ имѣніяхъ часто встрѣчаются свеклосахарные и винокуренные заводы.

Обрабатываются помѣщичьи земли экономическимъ инвентаремъ при помощи постоянныхъ годовыхъ рабочихъ и частью поденныхъ. Работаютъ преимущественно мѣстные крестьяне. Уборка производится исполу (1/14—1/6 урожая), прибѣгаютъ также къ сдѣльному найму (отъ копны). Въ этомъ краѣ мы имѣемъ дѣло съ развитымъ капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяйствомъ. Свеклосахарные и винокуренные заводы, крупныя экономіи... стройные ряды батраковъ можно наблюдать всюду въ деревнѣ юго-западнаго края.

И крестьянинъ юго-западнаго края уже не тотъ, котораго мы видѣли въ остальныхъ районахъ Россіи. Здѣсь онъ въ значительной степени утратилъ мысль о независимомъ существованіи на своемъ надѣлѣ.

Все большая часть крестьянства принуждена была переходить въ батраки. Батрачество является преобладающимъ заработкомъ крестьянства юго-западнаго края.

Поэтому условія найма на сельскія работы имѣютъ главное значеніе въ хозяйственной жизни мѣстнаго населенія. Каковы же эти условія? По словамъ отчета предсѣдателя каневско-васильковскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію за 1898 г., эти „условія о наймѣ на сельскія работы имѣютъ видъ одностороннихъ обязательствъ отъ рабочихъ, не говоря совершенно объ обязанностяхъ нанимателей“.

Примѣрный договоръ экономіи гр. Потоцкаго—одного изъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края,—опубликованный въ „Народной Пользѣ“, краснорѣчиво говоритъ о всей тяжести условій, на которыхъ приходится работать крестьянству у помѣщиковъ.

„Я, крестьянка села такого-то, поступила въ наймы, по собственному согласію, въ такую-то экономію графа Потоцкаго на сельскохозяйственныя работы, какія бы мнѣ ни поручили, всего на 144 рабочихъ дня, на своемъ содержаніи, за плату за все время 34 рубля, въ счетъ которыхъ получила въ задатокъ 10 руб., а остальныя буду получать затѣмъ, сколько заслужу.

1) Выходить на работу съ восходомъ солнца и работать до захода солнца.

2) Если я оставлю работу безъ законныхъ причинъ, я должна вѣрнуть задатокъ вдвое, не требуя за время работы никакой платы.

3) На работы обязываюсь выходить тотчасъ, какъ меня позовутъ.

4) Если экономія позоветъ меня на какую-либо работу въ

праздникъ или въ воскресенье, то я не имѣю права отказаться работать.

5) Если я въ праздникъ или будни безъ разрѣшенія экономіи куда-либо уйду, то обязана за эти прогульные дни отработать вдвое.

6) Если бы я заболѣла или умерла, то за меня должна отработать моя семья.

7) Ни въ коемъ случаѣ я не могу оставить работу до срока.

Эти условія мнѣ извѣстны, въ чемъ и расписываюсь".
(„Народная польза").

Средній заработокъ годового батрака, напр., въ Кіевской губ. въ 90-хъ годахъ былъ около 60 р.

Если же принять во вниманіе, что на этотъ заработокъ батракъ часто долженъ содержать еще семью, то намъ живо представится вся жгучесть требованій крестьянства.

„Намъ нужно заработать и на ѣду, и на подати, и на зиму,—а той платы, что мы получаемъ, не хватаетъ на ежедневное пропитаніе. Дайте намъ настоящую плату: мы ѣсть хотимъ".

Этими словами дѣвушки-работницы, обращенными къ графу Потоцкому, ярко изображено все полуголодное существованіе большей части крестьянства юго-западнаго края.

Но кромѣ этого за полуголоднымъ крестьянствомъ и с.-х рабочими и здѣсь не признается никакого права на человѣческое обращеніе. „Еще до сихъ поръ можно встрѣтить въ юго-западномъ краѣ,—писалъ въ 1905 г. корреспондентъ „Нашей жизни" въ № 184,—управляющаго разъѣзжающаго по полю съ нагайкой въ рукахъ, которая ежеминутно пускается въ ходъ, какъ только управляющій замѣтитъ въ чемъ-либо провинившагося рабочаго".

Нечеловѣческія условія труда заставили подняться и здѣшняго забитаго крестьянина-батрака.

Въ *юго-западномъ* краѣ противостоятъ другъ другу съ одной стороны землевладѣлецъ-капиталистъ—крупный хозяинъ съ другой—крестьянинъ-полупролетарій и батракъ-пролетарій. И методъ и цѣли борьбы крестьянства и батраковъ здѣсь были методомъ и стремленіями пролетаріата—сельско-

хозяйственная стачка для улучшенія условій своего существованія, какъ наемныхъ рабочихъ.

Сосѣдній *сѣверо—западный* районъ также характеризуется развитіемъ помѣщичьяго хозяйства и преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія. Помѣщичье сельское хозяйство въ этомъ районѣ не отличается такой интенсивностью, какъ на юго-западѣ. Лѣсное хозяйство преобладаетъ надъ полевымъ.

Но и здѣсь мы встрѣчаемся часто съ промышленной системой хозяйства. Въ этомъ краѣ, какъ ни въ одномъ районѣ Россіи широко развилось сельскохозяйственное винокуреніе.

Обработка помѣщичьихъ экономій производится экономическимъ инвентаремъ—батрацкимъ трудомъ. Работаютъ мѣстные крестьяне. Но крестьянство въ этомъ районѣ не такъ пролетаризовано, какъ на юго-западѣ, а потому мы въ этомъ районѣ на ряду со стачкой встрѣчаемся и съ погромами и порубками, да и стачкой иногда преслѣдовались цѣли мелкаго хозяина — завѣдомо неисполнимыми требованіями бастовавшіе хотѣли сдѣлать невозможнымъ веденіе крупнаго помѣщичьяго хозяйства.

III. Въ *промышленномъ* районѣ аграрный вопросъ не имѣетъ такой жгучести, какъ въ средне—земледѣльческой полосѣ или на юго-западѣ.

Правда, и въ этомъ районѣ значительная часть частной собственности принадлежитъ небольшой кучкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Напр., по даннымъ земскаго обслѣдованія 1898—900, въ Московской губ. 1,8% частныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ не меньше 1000 десят., принадлежало 36,5% всѣхъ частныхъ земель. Но въ промышленномъ районѣ помѣщичье хозяйство менѣе интенсивно, чѣмъ въ большинствѣ районовъ Россіи—здѣсь преобладаетъ лѣсное хозяйство. По той же Московской губ. въ 1898—900 г. 72,0% всѣхъ частновладѣльческихъ земель было подъ лѣсами. Подъ пашней находятся только около 9% всей частновладѣльческой земли, но и въ имѣніяхъ съ запашкой главное вниманіе обращено на молочное хозяйство и отчасти льноводство и картофельное хозяйство.

Обрабатываютъ помѣщичьи экономіи мѣстные крестьяне

по большей части за угодья — сѣнокосъ и выгонъ. Батрацкій трудъ совершенно не развитъ.

И крестьянское хозяйство этого района носитъ особыя черты. Главный источникъ средствъ существованія крестьянства промышленной полосы получается не отъ земледѣльческаго хозяйства, а отъ городскихъ и фабричныхъ заработковъ. Все благосостояніе крестьянъ этого района зависитъ отъ развитія промышленности и торговли и отъ болѣе или менѣе удачной борьбы рабочаго за заработную плату.

Только около 10% дворовъ въ большей части промышленнаго района не имѣетъ другого заработка, кромѣ земледѣлія. Напримѣръ, въ Ковровскомъ у., Влад. г., 7,4, въ Юрьевскомъ 11,5. и т. д. Все болѣе и болѣе вовлекаясь въ промышленную жизнь, крестьянство не порываетъ съ землей. Лишь часть его бросаетъ землю, выселяется изъ деревни на фабрику, въ города, большинство крестьянъ же отпуская промышленныхъ рабочихъ, держится за землю, а нѣкоторые даже стремятся улучшить и расширить свое хозяйство.

Такимъ образомъ, хотя крестьянство промышленной полосы не имѣетъ главнаго дохода отъ земледѣлія, но все же аграрный вопросъ не является для него чуждымъ. При освобожденіи отъ крѣпостного права оно почти всюду въ этой полосѣ было лишено луговъ и пастбищъ, и теперь вынуждено арендовать эти угодья у помѣщиковъ. Напр., въ Московской губ., по даннымъ изслѣдованія 1898—1900 г., крестьянство арендовало у помѣщиковъ 376,6 десят. что составляетъ 24,0% къ общей площади надѣльныхъ земель; при этомъ 95,2% арендованной земли приходилось на покосъ и пастбища. И здѣсь среди арендаторовъ преобладаетъ среднее крестьянство, развита общественная аренда.

Но, можетъ быть, еще чаще крестьяне сталкиваются съ помѣщикомъ, какъ потребители лѣса, такъ какъ едва ли не въ большей степени они были лишены, при освобожденіи, лѣсныхъ угодій. Такъ, по Московской губерніи приходится въ среднемъ на дворъ 1 д. лѣса, тогда какъ для одного только отопленія, по вычисленію проф. Рудзкаго, необходимо имѣть 3,6 д. на дворъ, а для удовлетворенія всѣхъ потребностей крестьянскаго хозяйства въ лѣсѣ—4,8 д. Поэтому въ

среднемъ по Московской губ. 64% крестьянскихъ дворовъ вынуждено покупать лѣсъ, и расходы только на одно отопленіе составляетъ въ среднемъ на крестьянскій дворъ 9 рублей, поднимаясь въ Московскомъ у. до 16 р.

Слабое развитіе помѣщичьихъ запашекъ, нужда въ лугахъ и лѣсѣ у крестьянства опредѣлили форму экономическаго крестьянскаго движенія промышленной полосы—здѣсь преобладали порубки. Но въ этомъ районѣ порубочное крестьянское движеніе не имѣло такого широкаго распространенія, какъ погромы въ средне—земледѣльческой полосѣ. Благодаря связи съ городомъ, подъ вліяніемъ рабочаго движенія, крестьянское движеніе промышленной полосы чаще принимало политическія формы.

О крестьянскихъ митингахъ, приговорахъ, смѣщеніи волостныхъ властей изъ этого района писалось въ повременной печати больше, чѣмъ изъ другихъ районовъ.

Аналогичный характеръ и сходныя причины крестьянское движеніе имѣло и въ сѣверной Россіи.

Тяжелое положеніе крестьянъ и с.-х. рабочихъ, обострившееся къ 900-мъ годамъ, невозможность выйти изъ этого кризиса другими путями имѣли своимъ послѣдствіемъ грандіозное крестьянское движеніе по всей Россіи.

Различіе въ характерѣ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства въ отдѣльныхъ районахъ Россіи опредѣлили разнообразіе формъ и цѣлей крестьянскаго движенія... На юго-западѣ и отчасти на сѣверо-западѣ крестьянское движеніе имѣло пролетарскій характеръ, въ остальной Россіи это была борьба мелкихъ собственниковъ съ крупнымъ землевладѣльцемъ крѣпостническаго типа и отчасти сельскимъ хозяиномъ-капиталистомъ.

Движеніе не было одинаково во всѣ періоды 1905 и 1906. Но если на юго-западѣ движеніе 1906 года отличалось отъ движенія 1905 только большей организованностью и планомѣрностью, то въ средне—земледѣльческой полосѣ наблюдалась *смѣна* самыхъ формъ движенія: погромы уступили мѣсто сельскохозяйственной стачкѣ. За два года борьбы крестьянство добилось, хотя и цѣной крови, нѣкотораго улучшенія своего положенія, но ему не удалось сбросить съ

плечъ давящаго его ярма. Борьба не кончена. Трудно сказать о дальнѣйшемъ ходѣ ея. Но одно можно утверждать—что цѣли крестьянскаго движенія въ отдѣльныхъ районахъ въ ближайшемъ будущемъ останутся прежнія, такъ какъ экономическое строеніе деревни не можетъ измѣниться въ короткій промежутокъ времени. Точно такъ же вѣроятно и то, что если ростъ сознанія въ крестьянствѣ, выразившійся въ послѣднихъ выборахъ въ Думу, и сдѣлаетъ крестьянское движеніе болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе организованнымъ, то острота нужды, вѣковая тьма, а также политическія условія момента врядъ ли предохранятъ отъ повторенія стихійныхъ, разрушительныхъ формъ борьбы крестьянина съ невыносимой экономической кабалой.

Н. Саваренскій.

Таблица 1-я.

Названіе районовъ.	Число уѣздовъ въ каждомъ районѣ.	Всего уѣздовъ съ кр. движеніемъ въ 1-й пер. 1905.	Число уѣздовъ, въ которыхъ было отмѣчено кр. движеніе въ слѣдующихъ формахъ: Въ 1-й періодъ (Весной и лѣтомъ 1905 г.). Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Во 2-й періодъ (Осенью 1905 г.). Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Разгромы и стачки.	Разгромы порубки и стачки.	Всего уѣзд. съ кр. движеніемъ во 2-й пер. 1905.
I. Юго-западный	36	18	—	—	17	—	1	2	2	6	—	1	—	—	11
II. Сѣверо-западный	54	14	—	9	5	—	—	—	6	2	1	3	—	—	12
III. Средне-земледѣльческій . .	106	14	6	3	3	2	—	41	7	—	16	—	1	—	65
IV. Малороссійскій.	30	4	3	—	1	—	—	6	1	—	—	—	5	—	12
V. Новороссійскій. . . .	30	5	—	—	5	—	—	7	2	—	1	—	—	1	11
VI. Восточный.	13	2	—	—	2	—	—	2	1	—	3	—	—	—	6
VII. Средне-Приволжскій . . .	31	—	—	—	—	—	—	2	7	—	4	—	—	1	14
VIII. Промышленный.	83	4	—	3	1	—	—	—	20	—	—	—	—	—	20
IX. Сѣверный	53	1	—	1	—	—	—	1	7	2	—	—	—	—	10
Итого	436	62	9	16	34	2	1	61	53	10	25	4	6	2	161
%	10,0	14,2	2,1	3,7	7,8	0,4	0,2	14,0	12,1	2,3	5,7	0,9	1,4	0,5	36,9

Таблица 2-я.

Названіе районовъ.	Число уѣздовъ въ каждомъ районѣ.	Всего уѣздовъ съ крест. движен. въ 3-й періодъ.	Число уѣздовъ, въ которыхъ было отмѣчено крестьянское движеніе въ слѣд. формахъ: Въ 3-й періодъ. (Весной и лѣтомъ 1906 г.). Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Разгромъ и стачки.	Разгромы порубки и стачки.	Въ 4-й періодъ. (Осенью 1906 г.). Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Всего уѣздовъ съ крестьян. движен. въ 4-й пер.
I. Юго-западный	36	26	—	1	19	—	4	1	1	—	1	8	1	2	12
II. Сѣверо-западный	54	28	--	6	21	—	1	—	—	—	3	6	—	1	10
III. Средне-земледѣльческій	106	69	7	9	26	1	5	16	5	—	12	2	—	1	15
IV. Малороссійскій	30	16	--	1	9	—	2	3	1	1	2	—	—	1	4
V. Новороссійскій	30	15	2	4	6	—	1	2	—	1	4	—	—	—	5
VI. Восточный	13	7	2	2	—	2	—	1	—	—	3	—	2	—	5
VII. Средне-Приволжскій	31	14	4	7	—	3	—	—	—	—	10	—	1	1	12
VIII. Промышленный	83	27	1	18	8	—	—	—	—	—	19	—	—	—	19
IX. Сѣверный	53	13	—	11	1	—	1	—	—	—	10	—	—	—	10
Итого	436	215	16	59	90	6	14	23	7	2	64	16	4	6	92
%	100	49,2	3,7	13,5	20,6	1,4	3,2	5,3	1,6	0,4	14,7	3,7	0,9	1,4	21,1

Таблица 3-я.

Изъ 100 у. съ кр. движеніемъ были отмѣч. въ каждомъ районѣ волненія въ слѣдующихъ формахъ.

НАЗВАНІЕ РАЙОНОВЪ.	Въ 1-й періодъ (весной и лѣт. 1905 г.). ИТОГО.	Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Во 2-й періодъ (Осенью 1905 г.) Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стач., разгр. и стач., поруб., разгр. и стач.	ИТОГО.
Юго-западный	100	—	—	94.4	—	5.6	18.2	18.2	54.5	—	9.1	100
Сѣверо-западн.	100	—	64.3	35.7	—	—	—	50.0	16.7	8.3	25.0	100
Средне-землед.	100	42.9	21.4	21.4	14.3	—	65.1	10.8	—	24.6	1.5	100
Малороссійск. и Новороссійскій	100	33.3	—	66.7	—	—	56.5	13.0	—	4.4	26.1	100
Восточный и Средне-привол.	100	—	—	(100)	—	—	20.0	40.0	—	35.0	5.0	100
Промышленн. и Сѣверный	100	—	80.0	20.0	—	—	3.3	90.0	6.7	—	—	100
По Россіи	100	14.5	25.8	54.9	3.2	1.6	37.9	32.9	6.2	15.5	7.5	100

НАЗВАНІЕ РАЙОНОВЪ.	Въ 3-й періодъ (весной и лѣт. 1906 г.). ИТОГО.	Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стач., разгр. и стач. поруб., разгр. и стач.	Въ 4-й періодъ (осенью 1906 г.). Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	ИТОГО.
Юго-западный	100	—	3.8	73.1	—	23.1	—	8.3	66.7	8.3	16.7	100
Сѣверо-западн.	100	—	21.4	75.0	—	3.6	—	30.0	60.0	—	10.0	100
Средне-земдед.	100	10.1	13.0	37.8	1.5	37.6	—	80.0	13.3	—	6.7	100
Малороссійск. и Новороссійскій	100	7.0	16.0	48.0	—	29.0	22.2	66.7	—	—	11.1	100
Восточный и Средне-Привол.	100	28.6	42.	—	23 8	4 8	—	76.5	—	17 7	5.8	100
Промышленый и Сѣверный	100	2.5	72.5	22.5	—	2.5	—	100	—	—	—	100
По Россіи	100	7.4	27.4	41.9	2.6	20.5	2.2	69.6	17.4	4.3	6.5	100

Таблица 4-я.

Названіе районовъ.	Число уѣздовъ въ каждомъ районѣ.	Всего у. съ крест. движен. за 2 года.	Число уѣздовъ съ отмѣтками о крест. движеніи въ слѣд. формѣ за два года. Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Разгромы и стачки.	Разгр. пор. и стачки.	Изъ 100 уѣзд. съ кр. движен. за два года были отмѣчены въ каждомъ районѣ волнен. въ слѣд. формѣ. Разгромы.	Порубки.	Стачки.	Порубки и разгромы.	Порубки и стачки.	Разгромы и стачки.	Разгр. пор. и стачки.	
Сѣверо-западный	36	29	—	—	16	—	9	2	2	—	—	55.2	—	31.0	6.9	6.9	100
Средне-земледѣльческій	54	38	—	11	16	—	10	—	1	—	29.0	42.1	—	26.3	—	2.6	100
Средне-земледѣльческій	106	89	15	6	9	14	4	20	21	16.9	6.7	10.1	15.7	4.5	22.5	23.6	100
Малороссійскій	30	21	3	—	4	2	1	7	4								
Новороссійскій	30	22	4	4	5	2	2	4	1	16.3	9.3	20.9	9.3	7.0	25.6	11.6	100
Восточный	13	9	—	1	—	7	—	1	—								
Средне-приволжскій	31	23	2	10	—	7	1	—	3	6.3	34.4	—	43.7	3.1	3.1	9.4	100
Промышленный	83	46	1	36	3	—	6	—	—								
Сѣверный	35	20	—	15	1	1	3	—	—	1.5	77.3	6.1	1.5	13.6	—	—	100
ИТОГО	436	297	25	83	54	33	36	34	32	8.4	28.0	18.2	11.1	12.1	11.4	10.8	100

Таблица 5-я.

Названіе районовъ.	Число уѣздовъ въ каждомъ районѣ.	Число уѣздовъ съ повторнымъ движеніемъ.	Число уѣздовъ съ повторнымъ крестьянскимъ движеніемъ, гдѣ: Формы движен. не измѣнились. Разгромы.	Порубки.	Стачки	Смѣнились стачками. Разгромы.	Порубки.	Разгромы смѣнились стачк. по очереди съ послѣдн. встрѣчал. Разгр.	Поруб.	Порубк. смѣнились стачк. по очереди съ послѣдн. встрѣчал. Поруб.	Разгр. смѣнились. Поруб.	Поруб. смѣнились. Разгр.	Стачки смѣнились. Разгр.	Стачки смѣнились. Поруб.	Смѣшанныя формы повтор. движенія.
Юго-западный	36	24	—	—	20	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2
Сѣверо-западный	54	16	—	1	6	—	5	—	1	2	—	—	—	1	—
Средне-земледѣльческій	106	52	5	1	—	14	3	13	5	—	7	1	—	—	3
Малороссійскій	30	12	1	—	—	5	—	—	3	—	1	—	1	1	—
Новороссійскій	30	11	—	1	2	2	—	2	—	—	2	—	—	—	2
Восточный	13	6	2	1	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—
Средне-приволжскій	31	10	1	2	—	—	—	—	—	—	5	—	1	1	—
Промышленный	83	21	—	15	—	—	3	—	—	—	—	—	—	3	—
Сѣверный	53	9	—	6	—	—	—	—	—		1	—	—	2	—
По Россіи	436	161	9	27	28	22	11	16	9	2	18	1	2	9	7

Таблица 6-я.

Названіе районовъ.	Изъ 100 всѣхъ уѣздовъ каждаго района уѣздовъ съ повторнымъ кр. движеніемъ.	Изъ 100 уѣздовъ съ повторнымъ крестьянскимъ движеніемъ. Формы движен. не измѣнились. Разгромы.	Формы движен. не измѣнились. Порубки.	Формы движен. не измѣнились. Стачки.	Разгромы. Смѣнились стачками.	Порубки. Смѣнились стачками.	Разгромы. Смѣнились стачк. но наряду съ послѣдн. встрѣчал. Разгр.	Разгромы. Смѣнились стачк. но наряду съ послѣдн. встрѣчал. Поруб.	Порубк. Смѣнились стачк. но наряду съ послѣдн. встрѣчал. Поруб.	Разгр. Смѣнились. Поруб.	Поруб. Смѣнились. Разгр.	Стачки. Смѣнились. Разгр.	Стачки. Смѣнились. Поруб.	Смѣшанныя формы повтор. движенія.	Итого.
Юго-западный	72.2	—	—	83.3	4.2	—	—	—	—	—	—	—	4.2	8.4	100
Сѣверо-западный	29.6	—	6.2	37.5	—	31.3	—	6.2	12.5	—	—	—	6.3	—	100
Средне-земледѣльческій	49.1	9.6	1.9	—	26.9	5.8	25.0	9.6	—	13.5	1.9	—	—	5.8	100
Малороссійскій, Новороссійскій	38.3	4.3	4.4	8.7	30.4	—	8.7	13.0	—	13.0	—	4.3	4.4	8.8	100
Восточный, Средне-приволжскій	36.4	18.6	18.6	—	—	—	6.3	—	—	43.8	—	6.3	6.3	—	100
Промышленный, Сѣверный	22.1	—	70.0	—	—	10.0	—	—	—	3.3	—	—	16.7	—	100
По Россіи	36.9	5.6	16.8	17.4	13.7	6.9	9.9	5.6	1.2	12.4	0.6	1.2	5.6	4.2	100

Политическая борьба крестьянства.

Въ ряду другихъ общественныхъ силъ, конкуррирующихъ въ русской революціи, крестьянство занимаетъ, совершенно особое мѣсто: по своей численности оно далеко превосходитъ всѣ прочіе классы общества, и, въ этомъ смыслѣ, представляетъ крупную общественную силу. Въ своей соціальной физіономіи крестьянство отражаетъ всю противорѣчивость того общественнаго состоянія, которое присуще эпохѣ, составляющей переломъ отъ феодальнаго способа производства къ буржуазному, отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому: не сбросивъ еще вполнѣ узъ отжившаго крѣпостничества, крестьянство въ то же время уже почувствовало на себѣ вліяніе новыхъ производственныхъ отношеній, положившихъ начало дифференціаціи деревни. Наконецъ, культурная отсталость деревни дѣлаетъ крестьянство слоемъ, наиболѣе воспріимчивымъ къ демагогіи, откуда бы она ни исходила.

Этотъ особый характеръ крестьянства, какъ общественной группы, накладываетъ рѣзкій отпечатокъ на крестьянское движеніе,—съ перваго взгляда оно невольно представляется однимъ лишь проявленіемъ стихійной силы, источники которой, обусловливающіе интенсивность и постоянство движенія, таятся гдѣ-то глубоко, въ тайникахъ народно-хозяйственной жизни.

Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ были встрѣчены первые шаги революціоннаго крестьянства. Даже наиболѣе пламенные „друзья народа“ изъ соціалъ-народническаго лагеря съ большимъ скептицизмомъ смотрѣли на разростающіяся аграрныя волненія. Одинъ изъ ветерановъ стараго народничества, пророкъ крестьянской революціи, посѣдѣлый

въ бояхъ съ марксизмомъ г. Николай—онъ въ статьѣ „Наше общественное пробужденіе“ дѣлаетъ слѣдующую недвусмысленную характеристику революціоннаго крестьянства: „При своихъ однообразныхъ сельскохозяйственныхъ работахъ и неподвижности, косности среды, къ которой оно (крестьянство) прикрѣплено этими занятіями—слѣдствіемъ чего является косность мысли—*оно не въ состояніи понять въ массѣ общественнаго значенія и причинъ, происходящихъ перемѣнъ*, хотя на себѣ испытываетъ всю ихъ тягость. Бѣдность и нужда слишкомъ ощутительно говорятъ объ этомъ“. „Желая измѣнить свое положеніе къ лучшему,—продолжаетъ тотъ-же авторъ,—крестьянство направляетъ свое негодованіе противъ вещей, связанныхъ съ тѣми лицами, съ которыми ему приходится непосредственно имѣть дѣло въ области хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній“. Въ силу этого, „аграрное движеніе, начавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время приняло грозные размѣры и *антисоціальное направленіе*“ *).

Не съ такой рѣзкостью, но по существу то же самое высказываетъ въ іюньской хроникѣ „Русск. Богатства“ (за тотъ же годъ) другой вождь соціалъ-народничества, г. Пѣшехоновъ. „Крестьянское движеніе,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ его формахъ, какія мы разсматривали до сихъ поръ, имѣетъ рѣзко выраженный *аполитическій* или—что, конечно, правильнѣе будетъ въ данномъ случаѣ—анархическій характеръ. Государственной власти для охваченныхъ движеніемъ крестьянъ какъ бы не существуетъ... Этотъ анархическій характеръ крестьянскаго движенія и представляетъ его самую опасную и вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону“ **).

Подчеркиваемый г. Пѣшехоновымъ въ приведенной цитатѣ аполитическій характеръ аграрныхъ волненій не только имѣлъ мѣсто въ началѣ крестьянскаго движенія, но и сохранился въ извѣстной мѣрѣ и въ дальнѣйшихъ его стадіяхъ. Но фактъ этотъ, конечно, никому не даетъ права смотрѣть на „аполитизмъ“, какъ на необходимый, внутренно-присущій крестьянству характеръ движенія. Старый отживающій строй не только экономически, но и политически слишкомъ сильно давилъ на деревню; и если въ лицѣ помѣщика и деревенскаго ростовщика крестьянинъ практически знакомился съ невыгодами экономической стороны стараго порядка, то тутъ же рядомъ, иногда въ одномъ и томъ же лицѣ, ему приходилось постоянно сталкиваться съ политической стороной режима—въ лицѣ земскаго начальника, станового и т. п. вплоть до появившихся въ деревнѣ наканунѣ революціи стражниковъ. Систематическая опека крестьянства предержащей властью въ интересахъ самого правительства и дирижирующихъ экономически классовъ и до революціи подготовляло крестьянство къ борьбѣ за новый политическій порядокъ. Такая подготовка въ значительной мѣрѣ совершилась до первыхъ аграрныхъ волненій и нужна лишь была революціонная атмосфера всенародной борьбы съ самодержавіемъ, чтобы крестьянство отъ частнаго перешло къ общему, отъ критики *мѣстныхъ* недостатковъ политическаго строя поднялось до болѣе глубокой критики самыхъ основъ этого строя.

*) „Русское Богатство“, 1905 г., № 7 сс. 16,17

**) „Русск Бог.“, 1905 г., № 6 с. 230.

Вызванныя голодомъ 1902 года аграрныя волненія въ Харьковской и Полтавской губ. были первой ласточкой грядущаго всероссійскаго движенія крестьянства. Въ томъ же году „безпорядки“ затронули и нѣсколько другихъ губерній: Воронежскую, Саратовскую, Херсонскую, Кіевскую и другія.

Волненія 1902 года были безусловно стихійнымъ явленіемъ, и если „правительственное сообщеніе“ того времени говоритъ о „противоправительственной пропагандѣ“, „свившей себѣ гнѣздо“ въ деревнѣ, какъ о причинѣ безпорядковъ, мы должны отнестись очень осторожно къ этимъ словамъ „сообщенія“.

Въ самомъ дѣлѣ, общія условія жизни крестьянства подготовляли почву для его политическаго недовольства, медленнымъ процессомъ перерабатывая „крѣпостного“ въ гражданина“, но для выработки *сознательнаго* политиче-

скаго отношенія къ окружающей дѣйствительности тѣ же условія были далеко неблагопріятны.

Разсѣянность населенія деревень по громадной площади, оторванность его отъ городской культуры, недостатокъ элементарной грамотности—все это консервировало „приходское чувство“ крестьянства. Съ другой стороны, отсутствіе легальныхъ формъ общественной самодѣятельности, суровый полицейскій сыскъ по отношенію ко всѣмъ чуждымъ деревнѣ элементамъ, преслѣдованіе администраціей всякаго рода культурно-просвѣтительныхъ обществъ, которыя могли бы съиграть роль въ объединеніи отдѣльныхъ соціальныхъ группъ для защиты своихъ интересовъ,—не позволяли сознательнымъ элементамъ города послужить ферментомъ политическаго движенія крестьянъ въ эпоху реакціи *).

Единственнымъ *революціоннымъ* агентомъ, проникавшимъ въ дореволюціонную деревню, слѣдуетъ признать, какъ это предсказывали соціалъ-демократы еще въ 80-хъ гг., революціонизированнаго городомъ рабочаго. И поскольку среди городскихъ рабочихъ развивалось и росло движеніе, поскольку оно все глубже революціонизировало рабочую *массу*, постольку, конечно, высылаемый изъ столицъ и крупныхъ промышленныхъ центровъ революціонно-воспитанный рабочій вмѣстѣ съ крестьяниномъ, возвращающимся въ деревню съ отхожихъ промысловъ, оказывали свое вліяніе на повышеніе политическаго уровня деревни.

Но не слѣдуетъ забывать, что рабочее движеніе, ставшее *массовымъ* въ серединѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, лишь въ первые годы XX столѣтія выработало въ широкихъ слояхъ пролетаріата политическую идеологію. Показатель массоваго политическаго движенія пролетаріата—демонстраціи—появились лишь въ 1901—2 гг., а знаменитыя

*) Мы не хотимъ сказать этимъ, что политически-просвѣтительное вліяніе „интеллигенціи“ совершенно отсутствовало въ дореволюціонной деревнѣ. Мы подчеркиваемъ лишь, что несвязанныя между собой „культурныя одиночки“ не могли оказать крупнаго воздѣйствія на крестьянство. Тѣмъ болѣе, что общая атмосфера реакціи гибельно дѣйствовала и на самихъ одиночекъ, вызывая въ нихъ невѣріе въ „политику“, благодаря чему подъемъ „культурнаго“ уровня народа, какъ задача ихъ дѣятельности, вытѣснялъ собой выработку его политическаго самосознанія.

южныя стачки относятся къ еще болѣе позднему времени, къ серединѣ 1903 года, когда стихійное движеніе крестьянства уже прорвалось наружу въ волненіяхъ 1902 года.

Несравненно меньше вліянія въ предреволюціонную эпоху могли имѣть въ деревнѣ революціонно-соціалистическія *организаціи*. Даже въ городахъ, гдѣ, конечно, куда больше, чѣмъ въ деревнѣ, подходящихъ для революціонной работы элементовъ и гдѣ общія условія жизни даютъ несомнѣнно больше простора для такой работы, революціонныя организаціи всегда жаловались на недостатокъ силъ. Въ отношеніи революціонной работы въ деревняхъ этотъ недостатокъ силъ осложнялся еще однимъ обстоятельствомъ — дѣятели городскихъ революціонныхъ организацій далеко не ясно представляли себѣ формы революціонной работы среди крестьянъ, въ „чуждой“ имъ обстановкѣ деревенской жизни *).

Это безусловно вѣрно, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе вліятельной въ городахъ партіи — соціалъ-демократической.

Что касается партіи соціалистовъ-революціонеровъ то, конечно, о сильномъ вліяніи ихъ на деревню въ предреволюціонный періодъ говорить не приходится. Партія с.-р-овъ конституировалась гораздо позже соціалъ-демократической. Въ теченіе 90-хъ годовъ не слышно о ея работѣ даже въ городахъ. Лишь *въ концѣ 1901 года* возникаетъ литературный органъ партіи, „Революціонная Россія“, и къ тому же времени относится изданіе агитаціонной крестьянской литературы („Аграрная Лига“).

Нѣкоторое, правда, участіе соціально-революціонной партіи въ крестьянскомъ движеніи 1902 года констатировано связаннымъ съ аграрными безпорядками политическимъ про-

*) Характерна, въ этомъ отношеніи, рѣчь П. Орловскаго на „3-мъ съѣздѣ“ Р. С. Д. П. по поводу резолюціи „объ отношеніи с.-д. къ крестьянскому движенію“. Намъ важно отмѣтить въ резолюціи, говорилъ указанный товарищъ, то, что это движеніе *не наше*, не соц.-демократическое, *чуждое намъ по существу*, и что мы относимся къ нему сочувственно, проявляемъ къ нему, такъ-сказать, „*дружественный нейтралитетъ*“, поскольку оно борется противъ существующаго общественно-политическаго строя, поскольку оно является революціонно-демократическимъ.“ Протоколы 3-го с., с. 215.

цессомъ. Но ни форма движенія, ни его содержаніе не представляютъ чего-либо особеннаго по сравненію съ обычными „голодными бунтами“, ничего специфически с.-р-скаго. И мы думаемъ, что глубоко не правъ Веселовскій, полагая, что литература с.-р-ской „Аграрной Лиги“, „проникнутая наивной вѣрой въ спасительность аграрнаго террора“ „руководила“ крестьянскимъ движеніемъ 1902—3 гг. Поджоги помѣщичьихъ усадебъ или грабежъ хлѣба не требуютъ особой „политической“ подготовки. И скорѣе сама „Аграрная Лига“, проповѣдуя аграрный терроръ, плелась въ хвостѣ стихійнаго крестьянскаго движенія, возводя въ принципъ существующій фактъ.

Трудно также согласиться съ другимъ утвержденіемъ Веселовскаго—относительно широкаго базиса, который нашла для себя с.-р-ская партія среди провинціальной интеллигенціи уже въ дореволюціонную эпоху. „На первыхъ порахъ, говоритъ онъ, наиболѣе энергичной явилась партія с.-р-овъ, которая сразу нашла большое сочувствіе среди демократически настроенной интеллигенціи—учителей, земскихъ служащихъ и т. д.“ *).

Если это и вѣрно, то лишь постольку, поскольку *террористическая* дѣятельность соціалистовъ-революціонеровъ импонировала интеллигенціи вообще, провинціальной въ частности. Въ смыслѣ же „работы“ среди крестьянства, с-р-ы, конечно, наталкивались на тѣ же трудности, какъ и другія революціонныя организаціи: незначительную политическую зрѣлость самой интеллигенціи, отсутствіе всякаго объединенія въ ея рядахъ, административный сыскъ.

Гораздо болѣе правъ тов. Никодимовъ, давая слѣдующую характеристику работы революціонныхъ партій въ деревнѣ наканунѣ революціи: „На проселочныхъ дорогахъ и въ глухихъ деревушкахъ начали появляться листки „къ крестьянамъ“; въ дремучихъ лѣсахъ устраивались крестьянскія массовки; работа шла въ подпольѣ и въ нелегальной литературѣ съ ея бѣднымъ отдѣломъ хроники появлялись только отрывочныя указанія на эту просвѣтительную работу. По

*) Б. Веселовскій, „Крест. вопросъ и кр. движеніе въ Россіи“, стр. 25.

„Искрѣ“ и „Рев. Россіи“ мы можемъ установить лишь отдѣльные случаи агитаціонной дѣятельности соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ; но что крестьянская мысль пробудилась и жадно искала отвѣта на волнующіе ее вопросы — это фактъ, наблюдавшійся и лично нами во время „работы“ въ партійныхъ организаціяхъ и цѣлымъ рядомъ товарищей, работавшихъ въ деревнѣ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Это былъ періодъ больше литературной агитаціи, чѣмъ устной“ *).

Условія для агитаціи были очень благопріятны. Война съ Японіей, начавшаяся какъ разъ въ этотъ періодъ, впервые послѣ долгихъ лѣтъ реакціи сосредоточила вниманіе всего народа на общенаціональныхъ вопросахъ. Если городъ уже до войны былъ въ извѣстной мѣрѣ подготовленъ къ общеполитическимъ интересамъ, то деревня выростала политически на почвѣ послѣдовательныхъ пораженій русскаго оружія. Корреспонденты того времени одинаково отмѣчаютъ повышенный интересъ деревни къ общественнымъ вопросамъ, наростаніе народнаго недовольства. Удобная для агитаціи почва была широко использована партіями. Прокламаціи революціонныхъ организацій десятками тысячъ расходились въ деревняхъ и, быть-можетъ, не малую роль сыграла эта революціонная агитація въ возникновеніи бунтовъ запасныхъ, начавшихся во второй половинѣ 1904 года.

Мѣсто не позволяетъ намъ дать подробную характеристику „агитаціи противъ войны“. Достаточно отмѣтить здѣсь, что основной нотой всѣхъ прокламацій былъ призывъ къ революціонному политическому перевороту, къ борьбѣ за *Учредительное Собраніе.*

Мы были бы несправедливы къ либеральному теченію освободительнаго движенія, не упомянувъ объ его роли въ политической агитаціи этого періода. Кабинетный либерализмъ осенью 1904 года рѣшилъ, наконецъ, выйти на улицу. Заграничный органъ русскихъ либераловъ, „Освобожденіе“, выступилъ передъ народомъ съ политической программой. Это выступ-

*) Н. Никодимовъ и П. Ларіоновъ, „Крестьянское движеніе и аграрный вопросъ“, изд. С. Скирмунта, стр. 7.

леніе едва ли имѣло успѣхъ—слишкомъ далеки были либеральные „кабинеты“ отъ улицы, слишкомъ плохо знакомы были имъ подпольные ходы нелегальной агитаціи.

Впрочемъ и само содержаніе воззванія не могло привлечь массы къ либеральному знамени. Учредительному Собранію революціонныхъ партій либералы противопоставляютъ „конституцію“, при которой „управлять дѣлами будутъ всѣ сообща — государь, министры и народные представители“. Ни компетенція „народныхъ представителей“, ни форма избирательнаго права не указываются въ воззваніи. Но эта туманная „конституція“ сулитъ богатыя блага народу. По словамъ воззванія народъ тамъ, гдѣ онъ добивался „конституціи“, „вездѣ устраивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей свои училища и быстро богатѣлъ... И если бы русскій народъ потребовалъ себѣ и добился конституціи, то и онъ избавился бы отъ оскудѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій“... *) Въ заключеніе либералы обѣщаютъ народу при конституціонномъ режимѣ такое „множество школъ, что всякій сможетъ получить высшее образованіе“, освобожденіе отъ „всякой тѣсноты, наказаній розгами“ и „жизнь въ довольствѣ“.

Такъ реагировали либералы на политическое пробужденіе народа.

Предыдущее изложеніе показало намъ, какъ мало политически подготовленнымъ вступало крестьянство въ русскую революцію. Тая въ себѣ громадную революціонную силу, оно должно было лишь *въ самомъ процессѣ революціи* пріобрѣсти тотъ политическій опытъ, который другія общественныя группы до извѣстной степени успѣли пріобрѣсти уже до революціи, частью въ силу традиціи (реакціонное и земско-либеральное дворянство), частью вслѣдствіе своего доминирующаго положенія въ производствѣ (крупная торгово-промышленная буржуазія), частью благодаря своей упорной

*) Троцкій, „Явленіе либераловъ народу“. „За два года“, стр. 509.

классовой борьбѣ уже въ эпоху реакціи (пролетаріатъ). Эта слабость политической подготовки объясняетъ намъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ крестьянскаго движенія два характерныхъ для него факта: преобладаніе соціально-экономическаго протеста надъ политическимъ, при чемъ экономическое движеніе обнаруживаетъ самое радикальное содержаніе; съ другой стороны — слабость политическихъ проявленій крестьянской мысли, какъ въ мѣстномъ движеніи, такъ и въ Государственной Думѣ.

Обрисуемъ въ общихъ чертахъ политическую эволюцію крестьянства до „манифеста 17 октября“.

I.

Ближайшимъ поводомъ къ выраженію политическаго сознанія крестьянства могъ быть указъ 18-го февраля 1905 года, даровавшій всѣмъ русскимъ „гражданамъ“ право обращенія къ верховной власти по вопросамъ „усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“. Мы въ правѣ ждать, что эта форма, наиболѣе соотвѣтствующая традиціоннымъ взглядамъ крестьянства на центральную правительственную власть, скорѣе всего найдетъ себѣ откликъ въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія.

Въ дѣйствительности новое право петицій весьма мало было использовано крестьянствомъ — до лѣта 1905 года въ печати встрѣчается очень мало крестьянскихъ приговоровъ, составленныхъ согласно указу 18-го февраля. Уже одинъ этотъ фактъ весьма показателенъ, если сопоставить его съ широкимъ развитіемъ за тѣ же мѣсяцы экономическаго движенія деревни. Правда, извѣстную роль сыграли здѣсь и репрессіи со стороны мѣстныхъ властей, тормазившихъ ознакомленіе населенія съ его новымъ правомъ, но нельзя преувеличивать ихъ роли — активное политически крестьянство въ гораздо большей мѣрѣ могло бы преодолѣть эти репрессіи, чѣмъ мы наблюдаемъ это фактически.

Общей для всѣхъ извѣстныхъ намъ крестьянскихъ приговоровъ этого времени чертой слѣдуетъ признать не политическое, а соціально-экономическое содержаніе. Въ большинствѣ случаевъ приговоры вовсе не касаются политическихъ вопросовъ. Съ другой стороны немногочисленные приговоры политическаго характера отличаются рѣзкой опредѣленностью требованій. Такъ, напр., крестьяне пос. Висунскаго въ своей петиціи заявляютъ о необходимости прекращенія войны предоставленія населенію свободы печати, союзовъ, собраній и т. п., созыва „всероссійскаго представительнаго собранія". „Распорядись, государь, немедленно призвать нашихъ представителей, которые будутъ нами честно выбраны всеобщей, равной, тайной подачей голосовъ"... *) пишутъ въ своемъ адресѣ крестьяне славяносербскаго общества Херсонской губ. Нетрудно угадать истинныхъ творцовъ политическаго самосознанія крестьянства начальнаго періода революціи. Всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право, созывъ народныхъ представителей и т. д. все это — требованія, общія объемъ соціалистическимъ партіямъ, внесенныя въ деревню политической агитаціей во время войны. Оттого-то приговоры политическаго характера и единичны. Наоборотъ, разнородность проектовъ аграрной реформы, предлагаемыхъ въ тѣхъ же приговорахъ говоритъ о все еще слабой связи этихъ партій съ широкой деревенской массой.

Развертывающееся съ грозной мощью стихійнаго соціальнаго процесса крестьянское движеніе первой половины 1905 года не могло не привлечь къ себѣ вниманія какъ защитниковъ стараго строя, интересамъ которыхъ — политическимъ и экономическимъ—могло нанести рѣшительный ударъ такое „пробужденіе" деревни отъ полувѣкового сна, такъ и либеральнаго „общества". „Союзъ" съ крестьянствомъ въ дѣлѣ политическаго обновленія Россіи, естественно, представлялся либераламъ гораздо болѣе возможнымъ и выгоднымъ, чѣмъ хотя бы временное соглашеніе съ пролетаріатомъ, такъ рѣшительно вступившимъ на революціонный путь и такъ

*) Цитировано у Громана: „Развитіе революціи". „Правда", 1906 г., кн. I, стр. 69.

основательно „просвѣщеннымъ" агитаціей соціалистическихъ партій.

Повторяется то же, что происходило 15-ю годами раньше послѣ народныхъ бунтовъ, вызванныхъ неурожаемъ 1891—2 гг. Либералы идутъ къ крестьянству съ намѣреніемъ связать „разнуздывающагося звѣря" либеральнымъ намордникомъ. Но теперь уже не просвѣтительныя общества, а либеральныя земства играютъ роль своеобразныхъ органовъ конституціонной агитаціи.

Вначалѣ земскій либерализмъ для достиженія этой цѣли пользуется, какъ матеріаломъ, „агитаціей темныхъ силъ" въ деревнѣ. Уже въ мартѣ саратовская губ. земск. управа разсылаетъ по волостнымъ правленіямъ воззваніе по поводу черносотенной агитаціи, направленной противъ земскихъ служащихъ. Толчкомъ къ дальнѣйшему „сближенію" либераловъ съ народомъ служитъ постановленіе съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей—распространять въ населеніи свѣдѣнія о земской депутаціи 6-го іюня, рѣчи кн. С. Н. Трубецкого и отвѣта государя.

„Царское слово къ земскимъ и городскимъ дѣятелямъ" тысячами расходится по деревнямъ. Такъ, напр., ярославское губ. земское собраніе постановило отпечатать отвѣтъ государя въ 10.000 экз. Аналогичныя постановленія были сдѣланы лохвицкимъ, херсонскимъ, новгородскимъ, балашовскимъ и другими земствами. Рузское земство не ограничилось разсылкой воззваній и поручило своему предсѣдателю, кн. Павлу Д. Долгорукому, созвать волостные сходы и лично сообщить крестьянамъ о пріемѣ царемъ земской депутаціи. И хорошо сдѣлало, ибо въ рядѣ случаевъ постановленія земскихъ собраній о распространеніи воззваній встрѣтили отпоръ со стороны губернскихъ властей и „царское слово", совершивъ экскурсію въ волостныя правленія, возвращалось обратно въ канцеляріи земскихъ управъ. Такую же участь имѣли попытки земствъ возможно шире ознакомить деревню съ правомъ петицій, дарованнымъ указомъ 18 февраля. Херсонскій губернаторъ, напр., воспротивился разсылкѣ земствомъ означеннаго указа, „ибо при примѣненіи его малограмотнымъ населеніемъ легко встрѣтятся недора-

зумѣнія, въ виду недостаточно точнаго смысла (указа), что въ свою очередь можетъ вызвать весьма нежелательныя послѣдствія".

Попытки литературной агитаціи земства вскорѣ смѣнились другимъ средствомъ „покоренія" крестьянства „подъ нози" либеральной партіи—привлеченіемъ выборныхъ отъ крестьянъ къ совмѣстной работѣ съ „земскими дѣятелями" во всякаго рода „совѣтахъ", „комиссіяхъ" и т. п. при земскихъ управахъ. Эта форма „сближенія" усиленно практикуется земствомъ въ теченіе второй половины лѣта и далѣе, вплоть до октябрьскихъ дней свободы. Raison d'être земскихъ совѣщаній весьма опредѣленно высказанъ въ постановленіи саратовскаго губ. земск. собранія 11 іюля 1905 года. „Для ослабленія дальнѣйшаго развитія классовой вражды, читаемъ мы тамъ, грозящей перейти въ гражданскую войну, желательно: во-первыхъ, — устройство совѣщаній земскихъ дѣятелей съ крестьянами по вопросамъ политической и соціальной реформъ; во-вторыхъ, желательна организація крестьянскихъ союзовъ, на подобіе тѣхъ, которые организуются теперь въ Московской, Курской губ. и Петровскомъ у. Саратовской губ.".

На эту примирительную цѣль указываетъ и обычный порядокъ „совѣщаній": крестьянамъ прочитываются и раздаются „либеральные" указы правительства, рѣчи кн. С. Н. Трубецкого, брошюры о конституціонномъ строѣ и т. п.; ведутся бесѣды относительно аграрныхъ волненій, дѣятельности земства, преобразованія налоговой системы и т. п. Въ концѣ концовъ выносятся резолюціи о необходимости реформъ. Всѣ эти резолюціи проводятся, конечно, въ духѣ „съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей".

Хожденіе либеральныхъ земцевъ въ народъ окончилось ихъ полнымъ фіаско. Организовавшееся въ союзы — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по почину самого земства (Льговскій и Суджанскій у.у. Курской губ. [1])—крестьянство вскорѣ обнаружило, какъ это показалъ первый учредительный съѣздъ

[1]) Старобѣльское земское собраніе постановило даже отправить двухъ делегатовъ крестьянъ на московскій крестьянскій съѣздъ.

„Всероссійскаго Крестьянскаго Союза", рѣзкую разницу направленій помѣстнаго либеральнаго дворянства и мелкобуржуазнаго крестьянства. Наиболѣе острое расхожденіе сказалось, конечно, въ аграрной программѣ; но и въ своихъ политическихъ требованіяхъ „Вс. Кр. Союзъ" пошелъ гораздо дальше земцевъ, приблизившись къ программѣ—minimum соціалистическихъ партій.

И если еще до октября земскіе дѣятели продолжаютъ свою „народную кампанію", то послѣ новаго взрыва аграрныхъ волненій, земства рѣшительно поворачиваютъ фронтъ и начинаютъ эру репрессій по отношенію къ своимъ служащимъ, увлекшимся агитаціей среди населенія не такъ давно поощряемой „вторымъ элементомъ" земства. За увольненіемъ отдѣльныхъ земскихъ служащихъ идутъ закрытія цѣлыхъ отдѣловъ, оказавшихся неудобными при новомъ направленіи земской мысли. И новыя комиссіи при земскихъ управахъ, открывавшіяся въ этотъ періодъ, избираютъ себѣ болѣе благодарную задачу—посредничество между крестьянами и землевладѣльцами въ покупкѣ земли у помѣщиковъ, согласно манифесту 3 ноября 1905 года.

Рядомъ съ либеральнымъ теченіемъ старается создать себѣ почву въ „народѣ" и реакціонное. Администрація, организуя черносотенныя банды въ городахъ, не оставила безъ вниманія и деревню. Въ деревняхъ распространяются листки, натравливающіе крестьянъ на „господъ" и „интеллигенцію". Губернскія власти появляются на волостныхъ и сельскихъ сходахъ и держатъ рѣчи о „броженіи умовъ". Дѣлаются попытки организовать „союзы русскаго народа". Но и реакціонная пропаганда въ деревнѣ приводитъ къ такому же результату, какъ и агитація либераловъ. Либеральными и реакціонными попытками организаціи крестьянъ пользуется, въ концы концовъ, демократическая интеллигенція, объединяя прогрессивные элементы крестьянства подъ лозунгами демократіи въ „Всероссійскій Крестьянскій Союзъ".

„Вс. Кр. Союзъ" возникъ по иниціативѣ съѣзда крестьянъ Московской губ., происходившаго въ *маѣ* мѣсяцѣ 1905 года. Съѣздъ былъ созванъ въ противовѣсъ реакціонной агитаціи московскаго дворянства и администраціи и постановилъ об-

разовать крестьянскій союзъ Московской губ. и начать энергичную агитацію за организацію „Всероссійскаго Крестьянскаго Союза“.

Въ длинной резолюціи московскій съѣздъ выясняетъ свое отношеніе къ политическому движенію и къ роли въ немъ крестьянства. Подвергнувъ рѣзкой критикѣ безконтрольное господство бюрократіи, съѣздъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „государственное управленіе дѣлами должно быть только при участіи всего народа черезъ выборныхъ всѣмъ населеніемъ, равное для всѣхъ, какъ для дворянъ, такъ и крестьянъ, чтобы не было притѣсненій со стороны губернатора, земскихъ начальниковъ и разныхъ чиновниковъ. Выборные отъ народа должны принимать участіе въ созданіи законовъ, въ государственной раскладкѣ податей и оброковъ, раскладывая ихъ такъ, чтобы богатые платили больше, бѣдные—меньше; контроль надъ государственнымъ казначействомъ, а также надъ дѣйствіями чиновниковъ по управленію страной, не исключая министровъ“. Затѣмъ въ резолюціи говорится о необходимости свободы слова, союзовъ и т. п., организаціи выборнаго управленія на мѣстахъ.

Съѣздъ устранился отъ рѣшенія аграрнаго вопроса. Рѣшеніе этого вопроса, по его мнѣнію, составляетъ задачу „Всероссійскаго Кр. Союза“. „Настоящее бѣдственное положеніе крестьянъ, говоритъ резолюція, вслѣдствіе малоземелья, непосильныхъ поборовъ и налоговъ со стороны администраціи, неграмотности населенія, его безправія, не можетъ быть исправлено настоящимъ чиновничьимъ государственнымъ управленіемъ, а для достиженія всѣхъ намѣченныхъ благъ и впредь до уравненія крестьянъ съ остальными сословіями учреждается Вс. Кр. Союзъ“. Организація союза рисуется съѣзду въ слѣдующихъ чертахъ: „союзъ состоитъ изъ представителей отъ каждой губерніи по 5 человѣкъ. Его отдѣленія на мѣстахъ слѣдующія: губернское—по 5 чел. на уѣздъ, уѣздное отдѣленіе по 5 человѣкъ отъ волости. Волостной союзъ состоитъ изъ неограниченнаго числа (членовъ), но не менѣе 5 человѣкъ“.

Проектированный на московскомъ съѣздѣ, учредительный

съѣздъ „Вс. Кр. Союза“ собрался 31 іюля 1905 года. На съѣздъ прибыли крестьяне изъ 22-хъ *) губерній въ количествѣ свыше 100 человѣкъ. Кромѣ того присутствовало до 25 интеллигентовъ.

Выяснимъ, прежде всего, на основаніи протоколовъ съѣзда **), въ какомъ положеніи къ моменту съѣзда находилось дѣло организаціи Союза на мѣстахъ, представителями *кого* являлись участники съѣзда.

Въ Донской области образованію союза положила начало агитація двухъ интеллигентовъ, братьевъ Мазуренко. Первое крестьянское собраніе состоялось 18 іюня въ пос. Екатерининскомъ. Результатомъ обсужденія политическихъ и экономическихъ вопросовъ былъ приговоръ съ рядомъ политическихъ и экономическихъ требованій. Этотъ приговоръ екатерининскихъ крестьянъ обсуждался затѣмъ на другихъ крестьянскихъ сходахъ. „За мѣсяцъ-полтора успѣли сорганизоваться 25 селеній въ восьми волостяхъ, на площади, примѣрно, 60 верстъ въ поперечникѣ“.

Въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губ. движеніе исходитъ отъ сельско-хозяйственнаго общества, въ засѣданіяхъ котораго принимали участіе крестьяне. Крестьяне семи волостей, собравшись въ количествѣ до 500 человѣкъ, рѣшили послать своего выборнаго въ Петербургъ съ заявленіемъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ. Депутатъ былъ арестованъ. Послѣ этого, 29 мая, въ Сумы съѣхалось до 7,000 крестьянъ, устроили митингъ, на которомъ было постановлено: требовать учредительнаго собранія, амнистіи, передѣла всѣхъ земель; если эти требованія не будутъ удовлетворены—не платить податей и не давать солдатъ. Рѣшено дѣйствовать двумя путями — прошеніями и резолюціями и сельско-хозяйственными забастовками. Выбрать

*) Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской Области.

**) „Учредительный съѣздъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза“. Изданіе главнаго комитета Вс. Кр. Союза.

отъ волостей крестьянскіе комитеты, къ которымъ и должна перейти вся власть на мѣстахъ.

Въ Черниговской губ. „еще до 18 февраля было движеніе, но несмѣлое“. Послѣ 18 февр. стали составлять приговоры. „Я знакомъ съ половиной Черниговской губ., говорилъ делегатъ, знаю и нѣкоторыя другія, и могу свидѣтельствовать, что у насъ, крестьянъ, сложилось сознаніе необходимости политическаго и экономическаго равенства“. Сознательность крестьянъ Черниговской губ. выразилась въ устроеніемъ ими бойкотѣ созванной губернаторомъ комиссіи для обсужденія проекта Стишинскаго. „Для обсужденія проекта было выбрано по два человѣка отъ волости, а эти выбрали по 3 человѣка отъ уѣзда. Губернаторъ двухъ выборныхъ отстранилъ—одному поздно послалъ повѣстку, а другого просто подъ какимъ-то предлогомъ арестовалъ. Выборные, находя, что не стоитъ разсматривать законъ, который созданъ на вредъ крестьянамъ, устроили забастовку, и губернаторская затѣя не удалась“.

Въ Тульской губ. „уже три года назадъ стали складываться среди крестьянъ *кружки самообразованія*. Въ іюлѣ былъ съѣздъ крестьянъ отъ разныхъ уѣздовъ, на которомъ рѣшено было организовать тульскій отдѣлъ Вс. Кр. Союза. Въ Епифанскомъ у. *интеллигенція* предложила выбрать представителей отъ крестьянъ“. Это предложеніе дало толчокъ къ организаціи союза.

Представители Владимірской губ. отмѣчаютъ слабое развитіе крестьянскаго движенія въ ихъ мѣстности. Одинъ изъ нихъ указываетъ на существованіе въ его уѣздѣ „самостоятельно возникшей революціонной организаціи“.

Въ Курской губ., подъ вліяніемъ прокламаціи московскаго крестьянскаго съѣзда, „3 іюня состоялся съѣздъ 47 выборныхъ отъ разныхъ уѣздовъ. На съѣздѣ былъ организованъ союзъ и были выбраны делегаты на всероссійскій съѣздъ“. Въ 11 уѣздахъ уже есть организаціи.

Вологодскій представитель констатируетъ недовольство крестьянъ своимъ правовымъ положеніемъ. „Интеллигенція уже работаетъ, говоритъ онъ, и я думаю, что недалеко то время, когда и наша губернія организуется“.

Въ Орловской губ., по словамъ делегата, движеніе сильно тормазится репрессіями со стороны администраціи.

Въ Казанской губ. — „образовался крестьянскій союзъ, но пока онъ въ зародышѣ“.

Вотъ тѣ немногія данныя о ростѣ всероссійскаго объединенія крестьянъ, которыя мы находимъ въ рѣчахъ делегатовъ учредительнаго съѣзда Кр. Союза. Очевидно за истекшіе, послѣ майскаго съѣзда крестьянъ Московской губ., два мѣсяца организація союза подвинулась впередъ очень слабо, и лишь тамъ, гдѣ предыдущее движеніе другихъ общественныхъ группъ къ крестьянству положило начало участію крестьянъ въ той или другой формѣ въ обсужденіи злободневныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, воззваніе московскаго съѣзда оформило движеніе, давъ ему опредѣленное направленіе. Вс. Кр. Союзу пришло здѣсь пожинать плоды чужой работы, и первоначальнымъ базисомъ его явились тѣ немногія ячейки крестьянской демократіи, которыя образовались частью благодаря земско-конституціонному хожденію въ народъ, частью благодаря дѣятельности революціонныхъ организацій.

Мы не можемъ поэтому разсматривать рѣчи участниковъ Учред. Съѣзда, какъ выраженіе мысли *массы* крестьянства и должны смотрѣть на резолюціи съѣзда, какъ на програму радикальнаго теченія среди прогрессивной части крестьянства. Благодаря именно такому своему характеру, Вс. Кр. Союзъ, по нашему мнѣнію, сыгралъ въ исторіи освободительнаго движенія роль болѣе близкой къ крестьянству революціонной и, притомъ, конспиративной организаціи, способной въ „дни свободы“, когда городской пролетаріатъ проявлялъ свою волю въ могущественныхъ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ, подняться до открытаго съѣзда, во время же реакціи влачившей незамѣтное существованіе генеральнаго штаба безъ арміи.

Но „Вс. Кр. Союзъ“ выгодно отличался отъ другихъ революціонныхъ организацій своимъ составомъ—онъ, дѣйствительно, былъ *крестьянскимъ*, хотя отдѣльные представители его и находились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ соціалистическихъ партій. Положеніе обязываетъ—и близость

„Кр. Союза“ къ крестьянской массѣ *обязывала* его не отходить слишкомъ далеко отъ средняго уровня крестьянства, приноравливать свою программу и особенно тактику къ уровню крестьянскаго движенія.

Эта особенность Союза замѣтно сказалась уже на его первомъ учредительномъ съѣздѣ при обсужденіи политическихъ реформъ. Необходимость *Учредительнаго Собранія* признана была единогласно. Единогласно прошла и четырехчленная формула избирательнаго права. Вопросъ же о „формѣ правленія“ рѣшенъ былъ въ гораздо менѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ. Съѣздъ призналъ, что „народное представительство должно быть осуществлено въ формѣ постоянно дѣйствующаго независимаго учрежденія“, что „народнымъ представителямъ должно принадлежать право самостоятельнаго законодательнаго почина, установленія государственной росписи налоговъ и контроля надъ администраціей“. Но въ то же время съѣздъ отвергъ предложенную представителемъ соціаль-демократической партіи резолюцію: „демократическая республика обезпечитъ насъ довести до конца наши хозяйственныя и правовыя требованія“.

Любопытно сопоставить съ этой неопредѣленной формулировкой политическихъ требованій резолюціи съѣзда по аграрному вопросу. Ихъ четыре: 1) частная земельная собственность должна быть отмѣнена (принято единогласно); 2) должны быть отобраны безъ выкупа земли монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетскія и государевы (пр. единогласно); 3) у частныхъ владѣльцевъ земля должна быть отобрана частью за вознагражденіе, частью безъ вознагражденія (пр. большинствомъ противъ 5); 4) подробныя условія, на которыхъ частновладѣльческая земля будетъ отобрана, должны быть опредѣлены учредительнымъ собраніемъ, которое и издастъ по поводу этого законъ (пр. единогласно). По вопросу о томъ, кому должна принадлежать земля, съѣздъ постановилъ большинствомъ противъ одного, что земля должна считаться общей собственностью всего народа.

Нетрудно открыть причину *политической* осторожности крестьянскаго съѣзда, шагнувшаго такъ далеко въ вопросѣ о коренной *соціальной* реформѣ—земельной. Стихійная сила

экономическаго движенія крестьянъ первой половины 1905 года была еще очень памятна всѣмъ; въ земельной реформѣ съѣздъ смѣло могъ разсчитывать на поддержку широкихъ слоевъ крестьянства. Не такъ обстояло дѣло съ политическимъ движеніемъ и политической сознательностью крестьянства. Самодержавіе должно быть отмѣнено, „но царя касаться не слѣдуетъ“, вотъ съ какимъ впечатлѣніемъ пріѣхали на съѣздъ делегаты Союза. Это ясно чувствуется въ рѣчахъ отдѣльныхъ участниковъ съѣзда.

Правда, на съѣздѣ слышатся возгласы и о необходимости „добиться настоящей свободы революціоннымъ путемъ“ *). Но, мы думаемъ, не эти возгласы, а скорѣе рѣчь второго курскаго делегата, характерна для большинства съѣзда: „Революціонныя прокламаціи, говорилъ онъ, имѣютъ большое значеніе въ смыслѣ просвѣтленія народнаго сознанія, но надо сказать, что многія прокламаціи составляются *не въ духѣ народа;* въ нихъ есть нападки на самого царя, а это производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Царя не нужно бы трогать, онъ у нихъ дышитъ чѣмъ-то великимъ еще. Это въ свое время само собой пройдетъ“. Курскаго делегата поддерживаетъ и вологодскій: „я долженъ въ интересахъ истины, подтвердить такой же фактъ и у насъ, хотя лично держусь другихъ возрѣній на царскую власть“.

Вполнѣ послѣдовательна, съ указанной точки зрѣнія, и принятая съѣздомъ тактика. „Всѣ члены союза, читаемъ мы въ тактической резолюціи, должны распространять свои взгляды и осуществлять свои требованія всѣми возможными способами, не стѣсняясь противодѣйствіемъ земскихъ начальниковъ, полиціи и другого начальства. Въ томъ числѣ настойчиво совѣтуется пользоваться своимъ правомъ составлять общественные приговоры на сельскихъ и волостныхъ сходахъ и частныхъ собраніяхъ объ усовершенство-

*) Характерно, что однимъ изъ рѣшительныхъ сторонниковъ такого пути былъ делегатъ Казанской губ., гдѣ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не было массовой крестьянской организаціи. „Путь реформъ прошелъ, сказалъ онъ въ своей краткой рѣчи, теперь настало время рѣшать вопросы революціоннымъ путемъ“.

ваніи государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія".

Съѣздъ, очевидно, оперировалъ, при выработкѣ этой резолюціи съ имѣющимся уже опытомъ, не считая возможнымъ предугадать напередъ форму политическаго движенія крестьянства. Поэтому-то мы находимъ въ резолюціи *одно* конкретное указаніе на тактическія дѣйствія Союза, имѣнно,— пробужденіе крестьянской мысли при помощи „законныхъ" (съ 18-го февраля) политическихъ приговоровъ крестьянскихъ обществъ. Оттого, повидимому, и въ общей части резолюціи прежде всего упоминается противодѣйствіе земскихъ начальниковъ, и не предвидится возможность болѣе острыхъ столкновеній съ основной матеріальной силой реакціи—арміей, роль которой соціалистическія партіи всегда подвергали тщательной оцѣнкѣ при обсужденіи своей тактики.

Въ протоколахъ съѣзда отсутствуютъ, къ сожалѣнію пренія по тактическимъ вопросамъ. Но кое-какія указанія на возможную тактику встрѣчаются въ рѣчахъ ораторовъ по другимъ вопросамъ. Революціонно настроенные делегаты (владимірскій 2-й, московскій 3-й) считаютъ революціонную тактику единственно продуктивной. „Нѣтъ! не нужно дипломатическихъ разговоровъ, восклицаетъ московскій делегатъ, нуженъ одинъ путь - революціонный. Иначе насъ опять обманутъ". Но и онъ, повидимому, еще ждетъ добровольной уступки со стороны старой власти. „Милліонами голосовъ, говоритъ онъ далѣе, *будемъ неотступно заявлять о святости только нашихъ правъ на землю. Если же убѣжденія не помогутъ*, то „встань, проснись, пахарь другъ! Разогни-ка спину! Брось на время свой плугъ и возьми дубину!"

Со стороны остальныхъ участниковъ съѣзда революціонная тактика встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ. „Революціоннымъ путемъ, говоритъ, напр., черниговскій делегатъ, мы еще не можемъ дѣйствовать, насъ мало; *нельзя вооружать противъ себя массу...* Въ политикѣ нужна хитрость; гдѣ хитрость, тамъ и умъ".

II.

Учредительный съѣздъ „Всероссійскаго Крестьянскаго Союза" открываетъ собой новую эру политическаго движенія крестьянства. Въ лицѣ „Союза" прогрессивные элементы деревни получили возможность сорганизоваться *вблизи крестьянства* подъ лозунгомъ его объединенія и повышенія его политическаго уровня.

Политическая коньюнктура того времени, казалось, благопріятствовала быстрому росту политической сознательности деревни: движеніе городского пролетаріата не затихало, а отдѣльныя проявленія его, какъ, напр., Иваново-Вознесенская стачка, обнаруживали стойкость и принципіальность пролетарской борьбы; волненія матросовъ Черноморскаго флота обѣщали въ близкомъ будущемъ широкое броженіе въ арміи, тѣмъ болѣе, что возвращеніе манчжурскихъ войскъ, въ кровавыхъ урокахъ войны испытавшихъ безсиліе царскаго правительства и развращенность бюрократіи, должно было внести въ армію прямо революціонный элементъ. Даже либералы, казалось, готовились взять приступомъ колеблющееся самодержавіе. Словомъ, близость народной побѣды, побѣды революціи висѣла въ воздухѣ. И если бы настроеніе крестьянской массы гармонировало съ настроеніемъ городского пролетаріата, „организующій центръ" крестьянства, „Вс. Кр. Союзъ", несомнѣнно, занялъ бы видное мѣсто въ дальнѣйшемъ развитіи освободительнаго движенія.

Но именно въ этотъ моментъ съ очевидной ясностью обнаружилась слабая подготовка политической сознательности крестьянской массы. Смѣлое въ своихъ рѣшительныхъ выступленіяхъ противъ помѣщичьяго гнета крестьянство туго поддается политическому объединенію.

Судя по отчетамъ делегатовъ *ноябрьскаго* съѣзда „Вс. Кр. Союза" *), общая картина роста организаціи за это время

---

¹) См. „Матеріалы къ крестьянскому вопросу". Отчетъ о засѣданіяхъ делегатскаго съѣзда Вс. Кр. Союза 6—10 ноября 1905 года, изданіе „Новаго Міра".

мало чѣмъ отличается отъ того, что мы наблюдали къ моменту перваго учредительнаго съѣзда союза. Лишь кое-гдѣ движеніе получило широкіе размѣры. Такъ, въ Донской Области къ союзу примкнуло 202,564 человѣкъ; въ Рузскомъ у. Московской губ. насчитывается до 15 тысячъ объединившихся крестьянъ; въ Екатеринославской губ. до 700. Наиболѣе крупные размѣры политическое движеніе крестьянства пріобрѣло въ Саратовской и Харьковской губ. Въ другихъ губерніяхъ—Витебской, Воронежской, Владимірской—у Союза имѣются пока только отдѣльныя „связи“. Нѣкоторые делегаты были выбраны спеціально для участія въ работахъ съѣзда.

Въ этой неравномѣрности роста Союза въ отдѣльныхъ губерніяхъ послѣ учредительнаго съѣзда повторяется то же явленіе, которое мы отмѣчали выше: движеніе растетъ тамъ, гдѣ помимо „Кр. Союза“ старались пріобрѣсти вліяніе въ крестьянствѣ другія общественныя группы. Первое мѣсто по широтѣ движенія попрежнему занимаютъ, кромѣ Донской Области, Рузскій у. Московской губ. и Сумской у. Харьковской губ. — арена наиболѣе энергичной дѣятельности „земскихъ конституціоналистовъ“. Въ Саратовской губ., гдѣ политическое движеніе крестьянъ выразилось въ наиболѣе рѣзкихъ формахъ, возникновеніе движенія носитъ такой же, внѣшній для самого крестьянства, характеръ. „Началось у насъ съ „банкетовъ“, читаемъ мы въ отчетѣ саратовскаго делегата. Уже тогда образовалось два лагеря: революціонеры и народники—просвѣтители. Школы и чайныя были превращены въ мѣста для народныхъ собраній... При земскомъ экономическомъ совѣтѣ либералы устроили крестьянскій союзъ. Въ уѣздѣ дѣйствовалъ партійный союзъ (с-р-скій)“.

Въ Екатеринославской губ. „движеніе возникло раньше крестьянскаго союза, подъ вліяніемъ соціалъ-демократической и соц.-революціонной партій“. Работа революціонныхъ организацій отмѣчается делегатами и другихъ губерній: Псковской, Казанской, Смоленской, Кіевской, Пензенской, Черниговской, Нижегородской.

До 17-го октября внѣшнія условія деревенской жизни мало благопріятствовали пробужденію въ крестьянской массѣ интереса къ политическимъ вопросамъ. Послѣ изданія манифеста положеніе рѣзко мѣняется. Тайныя, немноголюдныя „массовки“ въ лѣсахъ смѣняются открытыми митингами, въ иныхъ мѣстахъ въ нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ чел., и революціонная агитація далеко разноситъ по деревнямъ лозунги политической борьбы. Распространенность деревенскихъ митинговъ отмѣчаютъ въ своихъ рѣчахъ на съѣздѣ делегаты Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Московской, Пензенской, Саратовской, Смоленской, Харьковской, Ярославской губ. Приведемъ здѣсь изъ рѣчей депутатовъ наиболѣе яркія характеристики этой митинговой волны.

Въ Харьковской губ., „въ первый день свободы въ Сумахъ состоялись три митинга, одинъ изъ нихъ въ 10 тыс. чел. Была одна демонстрація съ красными знаменами, въ которой участвовали 40 тыс. чел. всѣхъ партій. Говорили рѣчи, ораторы изъ крестьянъ выставляли лозунгъ: земля и воля. Мы образовали комитетъ, предложивъ каждой волости выбрать по одному представителю.„ На митингѣ 29 октября были выработаны слѣдующія требованія: въ ноябрѣ долженъ быть изданъ законъ о созывѣ учредительнаго собранія не позднѣе января 1906 г. изъ депутатовъ, выбранныхъ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ по одному отъ каждыхъ 100 тыс. населенія. До избранія депутатовъ выбрать на мѣстахъ комитеты. Земля должна быть общей въ уравнительномъ пользованіи безъ права залога. Фабрики и заводы передать общинамъ. Это можетъ быть достигнуто союзомъ крестьянъ и рабочихъ“.

Въ г. Красномъ Смоленской губ. „30 октября собралось около 1,000 крестьянъ на митингъ. Настроеніе было бодрое, присоединились къ обычнымъ требованіямъ вплоть до освобожденія всѣхъ политическихъ: „Умремъ но освободимъ!“ Передъ этимъ митингомъ были сходы въ сосѣднихъ деревняхъ; составляли приговоры и выбирали делегатовъ на крестьянскій съѣздъ. Помѣщики хотѣли собрать крестьянъ, чтобы разъяснить манифестъ. Крестьяне превратили это собраніе въ народное“.

Въ Ярославской губ. „послѣ 17-го октября сильное дви-

женіе въ деревняхъ. Администрація теперь силы не имѣетъ. Митинги достигаютъ 8 тыс. чел., проходятъ мирно. Высказываются за передачу земли народу мирнымъ путемъ черезъ учред. собраніе“.

То же самое происходило и въ другихъ губерніяхъ. Отличительной чертой этого періода политическихъ митинговъ въ деревнѣ слѣдуетъ признать преобладаніе „революціонной“ агитаціи надъ „оппозиціонной“. Насколько энергично революціонныя партіи использовали открывшійся для нихъ доступъ въ деревню и какой характеръ носила агитація, можно судить по слѣд. корреспонденціи изъ Нижегородскаго уѣзда, помѣщенной въ № 7 газеты „Начало“: „съ 25 окт. по 13 ноября нижегородской крест. группой (с.-д.) въ 18 деревняхъ было устроено 23 митинга. Излагалась прежде всего исторія крестьянскаго землепользованія въ до- и крѣпостное время. Затѣмъ обрисовывался ходъ современныхъ событій и разбирался вопросъ о Госуд. Думѣ и о необходимости учред. собранія. Выяснялись классовыя противорѣчія. Въ д. Сосновкѣ послѣ митинга крестьяне пѣли марсельезу. Въ с. Безводномъ была демонстрація съ красными флагами и было демонстративно занято помѣщеніе волостного правленія подъ митинги. Въ с. Таможниковѣ во время набора новобранцевъ были выкинуты красные флаги съ надписью: „Долой самодержавіе“... и т. д. Въ общемъ работа идетъ дружно, успѣшно, несмотря на козни полиціи, провокаторовъ и черной сотни“. Изъ Коцинской волости Смоленской губ. той же газетѣ писали: „10 ноября здѣсь состоялся многолюдный митингъ крестьянъ нашей волости и сосѣднихъ. Народу собралось болѣе 1,000 чел., митингъ начался съ часу дня и продолжался до $4^1/_2$ часовъ. Говорило нѣсколько ораторовъ с-р-овъ. Программа митинга была такова: 1) манифестъ 17 окт., 2) обзоръ и разборъ событій, вызвавшихъ этотъ манифестъ, 3) о государств. думѣ, 4) земельныя и другія нужды крестьянъ, 5) текущія событія и дальнѣйшая дѣятельность крестьянства, 6) крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ. Митингъ прошелъ образцово. Когда собраніе закрылось и народъ сталъ расходиться, толпа крестьянъ ближайшихъ деревень прошлась съ пѣніемъ рабочихъ пѣсенъ“. („Начало“, № 4).

Совершенно исключительное мѣсто занимаетъ въ этотъ „митинговый“ періодъ крестьянскаго движенія Саратовская губернія. Тамъ уже до „дней свободы“ велась энергичная работа с-р-овъ. Было организовано 150—200 крестьянскихъ братствъ. „С-р-ы рекомендовали дѣйствовать всѣми средствами: приговорами, стачками, бойкотомъ, боевыми дружинами. Кое-гдѣ начались террористическіе акты. Когда въ октябрѣ вспыхнула всеобщая стачка, саратовскіе крестьяне не остались въ сторонѣ. Они рѣшили возстать... Крестьянскій союзъ партіи с-р-овъ рѣшилъ поддержать движеніе и постараться ввести его въ правильное русло. Организаціи на мѣстахъ должны были запастись оружіемъ. Оружіе добыли, обезоруживъ казенныхъ лѣсничихъ. Образовались боевыя дружины, которыя являлись по селамъ, чтобы устранить начальство и уничтожить старый порядокъ. Все начальство изгонялось, выбирали новыя сельскія власти. На экономіи нападали, не творя насилій. У помѣщиковъ отбирали оружіе, и предлагали имъ уѣзжать, а землю объявляли собственностью всего народа“.

Имѣла ли успѣхъ въ деревнѣ революціонная агитація митинговаго періода? Усваивались ли крестьянствомъ политическіе лозунги крайнихъ партій? Можно ли было смотрѣть на саратовское движеніе, какъ на прототипъ крестьянскаго движенія, достигшаго политической зрѣлости? Вотъ вопросы, которые предстояло рѣшить ноябрьскому съѣзду „Вс. Кр. Союза“.

Уже при чтеніи докладовъ о состояніи мѣстнаго движенія среди делегатовъ съѣзда намѣчаются два рѣзко различныя тактическія теченія—„насильственное“ и „мирное“. По словамъ саратовскаго делегата, наиболѣе яркаго представителя перваго теченія,—„саратовскіе крестьяне надѣются на все крестьянство, на возстаніе противъ правительства; нужна *всеобщая забастовка рабочихъ и открытое возстаніе*“. Къ саратовскому делегату примыкаетъ минскій дел. „Мы ждемъ призыва великороссовъ. чтобы начать вооруженное возстаніе“, говоритъ онъ.

На противоположную точку зрѣнія становится большинство делегатовъ. „Мы не революціонеры, говоритъ, напр.,

курскій делегатъ, мы не призываемъ къ вооруженному возстанію, идемъ легальнымъ путемъ". По мнѣнію черниговскаго делегата, идея возстанія оттолкнетъ крестьянъ. „Не призывайте крестьянъ къ крови, обращается онъ къ съѣзду, они на это не пойдутъ. Есть способъ легальной борьбы: *подчинить себѣ землевладѣльческій классъ*". Этотъ взглядъ поддерживаютъ представители Воронежской, Московской, Харьковской и Ярославской губ.

Основаніемъ недовѣрчиваго отношенія къ тактикѣ возстанія служитъ политическая незрѣлость крестьянства, констатируемая большинствомъ съѣзда. Крестьяне больше надѣются на успѣхъ своей непосредственной экономической борьбы, чѣмъ на завоеваніе власти. „Власть" все еще тѣсно связана въ ихъ сознаніи съ понятіемъ „царя-благодѣтеля".

„У крестьянъ есть вѣра въ царя. Это печальное явленіе вноситъ дезорганизацію въ движеніе", говоритъ гжатскій делегатъ. „Въ Союзъ (крестьянскій) крестьяне вступать боятся, но втайнѣ радуются союзу, предполагаютъ землей воспользоваться: думаютъ, либо батюшка царь, либо выборные,—а землю дадутъ", — высказываетъ ту же мысль дел. Покровскаго уѣзда.

Благодаря своей вѣрѣ въ царя, крестьяне часто относятся недоброжелательно къ рѣчамъ революціонныхъ агитаторовъ, пропагандирующихъ въ деревнѣ крайніе демократическіе лозунги. Въ Казанской губ. „соц.-демократы послали агитатора рабочаго. Все было хорошо, но вотъ дошли до царя. Дискредитированіе царя не понравилось крестьянамъ". Въ Нижегородской губ. „призывъ: „долой царя", вызвалъ столкновеніе и товарищъ (агитаторъ) былъ избитъ... На собраніяхъ агитаторы говорили слишкомъ рѣзко, возбудили публику. Имъ пришлось уѣхать въ другую губернію",

Нѣкоторые делегаты отмѣчаютъ недовѣрчивое отношеніе крестьянъ къ выборамъ въ Думу, недовѣрчивое отношеніе къ манифесту 17-го окт. „Крестьяне противъ конституціи, сообщаетъ казанскій делегатъ, они говорятъ: „бумажное дѣло, лучше завладѣть самимъ". Пришлютъ на васъ казаковъ—„ничего!". „Крестьяне не надѣются на народныхъ представителей, что землю имъ дадутъ, и рѣшили сами весной

землю запахать"—говоритъ дел. Новохоперскаго у. Делегаты Задонскаго у. и Харьковской губ. объясняютъ недовѣріе крестьянъ къ Думѣ боязнью, что выбранныхъ ими представителей „подкупятъ". Наконецъ, каневскій делегатъ отмѣчаетъ непониманіе крестьянами выгоды политической борьбы вообще. По его словамъ, крестьяне „не предполагаютъ, что можно чего-нибудь добиться путемъ политическихъ перемѣнъ. „Вырѣзать пановъ"—вотъ ихъ девизъ".

Въ то же время политической отсталости крестьянъ нисколько не противорѣчитъ лозунгъ „Учредительное Собраніе", написанный на знамени „Вс. Кр. Союза". Этотъ лозунгъ, въ ихъ глазахъ, означаетъ прежде всего коренное рѣшеніе земельнаго вопроса.

И это понятно. Здѣсь сказывается особый характеръ развитія политическаго сознанія крестьянства, сравнительно съ движеніемъ политической мысли другой крупной силы русской революціи—городского пролетаріата.

Городской пролетаріатъ, начавшій 9-го января съ петиціи о „милостяхъ", въ теченіе перваго года революціи непрерывно обнаруживая свою силу въ многочисленныхъ и успѣшныхъ стачкахъ, убѣдился въ своей исключительной мощи благодаря октябрьской забастовкѣ, сломившей упорство реакціонной „власти". Единодушіе, обнаруженное имъ въ этой борьбѣ и огромный успѣхъ, въ связи съ главенствующей ролью въ политической борьбѣ городского населенія — сами собой диктовали пролетаріату дальнѣйшій образъ дѣйствія: организація рабочаго *класса* для революціонной борьбы при помощи совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Учредительное собраніе, какъ боевой лозунгъ, принимало, поэтому, въ представленіи передовыхъ слоевъ городского пролетаріата и руководящихъ политически его борьбой партій, чисто политическую окраску. И лишь на этой почвѣ выростало, послѣ октябрьской забастовки, соціально-утопическое теченіе соціально-революціонной мысли (идея „перманентной революціи") у теоретиковъ движенія, и коегдѣ аналогичный ему практическій утопизмъ въ слояхъ фабрично-заводскаго пролетаріата, питавшихъ надежду на близкій переходъ въ ихъ руки отдѣльныхъ фабрикъ и за-

водовъ. „Никогда не бываетъ политическаго движенія, которое не было бы въ то же время соціальнымъ“ (Марксъ. „Нищета философіи“)—и благодаря успѣхамъ политической борьбы, русскій рабочій классъ начиналъ, послѣ октябрьской побѣды вырабатывать въ себѣ соціальный утопизмъ.

Процессъ, происходившій въ крестьянствѣ осенью 1905 года (и совершающійся до сихъ поръ)—діаметрально противоположенъ эволюціи рабочаго класса: въ своемъ наступательномъ движеніи, крестьянство выигрываетъ побѣду за побѣдой въ борьбѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ за *частные* интересы, различные для различныхъ въ хозяйственномъ отношеніи мѣстностей: пониженіе арендныхъ цѣнъ, повышеніе заработной платы, осуществленіе своего „историческаго права“ на отдѣльные земельные участки и т. п.— вотъ тѣ различные пути, по которымъ шло крестьянское движеніе отдѣльныхъ мѣстностей, и даже отдѣльныхъ селъ и деревень одной и той же мѣстности.

С. Н. Прокоповичъ, въ книгѣ: „Аграрный вопросъ въ цифрахъ“, слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ выгоды, полученныя крестьянами въ ихъ экономической борьбѣ: „забастовочное движеніе непосредственно дало крестьянамъ значительные матеріальные результаты. Принимая, на основаніи газетныхъ сообщеній, что, въ тѣхъ районахъ, гдѣ движеніемъ было охвачено 44—69% уѣздовъ, заработанная плата повысилась на 50%; гдѣ было охвачено 16—23%—на 20%, въ остальныхъ же районахъ плата осталась старая,— мы получимъ, что крестьяне заработали въ этомъ году лишнихъ около 75 милліоновъ рублей. Пониженіе арендной платы также дало кое-что крестьянамъ. Мы можемъ принять, что во всей черноземной полосѣ, арендная плата упала въ этомъ году, приблизительно, на 1/3, что дало крестьянамъ сбереженія около 25 милліоновъ рублей“ *).

Впечатлѣніе отъ этого грандіознаго, разнообразнаго по своимъ цѣлямъ, но всегда успѣшнаго движенія, должно было наполнять крестьянъ сознаніемъ своей соціально-экономической силы, должно было, естественно, питать въ кре-

*) „Аграрный вопросъ въ цифрахъ“, стр. 45—46.

стьянствѣ увѣренность въ своей побѣдѣ въ дальнѣйшей борьбѣ на почвѣ чисто „профессіонально“-крестьянскаго движенія и при помощи выработанныхъ имъ формъ. „Учредительное Собраніе“ въ длинной цѣпи крестьянскихъ „схватокъ“ съ помѣщиками должно было представляться, съ этой точки зрѣнія, заключительнымъ звеномъ, „мирно“-узаконяющимъ то, что, фактически, было завоевано внѣ-правовымъ путемъ экономической борьбы. На эту точку зрѣнія, какъ увидимъ, сталъ и „Всероссійскій Крестьянскій Союзъ“ на своемъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ 6—10 ноября, 1905 года.

Съѣздъ собрался при исключительной обстановкѣ. Октябрьская побѣда внушала вѣру, въ силу освободительнаго движенія, вспыхнувшіе вновь аграрные безпорядки обѣщали поддержку городу со стороны деревни. Въ концѣ октября и началѣ ноября, аграрнымъ движеніемъ было охвачено около 140 уѣздовъ въ 27 губерніяхъ, не считая: Кавказа, Польши и Прибалтійскаго края. За это время было сожжено, „разобрано“ и вообще, уничтожено свыше 2,000 усадебъ. Убытки помѣщиковъ, только по 10, наиболѣе затронутымъ губерніямъ, опредѣляются, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 29 милліоновъ рублей. Правительство, какъ извѣстно, перешло къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ борьбы съ волнующимся крестьянствомъ: въ возставшія губерніи были отправлены, съ особыми полномочіями, генералъ-адъютанты, и казацкія орды, своими разбойническими набѣгами, быстро возстановили въ деревнѣ видимое „спокойствіе“.

Но не эти „усмиренія“, только еще начавшіяся ко времени съѣзда, а сознаніе успѣшности и, пока что, непреоборимости крестьянскаго движенія, сознаніе внушительности его для правительства, въ силу самой его стихійности, легли въ основу резолюцій ноябрьскаго съѣзда.

Въ этомъ отношеніи характерны рѣчи депутатовъ по вопросамъ тактики. На первую очередь былъ поставленъ вопросъ о томъ, какими мѣрами „Всероссійскій Крестьянскій Союзъ“ можетъ ускорить передачу земли народу.

У большинства депутатовъ не возникаетъ никакихъ раз-

погласій относительно способовъ дѣйствія: соберется Учредительное Собраніе и рѣшитъ земельный вопросъ.—„Земля должна перейти къ народу по закону,—говоритъ сумскій делегатъ, отражая въ своей рѣчи мнѣніе большинства съѣзда—черезъ Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Тамъ будетъ 1,200 нашихъ депутатовъ, и только 200—300 дворянъ, купцовъ и др. *Мы* будемъ рѣшать вопросы. Наши депутаты придутъ и скажутъ:—„Земля—собственность всего народа. И *такъ* будетъ рѣшено".

Эта вѣра въ историческую неизбѣжность созыва Учредительнаго Собранія, въ невозможность миновать его, сказывающаяся въ рѣчи сумскаго делегата, находитъ себѣ принципіальное подтвержденіе въ словахъ московскаго делегата.—„Защитники кровавыхъ способовъ,—говоритъ онъ,—ссылаются на опытъ исторіи. Но это къ намъ не подходитъ. Разъ *группа* беретъ на себя защиту интересовъ народа, она должна прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Мы же имѣемъ дѣло съ другимъ типомъ движенія—цѣлыя волости и уѣзды посылаютъ своихъ представителей, это дѣйствуетъ самъ народъ, но не онъ примыкаетъ къ партійной программѣ,—наоборотъ, въ данномъ случаѣ, программа крайнихъ партій совпадаетъ съ общенароднымъ мнѣніемъ. Товарищи! силой краснорѣчія и страсти нельзя возбудить на планомѣрную борьбу. Крестьянскій Союзъ—результатъ стихійнаго движенія. Союзу, еще неорганизованному, было бы безсмысленно объявить вооруженное возстаніе: вооружить сразу нельзя, это средство пріобрѣтается въ ходѣ борьбы. Главная задача крестьянскаго союза—организаціонная. Призывая же сейчасъ къ возстанію, союзъ вырветъ почву изъ-подъ себя; народъ оттолкнется отъ него. Народъ нужно звать къ организаціи, а не къ возстанію,—звать къ организаціонной борьбѣ. Народъ самъ найдетъ время, когда прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ".

Защитники „мирнаго пути" указываютъ рядъ мѣръ, которыя приведутъ крестьянство къ побѣдѣ и безъ вооруженной борьбы.

Все это — мѣры, или уже испробованныя крестьянствомъ въ своей борьбѣ, или способныя оказать давленіе на правительство, не вызывая въ то же время, непосредственно, вооруженныхъ столкновеній.

„Если я приду въ деревню,—говоритъ минскій делегатъ,—съ призывомъ вооруженнаго возстанія, то, большинство не пойдетъ за мной... Самый практическій способъ—забастовка". За забастовку высказываются также делегаты: бѣлорусскій, воронежскій, нижегородскій, екатеринославскій. Послѣдній энергично отстаиваетъ идею пассивнаго сопротивленія: „не будемъ дѣтьми, говоритъ онъ, оружія достать негдѣ. Но дѣло даже не въ этомъ, не въ практической сторонѣ, а въ томъ, что у крестьянъ *мысль* и *чувство* не вооружены, только жизнь можетъ довести до отчаянія, тогда онъ поднимется. Есть и другой путь *мирный*: бойкотъ, неплатежъ податей вызоветъ всеобщее оскудѣніе правящихъ классовъ и финансовый крахъ государства. Если же мы не сумѣемъ сорганизоваться для мирной дѣятельности, то какъ же мы организуемся для вооруженнаго пути?" Черноморскій делегатъ предлагаетъ, какъ „средства ослабить врага": 1) отказъ отъ уплаты прямыхъ податей, 2) закрытіе монополій, 3) прекращеніе набора, 4) бойкотъ помѣщиковъ, 5) организацію крестьянскихъ комитетовъ.

На необходимости усиленной организаціи крестьянства настаиваютъ делегаты: смоленскій, ярославскій, бѣлорусскій, донской, симбирскій, рыбинскій, галичскій, сумскій.

„Мирное" направленіе большинства ноябрьскаго съѣзда взяло верхъ надъ „революціоннымъ" меньшинствомъ и съѣздъ принялъ слѣдующія программныя и тактическія резолюціи: 1) прекратить бѣдствія народа, проистекающія изъ недостатка земли, можетъ только—переходъ всей земли въ общую собственность всего народа съ тѣмъ, чтобы пользовались ею только тѣ, кто трудится на землѣ самъ своей семьей или въ товариществѣ; 2) установить законодательнымъ путемъ прочное, справедливое и согласное съ волей народа, земельное устройство должно Учредительное Собраніе, созванное для составленія основныхъ законовъ государства. Учредительное Собраніе должно быть избрано всеобщимъ, равнымъ и закрытымъ голосованіемъ безъ разли-

чія пола, народности и вѣроисповѣданія, по одному представителю отъ 100 тысячъ народонаселенія, не позже февраля будущаго года. Законъ объ учредительномъ собраніи долженъ быть опубликованъ немедленно; 3) Учредительное Собраніе обязано разрѣшить земельный вопросъ на благо народа и согласно его требованію; 4) крестьянство, объединенное въ одинъ великій всероссійскій союзъ, добьется удовлетворенія своего требованія о созывѣ Учредительнаго Собранія, 5) для того, чтобы дѣйствія крестьянства и его борьба за власть на землю были правильны и крестьянскимъ интересамъ не было причинено вреда чьими-либо ошибочными дѣйствіями, крестьянскій союзъ возьметъ на себя руководство дѣлами и войдетъ въ соглашеніе съ братьями-рабочими: городскими, фабричными, заводскими и желѣзнодорожными союзами, а также организаціями, защищающими интересы трудящагося люда; 6) въ настоящее время совѣщаніе, обсудивъ мѣры для скорѣйшей передачи земли народу, постановило: а) не покупать совсѣмъ земли у владѣльцевъ, не брать ее въ аренду, не вступать ни въ какіе другіе земельные договоры съ владѣльцами; б) въ случаѣ, если требованія народа не будутъ исполнены, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ ко всеобщей земельной забастовкѣ, именно: откажетъ владѣльцамъ хозяйствъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ и тѣмъ закроетъ ихъ. Для организаціи же всеобщей забастовки войдетъ въ соглашеніе съ рабочимъ классомъ; 7) совѣщаніе постановляетъ, что на преслѣдованіе крестьянскаго союза, имѣющаго цѣлью осуществить народныя требованія съ наименьшими жертвами, союзъ отвѣтитъ отказомъ въ уплатѣ податей и поставкѣ рекрутовъ и запасныхъ, потребуетъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ всѣ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закроетъ всѣ винныя лавки; 8) въ знакъ того, что совѣщаніе делегатовъ крестьянскаго союза смотритъ на начатое дѣло, какъ на святое дѣло всего трудового крестьянства, оно постановляетъ: прекратить употребленіе вина. Пусть крестьянство, борющееся за землю и право, будетъ всегда трезво; 9) на основаніи всѣхъ свѣдѣній, полученныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, совѣщаніе заявляетъ, что оно

предвидитъ, что неудовлетвореніе народныхъ требованій приведетъ страну нашу къ великимъ волненіямъ и неизбѣжно вызоветъ всеобщее народное возстаніе, потому, что чаша крестьянскаго терпѣнія переполнилась. Въ заключеніе съѣздъ признаетъ необходимымъ немедленное изданіе „закона, обезпечивающаго объявленныя манифестомъ 17-го октября, свободы“ и рекомендуетъ крестьянамъ, возможно шире использовать свободу собраній, слова и т. д.

Итакъ, значительное большинство съѣзда стало на точку зрѣнія сторонниковъ „мирной“ тактики.

И для насъ ясно, что̀ побудило его къ этому — отсутствіе политической сознательности въ крестьянской массѣ, недостаточная ея организованность. При такихъ условіяхъ, идея пассивнаго сопротивленія представлялась большинству съѣзда не только наиболѣе подходящей, но и прямо необходимой, въ качествѣ средства подготовки крестьянъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Объединеніе крестьянъ, подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія, для коренного рѣшенія земельнаго вопроса, само собой революціонизировало бы крестьянскую массу, ибо съ такимъ лозунгомъ никогда не примирились бы ни правительство, ни правящіе классы. Больше того: объединивъ около этого лозунга крестьянство, „Всероссійскій Крестьянскій Союзъ“ дѣйствительно смогъ бы „раціонализировать“ революцію, привести ее къ наибольшимъ побѣдамъ демократіи.

Ноябрьскимъ съѣздомъ „Всероссійскаго Крестьянскаго Союза“ закончился періодъ формированія ядра крайней демократической крестьянской партіи. Совѣщаніе назначило созывъ слѣдующаго съѣзда на январь 1906 года. Въ согласіи съ общей тенденціей большинства—сдѣлать союзъ средоточіемъ мысли всего крестьянства—было рѣшено „выбирать делегатовъ *по одному отъ волости*“. Въ рѣчи донского делегата мы находимъ объясненіе такому широкому представительству:—„Нужно, чтобы каждая волость могла спросить своего делегата, былъ ли онъ на съѣздѣ и о чемъ

говорили тамъ. Тогда *авторитетъ съѣзда будетъ такой, что правительство не справится съ нимъ*: это будетъ Учредительное Собраніе".

Но этому грандіозному съѣзду не удалось состояться. Городское движеніе обмануло въ своихъ перспективахъ, а вмѣстѣ съ нимъ затихла и деревня. „Бюро Всероссійскаго Крестьянскаго Союза" было арестовано вскорѣ по окончаніи съѣзда. Въ деревнѣ начался кровавый разгулъ реакціи. Въ наиболѣе революціонной губерніи—Саратовской, хозяйничалъ генералъ-адъютантъ Сахаровъ, въ Тамбовской—губернаторъ Богдановичъ въ сотрудничествѣ съ знаменитымъ Луженовскимъ, въ Полтавской—не менѣе извѣстный Филоновъ, въ Курской—вначалѣ, будущій покоритель Москвы, адмиралъ Дубасовъ, послѣ него—генералъ-адъютантъ Пантелеевъ. „Конституціонными" мѣропріятіями этихъ военныхъ геніевъ—арестами, сѣченіями, разстрѣлами и изнасилованіями женщинъ—деревня была замирена и для нея наступилъ полугодовой „покой".

„Всероссійскій Крестьянскій Союзъ" обнаруживалъ слабую дѣятельность. Правда, вначалѣ марта 1906 года собрался въ Москвѣ второй делегатскій съѣздъ, но ему пришлось констатировать, что, несмотря на разгулъ реакціи, „населеніе все еще не утратило вѣры—въ возможность добиться „мирнымъ путемъ" политическихъ и земельныхъ реформъ, хотя, благодаря усилившимся репрессіямъ, болѣе и болѣе толкается на путь „дубины" *).

Мѣстами происходили областные и губернскіе съѣзды союза. Но не они уже притягивали къ себѣ вниманіе деревни. Если Учредительное Собраніе, котораго ждали участники іюльскаго и ноябрьскаго съѣздовъ „Всероссійскаго Крестьянскаго Союза", потерялось въ туманной дали будущаго, то уже, въ ближайшемъ будущемъ, свѣтлѣла новая точка, на которой и сосредоточились надежды крестьянской массы. Этой свѣтлой точкой была Государственная Дума, выборы въ которую дали возможность вновь проявиться политической сознательности крестьянства всей Россіи.

*) См. Веселовскій, „Крестьянскій вопросъ" и т. д., с. 80.

III.

Второй годъ революціи начался свирѣпымъ торжествомъ реакціи. Неудачныя возстанія городского пролетаріата дали реакціи возможность показать себя народу во всей гнусности, на которую она способно при безвластіи народа. Рабочія массы были терроризованы кровавыми бойнями гвардейскихъ усмирителей. Органы революціонной пролетарской воли—„Совѣты Рабочихъ Депутатовъ" исчезли съ политической арены, сами депутаты томились въ тюрьмахъ. Въ деревняхъ совершали свои „экспедиціи" карательные отряды, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ стояли на готовѣ карательные поѣзда. Въ народной крови хотѣло правительство потопить свободу народа, на трупахъ крестьянъ и рабочихъ думало оно воздвигнуть вновь царство былого „порядка", царство всесильнаго чиновничества, царство ничѣмъ не сдержаннаго угнетенія рабочихъ и крестьянъ помѣщиками и капиталистами.

Революція снова ушла въ подполье. На открытой сценѣ политической борьбы, вмѣсто рабочихъ совѣтовъ, звавшихъ рабочихъ къ послѣдней схваткѣ со старымъ порядкомъ, вмѣсто Вс. Кр. Союза, бросавшаго деревнѣ идею всероссійскаго объединенія крестьянства подъ лозунгомъ борьбы за Учредительное Собраніе, появились старые друзья правительства—дворяне и капиталисты. Правда, либеральныя земства отвергли сотрудничество съ правительствомъ кровавыхъ репрессій, отказавшись намѣтить своихъ уполномоченныхъ для освѣдомленія правительства „объ истинныхъ взглядахъ мѣстныхъ людей какъ по вопросамъ общаго значенія, такъ и примѣненія отдѣльныхъ мѣръ на мѣстахъ". „Общая работа" усмирителей съ „обществомъ" не вытанцовалась. Но зато съѣзды „союза 17-го октября", „союза русскаго народа", съѣздъ дворянъ и землевладѣльцевъ должны были показать правительству, что кромѣ „крамольниковъ" у него есть и сторонники среди покореннаго народа. На состоявшемся въ февралѣ съѣздѣ „союза 17 окт." резолюція объ отмѣнѣ усиленной охраны прошла слабымъ большинствомъ — 157 голо-

совъ противъ 141. Одобреніе же военнаго положенія на случай „возможнаго возстанія“ не вызвало протеста даже со стороны „лѣвой“ съѣзда. Состоявшійся 12 февраля 2-й съѣздъ землевладѣльцевъ постановилъ „выразить благодарность мин. вн. д. Дурново и мин. юст. Акимову за ихъ мѣропріятія, направленныя къ подавленію революціоннаго движенія, и московскому ген.-губ. Дубасову за энергичное подавленіе вооруженнаго возстанія въ Москвѣ“.

Но если правительство готово было торжествовать свою побѣду надъ революціей, оно все же не могло вычеркнуть всѣхъ завоеваній революціи, не могло отказаться отъ созыва Гос. Думы: финансовый кризисъ слишкомъ сильно чувствовался правительствомъ, установленіе прочнаго довѣрія со стороны западно-европейскихъ финансовыхъ сферъ не могло быть обезпечено безъ „представительнаго правленія“. На необходимости скорѣйшаго созыва Думы настаивали и „друзья“ правительства. Съѣздъ „союза 17 окт.“ высказался за безотлагательный созывъ Думы, а реакціонное дворянство требовало лишь ограниченія избирательныхъ правъ евреевъ, не протестуя противъ самой Думы. Одинъ лишь „союзъ русскаго народа“ занималъ по отношенію къ Думѣ мѣсто крайней оппозиціи, но и онъ въ концѣ-концовъ примирился съ Думой, какъ съ „продуктомъ Высочайшей воли“.

Правительство рѣшило созвать Думу, но вмѣстѣ съ этимъ, изданіемъ положенія 20 февраля, обезвредило „народное представительство“, лишивъ его правъ дѣйствительнаго контроля надъ правящей бюрократіей и въ видѣ Государств. Совѣта поставило спасительный оплотъ отъ законодательныхъ „посягательствъ“ со стороны народныхъ представителей.

Созываемая при такихъ условіяхъ Гос. Дума должна была, въ глазахъ правительства, окончательно подавить революцію, дать санкцію „народнаго представительства“ установленію „конституціи“ съ желательнымъ для правительства характеромъ.

На другой точкѣ зрѣнія, какъ извѣстно, стояли революціонныя партіи. Декабрьское пораженіе не было для нихъ пораженіемъ революціи, силы революціоннаго народа, по ихъ мнѣнію, должны были развернуться вновь въ слѣдующемъ

этапѣ революціи. Ихъ основное требованіе — Учред. Собраніе, созванное на основѣ четырехчленной формулы избирательнаго права, и осуществленіе свободъ — не было удовлетворено. Въ Гос. Думу, созываемую правительствомъ даже съ поправками, внесенными въ избирательный законъ указомъ 11 декабря,—у нихъ, естественно, не могло быть вѣры. И тактика „бойкота выборовъ“ въ Думу объединила всѣ революціонныя партіи. „Бойкотъ выборовъ“ въ Гос. Думу долженъ былъ послужить рычагомъ для новаго подъема революціи, для осуществленія основной цѣли—созыва Учред. Собранія.

Къ бойкотистской тактикѣ революціонно-соціалистическихъ партій присоединился и „Вс. Кр. Союзъ“. Характерно, что въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ августѣ 1905 г., главный комитетъ Союза въ своемъ воззваніи по поводу опубликованнаго 6 августа закона объ учрежденіи законосовѣщательной Гос. Думы, рекомендовалъ крестьянамъ использовать свои избирательныя права и выбирать въ Думу „лучшихъ людей“, которые стояли бы за преобразованіе Думы на демократическихъ началахъ. Уже совершенно иную тактику по отношенію Гос. Думы выработалъ ноябрьскій съѣздъ Союза. Въ своей резолюціи онъ высказывается за бойкотъ Думы на всѣхъ стадіяхъ выборовъ, предлагаетъ „считать врагами народа всѣхъ, кто будетъ принимать участіе въ выборахъ“. Широкая агитація Союза за выборы въ Учред. Собраніе должна, по мнѣнію съѣзда, замѣнить активное участіе въ выборахъ въ Гос. Думу.

Резолюція ноябрьскаго съѣзда оставалась въ силѣ для дѣятельности Союза въ избирательной кампаніи начала 1906 года. Второй делегатскій съѣздъ Союза, который могъ бы измѣнить ее, собрался лишь въ началѣ марта. До начала избирательной кампаніи былъ (29—30 декабря) лишь одинъ областной съѣздъ пяти сѣверныхъ губерній, обсуждавшій, между прочимъ, и вопросъ о выборахъ въ Думу. Съѣздъ этотъ подтвердилъ постановленія ноябрьскаго съѣзда. Въ своей резолюціи онъ называетъ Думу „попыткой со стороны правительства обмануть народъ путемъ созданія фальшиваго представительства“ и предлагаетъ крестьянамъ „препятство-

вать такимъ выборамъ и громко заявить требованія созыва Учр. Собранія на основѣ вс., пр., т. и равн. изб. пр." Крестьяне, по мысли съѣзда, должны были „выражать свое отрицательное отношеніе къ Думѣ мотивированными приговорами или заявленіями объ отказѣ отъ выборовъ въ нее".

Бойкотистская тактика, принятая Союзомъ, потерпѣла полное крушеніе. Намъ извѣстны лишь два случая бойкота выборовъ деревней: въ с. Богородскомъ, Горбат. у. Нижегородской губ., и въ Сестрорѣцкой вол., Петергофскаго уѣзда. С. Богородское—центръ кожевеннаго производства, тамошніе рабочіе объединены соціалъ-демократіей. На выборы въ Сестрорѣцкой вол. должны были повліять рабочіе Сестрорѣцкихъ заводовъ. Благодаря этому оба указанные случая слѣдуетъ разсматривать какъ отблески блестяще проведеннаго городскимъ пролетаріатомъ бойкота выборовъ.

Крестьянство же само по себѣ повсемѣстно приняло участіе въ выборахъ. Этотъ фактъ весьма важенъ для оцѣнки не столько политическаго уровня деревни, сколько политической активности ея: очевидно, большинство ноябрьскаго съѣзда въ своей защитѣ „мирной" тактики стояло гораздо ближе къ крестьянамъ, чѣмъ революціонно настроенное меньшинство, хотя также преувеличивало политическую активность крестьянъ въ своей резолюціи относительно бойкота Думы; крестьянство нуждалось въ урокахъ практической политики, прежде чѣмъ оцѣнить выгоды отдѣльныхъ формъ политической борьбы. Активность же крестьянства въ области экономической борьбы, какъ показала весна того же года, осталась прежней и даже, пожалуй, увеличилась.

У насъ нѣтъ цифръ, характеризующихъ участіе крестьянъ въ выборахъ въ Думу. Мы не можемъ поэтому учесть, насколько было заинтересовано крестьянство въ представительствѣ своихъ интересовъ въ Госуд. Думѣ. Лишь по наказамъ, которые давали крестьяне своимъ депутатамъ, можно судить объ интересѣ крестьянъ въ этотъ періодъ реакціи къ участію въ политическомъ представительствѣ.

Принятая революціонными партіями тактика бойкота не оказала прямого вліянія на выборы въ деревнѣ, но косвенно она отразилась на нихъ: испуганное возможностью новаго

революціоннаго взрыва въ случаѣ успѣха бойкотистской агитаціи, правительство не только издало спеціальный законъ противъ призывовъ къ бойкоту, но и усилило репрессіи, столь естественныя со стороны обанкротившагося самодержавія, поставившаго своей цѣлью создать себѣ въ Думѣ опору изъ представителей „монархическаго" крестьянства.

Всѣ виды насилія надъ избирателями были пущены въ ходъ, всѣ формы подлога были осуществлены для достиженія этой цѣли.

Просвѣтительная агитація началась подъ руководствомъ министерства вн. дѣлъ, разославшаго инструкцію [1]) земскимъ начальникамъ относительно ихъ задачъ въ избирательной кампаніи. Инструкція прежде всего обязываетъ земскихъ начальниковъ внушить крестьянамъ взглядъ на ихъ участіе въ выборахъ, какъ на „священную обязанность" [2]), предлагая имъ одновременно съ этимъ „наблюдать за тѣмъ, чтобы во время выборовъ не имѣли мѣста насилія со стороны различныхъ противоправительственныхъ партій". Этотъ пунктъ инструкціи, какъ и п. 8 [3]), очевидно, долженъ былъ оградить крестьянство отъ бойкотистской тактики. Остальные пункты имѣютъ своей задачей содѣйствіе правительственному „подбору" крестьянскихъ депутатовъ. Земскимъ начальникамъ рекомендуется „удалять, какъ безпокойный элементъ для правильнаго теченія выборовъ, тѣхъ ораторовъ, которые, ставя своей цѣлью проникновеніе въ Гос. Думу, обольщали бы крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими земельными участками". „Удаленію" же подлежатъ „крикуны". Наконецъ, земскіе начальники должны позаботиться „наканунѣ выбо-

1) Напечатана въ брошюрѣ М. А. Кр—ля „Какъ прошли выборы въ Государственную Думу". С.-Петербургъ, 1906 г., сс. 6, 7.

2) Пунктъ 2-й инструкціи гласитъ: „Земскимъ начальникамъ вмѣняется въ обязанность вести съ крестьянами частныя собесѣдованія разъясняя имъ, что участіе въ выборахъ не есть какое-нибудь право или вольность, а обязанность вѣрноподданнаго".

3) Пунктъ 8-й предлагаетъ земскимъ начальникамъ „немедленно обратиться къ содѣйствію военной силы", „если бы агитаторы высказали намѣреніе обратить выборныя собранія въ крестьянскіе комитеты для раздѣла частновладѣльческихъ земель".

ровъ" о „недопущеніи въ помѣщеніе выборщиковъ лицъ, зарекомендовавшихъ себя со стороны неблагонадежности".

Инструкція дала боевые лозунги, и исполнительная администрація усердно использовала ихъ.

Начинается письменная и устная агитація всѣхъ чиновъ „мѣстныхъ правительствъ". Пермскій губернаторъ въ своемъ воззваніи увѣщеваетъ избирателей не избирать выборщиками „людей безнравственныхъ, отрицающихъ собственность, вѣру и семью". Тульскій губернаторъ „вмѣняетъ въ обязанность" стражникамъ распространеніе среди крестьянъ изданій партіи „за царя и порядокъ". Въ Мстиславскомъ у. „путешествуетъ какой-то полковникъ изъ Петербурга, созываетъ при помощи стражниковъ крестьянскіе митинги и раздаетъ прокламаціи истинно-русскихъ людей". И т. д. и т. д.

Избраніе крестьянскихъ уполномоченныхъ происходитъ подъ „усиленной охраной", въ прямомъ значеніи слова. Такъ, въ м. Севрани, Подольской губ., „на избирательномъ собраніи присутствуетъ становой приставъ съ отрядомъ вооруженныхъ винтовками стражниковъ". Въ Воронежской губ. всѣ зданія волостныхъ правленій, гдѣ производились выборы, охраняются полиціей, стражниками, вооруженными винтовками, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казаками.

Трудно перечесть всѣ виды правительственнаго давленія на выборы: массовые предвыборные аресты, повальные обыски, застращиванія избирателей и выборщиковъ, неизвѣщеніе о днѣ выборовъ—все было использовано.

Многостепенная система выборовъ открываетъ широкій просторъ всякаго рода злоупотребленіямъ со стороны администраціи. Въ деревнѣ на первыхъ стадіяхъ выборной кампаніи насилія администраціи совершаются открыто, въ самой неприглядной формѣ. Пункты министерской инструкціи легко покроютъ всяческій произволъ. Въ послѣдней стадіи выборовъ—избраніи депутатовъ—открытый произволъ неудобенъ, слѣдуетъ изобрѣсти болѣе тонкіе пріемы. И такіе пріемы изобрѣтались. Въ Житомирѣ 86 крестьянъ-выборщиковъ были изолированы въ монастырскомъ подворьѣ и „путемъ присяги подчиненные исключительно воздѣйствію духовенства" отсутствовали на единственномъ оффиціальномъ предвыборномъ собраніи. Въ Виленской губ. крестьяне-выборщики въ устроенномъ для нихъ общежитіи находились подъ надзоромъ начальника тюрьмы, заявившаго, что онъ „не намѣренъ оставлять ихъ наединѣ" и т. д.

Все это „единичные факты", но не слѣдуетъ забывать, что вообще немногіе изъ такихъ фактовъ попадали въ прессу. Даже будучи единичными, они пріобрѣтаютъ большое значеніе въ сопоставленіи съ министерской инструкціей, рекомендовавшей оказывать давленіе на выборы, „не вызывая нареканій населенія".

Даже избранные въ Думу крестьянскіе депутаты подвергались „воздѣйствію" администраціи. Извѣстно приглашеніе самарскаго депутата Пустовойтова мѣстнымъ губернаторомъ „для полученія подробныхъ поясненій"; извѣстны совѣты того же губернатора другимъ крестьянскимъ депутатамъ по поводу того, что „депутатамъ отъ крестьянъ *однимъ* надо съѣхаться въ Петербургѣ для совѣщанія о крестьянскихъ нуждахъ". Заключительнымъ звеномъ этой правительственной „обработки" депутатовъ отъ крестьянъ явилась „казенная квартира" на Кирочной ул. съ М. М. Ерогинымъ во главѣ, въ качествѣ главнаго организатора казенной крестьянской партіи.

Имѣла ли успѣхъ въ крестьянствѣ правительственная агитація? Мы не можемъ дать прямого отвѣта на этотъ вопросъ, какъ и на вопросъ о крестьянскомъ абсентизмѣ,—массовыхъ непосредственныхъ данныхъ о крестьянскихъ выборахъ не имѣется. Но любопытенъ уже тотъ фактъ, что даже на первыхъ стадіяхъ выборовъ администрація далеко не всегда имѣла успѣхъ. Если въ однихъ случаяхъ терроризованные крестьяне безропотно выбираютъ указанныхъ начальствомъ лицъ или покидаютъ сходъ со словами: „дѣлайте, какъ хотите"—и выборы производятся 3—4-мя угодными старшинѣ лицами, если тотъ же терроръ и отсутствіе предвыборной агитаціи заставляли крестьянъ прибѣгать къ „жребію" для исполненія своей „священной обязанности", то во многихъ мѣстахъ крестьяне умѣли преодолѣвать эти препятствія и выбирали тѣхъ, кого хотѣли выбрать. Въ Рузскомъ у. (Московской губ.) крестьяне систематически забал-

лотировывали крестьянъ-собственниковъ, выбирая владѣльцевъ одной надѣльной земли, на томъ основаніи, что „собственникъ свои, а не наши, крестьянскіе интересы защищать будетъ“. Исключительно изъ тѣхъ же „хлѣборобовъ“ выбирали своихъ уполномоченныхъ крестьяне Воронежской губ., гдѣ, какъ мы знаемъ, ко дню выборовъ были мобилизованы не только полицейскія силы, но и казачьи сотни. Въ Покровскомъ у. (Владим. губ.), десятидворные, отвергая кандидатуры волостного начальства и кулаковъ, прямо заявляли на сходахъ: „Будетъ съ васъ, попили нашей крови, довольно!“ Въ рядѣ мѣстъ уполномоченными прошли лица, потерпѣвшія административныя кары и сидѣвшія въ тюрьмахъ. Такъ было въ Казанской, Симбирской, Саратовской, Смоленской и Орловской губ.

Отсутствіе опредѣленной парламентской партійной группировки, правительственный терроръ во время выборовъ не позволяютъ учесть партійный составъ уполномоченныхъ и выборщиковъ въ первую Госуд. Думу, какъ это можно сдѣлать, хотя приблизительно, въ текущемъ году. Единственно, что возможно,—подвести общій итогъ крестьянскому представительству по тяготѣнію депутатовъ отъ крестьянъ къ тѣмъ или инымъ партіямъ первой Гос. Думы.

Всѣ избранные до 27 апрѣля въ 47 губерніяхъ 357 депутатовъ распредѣляются по партіямъ слѣдующимъ образомъ [1]):

Трудовики.	Ерогинцы.	К.-д. и прим. къ нимъ.	Безпарт.	Союзъ 17 окт.	Прочія партіи.
Число депутатовъ въ %.					
96	55	111	58	32	5
27%	15%	31%	16%	9%	1%

Если признать трудовиковъ и ерогинцевъ непосредственными представителями крестьянства, крестьянскіе депутаты составятъ больше 2/5 общаго числа депутатовъ. При этомъ сама крестьянская группа почти на 2/3 состоитъ изъ трудовиковъ, 1/3 составляютъ ерогинцы, „казенная“ крестьянская партія [1]).

[1]) При опредѣленіи политическаго credo депутатовъ мы пользовались приложеннымъ къ изданной с.-п.-б. комитетомъ трудовой группы книгѣ „Работы первой Гос. Думы“ спискомъ депутатовъ, съ обозначеніемъ принадлежности ихъ къ той или иной политической группѣ первой Думы.

По отдѣльнымъ губерніямъ отношеніе этихъ двухъ группъ сильно мѣняется, какъ показываетъ слѣд. таблица.

	Губерніи.	Труд.	Крест. прав.		К.-Д.	Безп.	Союзъ 17 окт.	Пр.
I—6 губ.	Вологод., Волынск., Пермск., Подольск., Псковск., Тамбовск.	—13,0	57,0	70,0	7,0	12,0	10,0	1,0
II—9 г.	Екатериносл., Казанск., Ковенск., Курская, Орловск., Пензенск., Саратовская, Ставроп., Черниговск.	—61,5	4,2	65,7	25,5	7,0	3,8	—
III—8 г.	Кіевская, Виленск., Вятская, Гродненск., Обл. в. Донск., Костр., Полтавск., Тульск.	—37,0	1,0	38,0	28,0	19,0	10,0	4,0
IV—18 г.	Херсонск., Таврич., Астрах., Бессарабск., Владим., Воронеж., Минск., Могилевск., Московск., Новгород., Олонецк., Рязанск., Самарск., Симбирск., Смоленск., Тверская, Уфимск., Харьковск.	—16,0	13,0	29,0	42,0	16,0	12,0	—
V—6 г.	Витебск., Калужск., Нижегородск., С.-Петерб., Ярославская, Аргангельская.	—0,0	0,0	0,0	61,5	38,5	—	—

Въ этой таблицѣ обособляются прежде всего два района—

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что эта „казенная“ партія далеко не представляла собой той покорной монархической крестьянской группы, о которой мечтало правительство въ своей предвыборной агитаціи. „Казенная“ партія все время голосовала съ большинствомъ Думы противъ правительства, что и не удивительно, если припомнимъ, что октябристы лишь изрѣдка отказывались отъ солидарности съ кадетами при голосованіяхъ въ первой Думѣ. Мы не знаемъ, какую позицію заняли „ерогинцы“ при голосованіи „обращенія“ Думы къ народу. Любопытенъ уже одинъ тотъ фактъ, что подъ земельнымъ проектомъ „104“ внесеннымъ трудовой группой, рядомъ съ подписями трудовиковъ и безпартійныхъ мы находимъ *21 подпись ерогинцевъ.*

районъ крайнихъ репресій и поддѣлки выборовъ (I группа), въ который вошли 4 окраинныхъ губерніи, Тамбовская губ.— арена дѣятельности Луженовскаго, и Псковская губ. Здѣсь на губ. изб. собраніяхъ проходятъ преимущественно крестьянскіе кандидаты, при чемъ на 8 трудовиковъ приходится 22 монархиста, другими словами монархисты составляютъ свыше 70% крест. депутатовъ. Второй районъ — изъ 9 губ. (II группа)—при высокомъ % крестьянскихъ депутатовъ даетъ противоположные результаты: въ немъ на 39 трудовиковъ приходится только 3 ерогинца (нѣсколько больше 7%). Половину губерній этого района составляютъ хорошо намъ извѣстныя, по дѣятельности „Вс. Кр. Союза", губ.: Екатеринославская, Саратовская, Черниговская, Курская. Въ большинствѣ губерній этого района были крестьянскіе безпорядки.

Въ третьемъ районѣ % кр. депутатовъ сильно понижается—до 38,0, но вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и еще сильнѣе % крестьянъ-монархистовъ: на 27 трудовиковъ монархистовъ здѣсь всего 1.

Первый районъ не только отличается громаднымъ преобладаніемъ „монархистовъ" на и чрезвычайной слабостью оппозиціи вообще: кадеты и примыкающіе къ нимъ составляютъ здѣсь всего 7% депутатовъ. Второй и третій—даютъ большій просторъ оппозиціи: въ томъ и другомъ кадеты получаютъ 25—28% депутатскихъ полномочій.

Послѣдніе два района, заключающіе 24 губерніи, отличаются, повидимому, репрессіями на первыхъ стадіяхъ крестьянскихъ выборовъ, и большей свободой дѣйствія оппозиціи на конечной стадіи. Кадеты пріобрѣтаютъ здѣсь отъ 42 до 61,5% депутатскихъ полномочій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдняя группа даетъ наивысшій (почти 40%) процентъ безпартійныхъ депутатовъ, при полномъ отсутствіи трудовиковъ и крестьянскихъ правыхъ. Четвертая группа, при небольшомъ % крестьянскихъ депутатовъ, дѣлитъ ихъ почти поровну между трудовиками и монархистами.

Мы видѣли, въ какой обстановкѣ происходили выборы въ деревняхъ. И если, все же, въ итогѣ выборовъ не создалась „монархическая правая" изъ деревенскихъ депутатовъ, если „ерогинцы" составили среди нихъ относительно меньшую часть, то въ этомъ нельзя не видѣть, съ одной стороны, интереса крестьянъ къ представительству своихъ интересовъ въ Думѣ, съ другой стороны, силы полустихійнаго протеста, накопленнаго въ крестьянствѣ долгими годами самодержавнаго режима.

Тѣ же условія избирательной кампаніи мало способствовали составленію крестьянами „наказовъ" своимъ депутатамъ. Исполняя свою „священную обязанность" въ выборный періодъ, крестьяне проводили въ уполномоченные и выборщики, главнымъ образомъ подъ флагомъ безпартійности, такихъ лицъ, которые „могли бы постоять, гдѣ нужно, за себя и крестьянскіе интересы", „своего брата-мужика". Наказовъ, поэтому, въ моментъ выборовъ было мало; но гдѣ эти наказы были, они меньше всего свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ „карательной" политики правительства.

Необходимость рѣшить въ первую голову земельный вопросъ—вотъ центральный пунктъ крестьянскихъ наказовъ[1]), каковы бы ни были остальныя требованія. Въ Ставропольской губ. были составлены два приговора различнаго политическаго характера: одинъ—подробно перечисляетъ необходимыя политическія и иныя реформы, другой—проникнутъ умѣренно-прогрессивнымъ настроеніемъ и въ первомъ пунктѣ подчеркиваетъ необходимость „сохраненія верховной самодержавной власти государя императора при участіи народныхъ выборныхъ въ законодательствѣ". Но и тотъ и другой въ земельномъ вопросѣ занимаютъ одинаково радикальную позицію, и второй высказывается даже радикальнѣе перваго, рекомендуя „національзацію всей земли".

Политическія требованія этихъ немногихъ наказовъ различны: въ то время какъ крестьяне с. Ольховки (Саратовской губ.) въ своемъ приговорѣ предлагаютъ уполномоченнымъ требовать осуществленія всѣхъ свободъ, амнистіи и превращенія Думы въ Учред. Собраніе, крестьяне Диканьской вол. высказываются за созывъ новой Думы, избранной по четырех-

[1]) Крестьянскіе наказы этого періода собраны въ статьѣ М. Кр—ля въ № 6 „Народнаго вѣстника", 1906 г.

членной формулѣ,—приговоръ с. Максимовки и другіе стоятъ за „органическую“ работу въ предѣлахъ имѣющейся уже „конституціи“.

Наиболѣе полный наказъ выработанъ былъ волостнымъ сходомъ слоб. Покровской, Самарской губ. Сходъ былъ собранъ еще 30 октября 1905 года. На немъ была выбрана особая комиссія въ 16 человѣкъ. Комиссія устроила 10 публичныхъ засѣданій, при чемъ всякій желающій имѣлъ на этихъ засѣданіяхъ право совѣщательнаго голоса.

Комиссія выработала рядъ резолюцій по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Вотъ эти резолюціи: 1) немедленно должны быть осуществлены въ жизни тѣ свободы, о которыхъ упоминаетъ манифестъ 17 окт.: свобода слова, совѣсти, собраній, союзовъ, неприкосновенность личности и жилища; 2) на будущее время выборы въ Гос. Думу должны быть „правильными—всеобщими, прямыми, тайными и равными“; 3) нужно, чтобы „вся земля принадлежала тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, а не тѣмъ, кто самъ на землѣ не работаетъ, а только торгуетъ ею“. Поэтому казенныя, удѣльныя, монастырскія, церковныя и кабинетскія земли должны быть переданы всему трудящемуся на землѣ русскому народу. Частновладѣльческія земли должны быть выкуплены у богатыхъ землевладѣльцевъ и переданы во всенародное пользованіе, а выкупленныя общественныя земли должны оставаться въ распоряженіи крестьянъ. Тогда только и прекратится нужда крестьянъ въ землѣ. 4) Необходимо уничтожить косвенные налоги; 5) ввести обязательное всеобщее образованіе на государственный счетъ; 6) реформировать мѣстное самоуправленіе на демократическихъ началахъ; 7) выборность судей и духовенства и т. п. [1]).

Въ мотивировкѣ къ этому наказу чувствуется поворотъ крестьянской мысли отъ внѣправового улучшенія своего экономическаго положенія къ использованію въ своихъ цѣляхъ законодательной работы. „Нужно устроить такой порядокъ, читаемъ мы въ наказѣ, чтобы людямъ, работающимъ съ утра до ночи, не грозила нищета и голодъ... Какъ же

---

[1]) См. „Крестьянскіе наказы Самарской губ.“, Самара, 1906 г. стр. 80—88.

устроить такой порядокъ? Когда комиссія обсуждала этотъ вопросъ, то для нея было ясно, что разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ, поджогами, грабежами и захватомъ земли—крестьянской бѣдѣ не поможешь. Разгромить усадьбу, прогнать помѣщика съ земли и захватить землю, это не особенно трудно, но удержать ее за собой и воспользоваться захваченной землей это труднѣе. Пока законъ будетъ противъ захватчика, до тѣхъ поръ у крестьянъ будутъ отбирать захваченную землю; придетъ войско и прогонитъ крестьянъ съ захваченной земли и всѣ ихъ труды надъ нею пропадутъ даромъ, да и сами крестьяне угодятъ въ тюрьму“.

Въ этой мотивировкѣ чрезвычайно опредѣленно обрисовывается эволюція крестьянскаго самосознанія — отъ земли къ волѣ. Безплодность разрозненной частной экономической борьбы, направленной на перемѣны въ отношеніяхъ земельной собственности, чувствуется крестьянствомъ къ концу перваго года борьбы. И если крайнее демократическое крыло крестьянства—Вс. Кр. Союзъ,—разсчитывая на силу стихійнаго движенія, признало его ближайше задачей созывъ Учред. Собранія, какъ центральнаго учрежденія, единственно способнаго осуществить земельную реформу въ желательномъ для крестьянъ направленіи, то та же цѣль овладѣваетъ крестьянствомъ и при выборахъ въ Думу. Политическая идеологія крестьянства вырабатывается подъ вліяніемъ, съ одной стороны, простого отрицанія старыхъ порядковъ, съ невыгодами которыхъ оно знакомо было уже *до* революціи (отсюда такія требованія наказовъ, какъ уничтоженіе института земскихъ начальниковъ, реформа мѣстнаго самоуправленія, всеобщее обученіе и т. п.), съ другой—подъ вліяніемъ политическихъ лозунговъ городской демократіи. Любопытны, въ этомъ отношеніи, слѣдующія слова наказа слоб. Покровской: „Нужно ли выборному отъ крестьянъ въ Гос. Думѣ поддерживать выборныхъ отъ рабочихъ? Комиссія разсматривала этотъ вопросъ и рѣшила такъ: новый порядокъ жизни, при которомъ бѣдному трудящемуся народу будетъ жить легче, необходимъ и для земледѣльца и для фабричнаго рабочаго. Поэтому выборнымъ отъ крестьянъ нужно всегда быть за одно съ выборными отъ

фабричныхъ рабочихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно требовать изданія благопріятныхъ для бѣдныхъ людей законовъ".

Открытіе сессіи первой Гос. Думы нѣсколько ослабило репрессіи правительства, и деревня воспользовалась большей свободой, чтобы высказать свое отношеніе къ дѣятельности Думы. Во многихъ мѣстахъ составляются приговоры, посылаются спеціальные ходоки, чтобы освѣдомить Думу о нуждахъ и желаніяхъ народа.

Приговоры эти очень разнообразны: одни изъ нихъ не содержатъ опредѣленныхъ требованій, ограничиваясь лишь увѣреніями Думы въ поддержкѣ ея народомъ; другіе представляютъ цѣлую программу законодательной дѣятельности; третьи, наконецъ, касаются мѣстныхъ нуждъ, не выходящихъ за предѣлы деревенской околицы. Но такіе приговоры рѣдки.

Въ большинствѣ случаевъ въ приговорахъ преобладаютъ требованія широкихъ реформъ, амнистіи, политической свободы. Характеръ программныхъ приговоровъ разнообразится въ зависимости отъ того, къ представителямъ какой партіи они направлены. „Кадетскіе" приговоры составлены въ болѣе общихъ выраженіяхъ, умѣреннѣе и болѣе „выдержаны" въ партійномъ духѣ, чѣмъ приговоры, направленные на имя Гос. Думы вообще или къ депутатамъ-трудовикамъ. Но и въ обращеніи къ к.-д. звучатъ нотки чисто крестьянскихъ желаній.

Въ приговорахъ, присланныхъ трудовой группѣ, не разъ указывается на необходимость „созвать такую народную Думу, гдѣ больше выборныхъ будетъ отъ трудового народа; только эта Дума можетъ рѣшить земельный вопросъ въ окончательной формѣ, согласно желанію народа; а для этого необходимо добиваться созыва Учр. Собранія по четырехчленной формулѣ".

Но требованіе Учред. Собранія не составляетъ необходимой принадлежности приговоровъ этого типа. Часто оно замѣняется простымъ требованіемъ соотвѣтственной реформы избирательнаго права. Зато амнистія, установленіе свободъ, реформа обложенія на основѣ прогрессивно-подоходнаго на-

лога и т. п. являются безусловно общими для большинства приговоровъ.

До сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, была сдѣлана одна лишь попытка систематизаціи крестьянскихъ приговоровъ и наказовъ думскаго періода — это работа Кудрявцева и Васильева—„Крестьянскіе наказы Самарской губ." Издатели собрали въ своей книгѣ 75 приговоровъ, 68 изъ нихъ имѣютъ программный характеръ.

Большинство этихъ программныхъ приговоровъ (61) содержатъ требованіе земельной реформы. Вторымъ по распространенности требованіемъ являются—„воля" и „осуществленіе свободъ, обѣщанныхъ манифестомъ 17-го окт." (60 пр.). Требованіе „амнистіи" встрѣчается въ 46 приг.,—отмѣны смертной казни - въ 31. Остальныя требованія распредѣляются слѣд. образомъ: всеобщее, безплатное обученіе (22 пр.) отмѣна косвенныхъ налоговъ и введеніе прогрессивно-подоходнаго обложенія (19 пр.), сословное равноправіе (15 пр.), четырехчленная формула избирательнаго права (14 пр.), Учредительное Собраніе (13 пр.), отмѣна усиленной и иныхъ охранъ (8 пр.), уничтоженіе института земскихъ начальниковъ и реформа мѣстнаго самоуправленія (8 пр.), перемѣны въ судебной области (5 пр.).

Встрѣчаются и другія требованія—суда надъ насильниками „карательнаго" періода, борьбы съ голодомъ, улучшенія положенія рабочихъ, разоруженія полиціи, замѣны постояннаго войска народной милиціей,—но всѣ они носятъ случайный характеръ.

Какъ видимъ, прямое требованіе измѣненія дарованной правительствомъ „конституціи" и здѣсь обще больше, чѣмъ 1/3 приговоровъ. Этотъ фактъ достаточно говоритъ о повышеніи политическаго уровня крестьянства ко дню созыва Думы. Годъ борьбы успѣлъ въ значительной мѣрѣ преобразить соціально-экономическое движеніе деревни въ политическое.

IV.

Среди партій, такъ или иначе заявившихъ о себѣ въ первый годъ революціи и въ теченіе выборной кампаніи

начала 1906 года, мы не найдемъ получившей потомъ извѣстность „трудовой группы“ Государственной Думы. Мы видѣли уже, при какихъ условіяхъ шла избирательная борьба: революціонно-соціалистическія партіи связали себѣ руки тактикой бойкота Думы, въ силу чего ихъ программы и ихъ тактическіе лозунги не могли привлечь къ себѣ массу деревенскихъ избирателей; правительство, съ своей стороны сдѣлало все возможное, чтобы не дать стихійной силѣ крестьянскаго протеста принять опредѣленныя формы партійной программы. Благодаря этому крестьянскіе выборы дали значительное число оппозиціонно настроенныхъ представителей „деревни“, безъ яснаго сознанія своихъ конечныхъ цѣлей и ближайшихъ задачъ. Эти „безпартійные“ въ теченіе избирательной кампаніи депутаты большей частью и послужили тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго сформировалась, съ открытіемъ думской сессіи, „трудовая группа“.

Организаціи группы положилъ начало „Вс. Кр. Союзъ“. Центральное бюро Союза вошло въ сношеніе съ нѣсколькими депутатами, въ Петербургѣ былъ устроенъ клубъ крестьянскихъ депутатовъ, и, такимъ образомъ, уже у дверей Думы создался противовѣсъ ерогинской „обработкѣ“ представителей деревни. Мы приводили уже выше распредѣленіе крестьянскихъ депутатовъ по „трудовой“ и „ерогинской“ группамъ;— значительное большинство ихъ, если и не миновало „квартиры на Кирочной“, то и недолго оставалось тамъ, войдя въ составъ трудовой группы, и только 50—60 депутатовъ-крестьянъ „безпартійно“ размѣстились на правой сторонѣ думскаго зала.

Промежуточный характеръ трудовой группы позволилъ войти въ ея ряды въ первое время ея существованія, и, рабочимъ депутатамъ, болѣе или менѣе опредѣленно примыкавшимъ, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, къ соціалъ-демократической рабочей партіи. Впослѣдствіи эти депутаты выдѣлились изъ трудовой группы, образовавъ вмѣстѣ съ кавказскими депутатами-соціалъ-демократами свою особую фракцію.

Уже самый способъ возникновенія трудовой группы долженъ былъ отразиться на ея политическомъ обликѣ: если

среди трудовиковъ и были отдѣльные представители, тяготѣвшіе къ соціально-революціоннымъ направленіямъ,—не они, а большинство группы, состоявшее изъ депутатовъ-*крестьянъ*, должно было наложить *свой* отпечатокъ на ея программу и дѣятельность. Поэтому-то группа не оторвалась отъ массы крестьянства, поэтому въ роли организатора группы мы встрѣчаемъ „Вс. Кр. Союзъ“. Подобно „Кр. Союзу“, трудовая группа въ своемъ программномъ творчествѣ не могла слишкомъ отдаляться отъ близкихъ и доступныхъ крестьянству требованій, не могла также въ своей тактикѣ не прислушиваться внимательно къ тому, что дѣлаетъ, что думаетъ деревня. Поэтому основной задачей трудовой группы стало— не порывая съ крестьянствомъ рѣзкой революціонностью своихъ требованій, но опираясь на его движеніе, поднять путемъ „парламентской“ дѣятельности крестьянскую массу на высшій уровень политической сознательности и организованности. Эта специфическая черта трудовиковъ уже достаточно ясно выражена въ выработанномъ группой „проектѣ программы“.

„Парламентская трудовая группа, читаемъ мы въ этомъ проектѣ, ставитъ своей цѣлью положить начало рѣшенію земельнаго вопроса. Для этого она находитъ необходимымъ немедленное изданіе закона, по которому земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя, помѣщичьи и всѣ прочія, служащія предметомъ эксплоатаціи и закабаленія трудящихся, отчуждаются принудительно въ народный земельный фондъ для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ, желающихъ личнымъ трудомъ обрабатывать землю. *Подробную разработку земельнаго вопроса и всю подготовку къ его практическому проведенію въ жизнь согласно этому закону передать на мѣста.* Народъ, путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, изберетъ волостные, уѣздные и губернскіе комитеты, которые должны быть свободны отъ всякой зависимости со стороны администраціи“.

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ „историческаго момента“, проектъ программы „признаетъ теперешнюю Госуд. Думу, несмотря на всю уродливость условій, при которыхъ она собрана, *единственнымъ авторитетнымъ учрежденіемъ въ Россіи*,

имѣющимъ право на немедленное проведеніе въ жизнь тѣхъ неотложныхъ реформъ, которыя могутъ создать условія для правильнаго обнаруженія воли народа и безъ которыхъ странѣ грозитъ полное разложеніе и междоусобная война“.

Въ виду этого, „парламентская трудовая группа“ не отказывается отъ законодательной дѣятельности въ Думѣ, но вся эта работа должна состоять въ уничтоженіи помѣхъ къ свободному выраженію „воли народа“ и его самодѣятельности — необходимо для этой цѣли уничтожить смертную казнь, военное положеніе, чрезвычайную и усиленную охраны, стѣсненія профессіональныхъ организацій рабочихъ. Эта отрицательная работа должна сопровождаться „немедленнымъ проведеніемъ“ въ жизнь основъ политической свободы, сформированіемъ отвѣтственнаго думскаго министерства, наряду съ уничтоженіемъ Госуд. Совѣта и т. п.

По отношенію къ рабочему вопросу трудовая группа принимаетъ обычную программу — minimum соціалистическихъ партій. Но и здѣсь, поскольку дѣло идетъ о способѣ проведенія требованій программы въ жизнь, сказывается индивидуальность трудовиковъ: „разрѣшеніе этихъ вопросовъ, говоритъ проектъ программы, какъ и земельнаго, можетъ быть осуществленъ лишь при содѣйствіи мѣстныхъ организацій, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ отъ всѣхъ отраслей наемнаго труда, — Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, которые должны взять на себя подробную разработку рабочаго вопроса“.

Въ заключеніе проектъ упоминаетъ о реформѣ на демократическихъ началахъ мѣстнаго самоуправленія и о всеобщемъ, прямомъ, тайномъ и равномъ избирательномъ правѣ при выборахъ въ Госуд. Думу.

Изложенный нами проектъ программы трудовой группы рѣзко отличается отъ сходныхъ съ нимъ программъ соціалистическихъ партій своимъ *поссибилизмомъ:* въ области соціальныхъ преобразованій онъ не идетъ далѣе „реформъ“, въ области политической онъ отбрасываетъ основной лозунгъ соціалистической демократіи—учредительное собраніе, признавая возможной положительную работу въ созванной самодержавнымъ правительствомъ Госуд. Думѣ, „несмотря на

всю уродливость условій, при которыхъ она созвана“. И даже въ земельномъ вопросѣ проектъ трудовой группы дѣлаетъ шагъ назадъ не только отъ программы соціалистическихъ партій, но и отъ резолюціи „Вс. Кр. Союза“: конфискація всѣхъ земель замѣняется въ проектѣ программы трудовой группы расплывчатымъ терминомъ „принудительное отчужденіе“ земель, служащихъ „предметомъ эксплоатаціи и закабаленія трудящихся“.

Этотъ поссибилизмъ характеренъ вообще для крестьянской демократіи. Неорганизованность крестьянскаго движенія и политическая отсталость рядового крестьянина, какъ мы видѣли, заставила уже „Кр. Союзъ“ обойти рядъ политическихъ вопросовъ. Трудовая группа въ этомъ отношеніи слѣдуетъ тактикѣ союза — и если она выглядитъ „правѣе“ его, то въ этомъ всецѣло повинны перемѣна общаго характера освободительнаго движенія начала 1906 года и неопредѣленность политическаго настроенія деревни къ моменту открытія Госуд. Думы.

Поэтому-то трудовая демократія своей тактикой хочетъ прежде всего связать народъ съ Думой, привлеченіемъ пролетаріата и крестьянства къ непосредственному участію въ законодательной работѣ Думы — пріобрѣсти въ народѣ ту базу, которая позволила бы демократіи оставить прочный слѣдъ въ „реформаторской“ дѣятельности Думы. Въ этомъ— своеобразный характеръ трудовой группы нашего перваго „парламента“. Тяготѣніе къ народу сближаетъ трудовиковъ съ соціалистами и ставитъ рѣзкую грань между ними и кадетами.

Поссибилизмъ, соединенный съ желаніемъ опереться на народъ, объясняетъ намъ все дальнѣйшее поведеніе трудовиковъ въ Думѣ *).

*) Къ концу дѣятельности первой Госуд. Думы трудовая группа насчитывала въ своихъ рядахъ около 112 депутатовъ или 22,5% всего числа депутатовъ. Всѣ 499 депутатовъ первой Думы слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по партіямъ: к.-д.—164 (32,3%), дем.-реф.—5 (1,0%), октябристовъ—37 (7,4%), польское коло—34 (6,8%), соц.-дем.—17 (3,4%), безп. прав. — 56 (11,2%), безп. — 74 (14,8%), неопред. — 10 (2%), трудовиковъ — 102 (20,4%).

Въ первыя засѣданія Думы, посвященныя обсужденію амнистіи и выработкѣ отвѣтнаго адреса, трудовая группа идетъ въ ногу съ „кадетами", можно сказать цѣликомъ присоединяется къ ихъ заманчивымъ перспективамъ „мирнаго парламентскаго рѣшенія" острыхъ вопросовъ народной жизни. Въ то время какъ въ рѣчахъ случайныхъ представителей соціалистической демократіи слышатся уже намеки на крайніе политическіе лозунги (Учред. Собраніе), сопровождаемые отказомъ отъ выработки какого бы то ни было „отвѣтнаго адреса", трудовики не только участвуютъ въ составленіи адреса, но и въ тонъ „кадетамъ" отказываются отъ включенія въ него краеугольнаго камня собственной политической программы — четырехчленной формулы избирательнаго права при выборахъ въ Думу.

Точно также, въ угоду „единства Думы", трудовики не настаиваютъ на внесеніи въ отвѣтный адресъ своей формулировки рѣшенія земельнаго вопроса, поступаясь своей программой въ пользу кадетской.

Нельзя сказать, чтобы это противорѣчіе между программой и тактикой трудовой группы не вызвало нареканій со стороны отдѣльныхъ ея членовъ. Вожди трудовиковъ, въ своихъ рѣчахъ по поводу адреса, принуждены были признать это противорѣчіе и пытались объяснить его необходимость.

„Народъ требуетъ большаго, говорилъ, напр., трудовикъ Тесля, но если намъ и на эти скромныя требованія отвѣтятъ отказомъ, то мы обратимся къ народу со слѣдующимъ заявленіемъ: „мы требовали мало, но намъ и этого не дали, требуйте сами. И народъ, конечно, потребуетъ и добьется того, что ему нужно, и на что онъ имѣетъ полное право. И горе тому, кто станетъ препятствовать народу добиваться того, что ему по праву принадлежитъ" *).

Иначе аргументируетъ необходимость соглашенія съ кадетами въ содержаніи адреса лидеръ трудовиковъ Аникинъ. Онъ не столько надѣется на силу „народа" взять то, что

*) „Работы первой Госуд. Думы", изд. Спб. комитета трудовой группы, стр. 47.

ему нужно, сколько боится пораженія стихійнаго движенія крестьянства, которое, благодаря своей разрозненности, можетъ быть разбито по частямъ административными и военными силами стараго порядка. „Товарищи крестьяне! говоритъ онъ въ своей рѣчи, здѣсь раздавались голоса крестьянъ, которые говорили, что насъ обходятъ. Я отмѣчаю это и скажу, что да, насъ обходятъ, но насъ обходятъ не здѣсь, а въ глубинѣ Россіи, и вотъ, того обхода я боюсь въ милліонъ разъ больше, чѣмъ всякихъ другихъ обходовъ. И вотъ, основываясь на этомъ, я думаю, что все, что сказано въ проектѣ адреса, можно принять, потому что, если все это будетъ дано въ такой мѣрѣ, то мы можемъ удовлетвориться и такъ распредѣлить земли, какъ мы находимъ нужнымъ. Но я думаю, что, если бы мы взяли земли удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, частновладѣльческія, то при настоящихъ условіяхъ, которыя царятъ въ Россіи, эти земли намъ отводили бы: полиція, земскіе начальники, казаки съ пушками, пулеметами и ружьями и, возможно, что насъ бы обошли и мы вмѣсто земли ничего не получили. Я предлагаю принять то, что написано въ проектѣ адреса, потому что мы вкладываемъ въ него свое крестьянское содержаніе и этимъ можемъ удовлетвориться" *).

Еще опредѣленнѣе высказывается за необходимость компромисса съ „кадетами" другой лидеръ трудовой группы, г. Аладьинъ. Онъ останавливается на выдвинутомъ рабочими депутатами лозунгѣ революціи — Учред. Собраніе, и слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ его пригодность, какъ лозунга момента: „Есть вещи, которыхъ не просятъ, и даже не требуютъ, которыя—устраиваютъ. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ Учредительное Собраніе. Когда нація доведена до того момента, что революція становится неизбѣжной, когда побѣдоносный народъ взялъ въ свои руки все, тогда Учредительное Собраніе учреждается безъ просьбъ, само собою... Быть можетъ, я не выражаю мнѣнія широкихъ группъ, но мнѣ кажется, что у насъ есть теперь возможность

*) Тамъ же, стр. 72—73.

расковать, попытаться, по крайней мѣрѣ, расковать рабочій классъ и крестьянство" *).

Цитированныя здѣсь рѣчи видныхъ трудовиковъ по вопросу объ адресѣ достаточно выясняютъ намъ оппортюнизмъ трудовой группы въ самомъ началѣ ея политической дѣятельности: — не обладая въ Думѣ большинствомъ, не имѣя строго выдержанной принципіальной программы, не вѣря въ успѣшность и, быть можетъ, даже возможность широкаго народнаго движенія въ ближайшемъ будущемъ, трудовая группа присоединилась къ кадетскимъ надеждамъ на добровольныя уступки „народному представительству" со стороны самодержавнаго режима и стоящихъ за нимъ общественныхъ группъ. Въ случаѣ неудачи попытокъ примирить старую власть съ народомъ, трудовая группа ничего не теряла: считая себя наиболѣе вѣрно отражающей настроеніе „народа", трудовая группа могла разсчитывать оставаться во главѣ „народа", если отказъ правительства даже на кадетскій minimum уступокъ приведетъ въ движеніе широкія массы. „Горе тому, кто станетъ препятствовать народу добиваться того, что ему по праву принадлежитъ".

Отвѣтный адресъ былъ принятъ Госуд. Думой въ засѣданіи 5-го мая. Черезъ восемь дней Дума получила возможность познакомиться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвела выработанная ею программа дѣятельности на правительство, „органически, по словамъ г. Муромцева, связанное съ Думой". Прочитанная въ засѣданіи Думы 13 мая декларація совѣта министровъ, какъ извѣстно, была отрицаніемъ Думской программы вообще, по земельному вопросу въ частности. Правительство не имѣло ни малѣйшаго желанія идти навстрѣчу „народному представительству", считая себя достаточно сильнымъ регулировать дѣятельность Госуд. Думы въ желательномъ для него направленіи.

Министерская декларація должна была послужить поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности Думы: вѣрѣ въ мирное сотрудничество съ правительствомъ декларація наносила сильный ударъ — слѣдовало выяснить дальнѣйшую тактику

*) Тамъ же, стр. 74.

„единой" Думы. Нужно было или перейти къ активному наступленію на старую власть, сдѣлавъ Думу центромъ народнаго движенія, или, оставаясь въ Думѣ, пользоваться думской каѳедрой, какъ агитаціонной трибуной передъ лицомъ всей Россіи. Въ принятой Думой резолюціи, внесенной депутатомъ трудовой группы Жилкинымъ, трудовая группа высказалась за второе рѣшеніе, предложивъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, подчеркивая въ то же время, что непринятіе правительствомъ изложенныхъ въ адресѣ требованій дѣлаетъ „невозможнымъ спокойствіе страны и плодотворную работу народнаго представительства".

Министерство, съ своей стороны, на первыхъ же порахъ оказало крупную поддержку агитаціонной дѣятельности Думы. Его агенты широко распространили въ населеніи министерскую декларацію для искорененія, вѣроятно, „безсмысленныхъ мечтаній" пролетаріата и крестьянства о полной свободѣ, землѣ и волѣ. Результаты правительственной агитаціи, и на этотъ разъ, получились обратные.

Говоря о наказахъ, мы уже упоминали о массовомъ сочувствіи, обнаруженномъ крестьянствомъ, къ работамъ Думы. Вѣря въ возможность для „представителей народа" добыть народу землю и волю, деревня забрасывала Думу своими приговорами. Крупнымъ поводомъ къ составленію этихъ приговоровъ былъ первый конфликтъ Думы съ правительствомъ.

„Возмущенные до глубины души произволомъ и издѣвательствомъ отжившаго правительства надъ нами — крестьянами и нашими выборными въ Петербургѣ, выражающемся въ полномъ отказѣ во всѣхъ нашихъ требованіяхъ и желаніяхъ, и въ продолжающихся расправахъ начальства надъ беззащитнымъ народомъ,—мы съ полной вѣрой въ сочувствіе большинства всего трудящагося люда въ Россіи требуемъ скораго, безотлагательнаго удовлетворенія нашихъ нуждъ. Мы измучились и изстрадались подъ гнетомъ безправія, безземелья, налоговъ и опеки начальства! Дайте намъ возможность жить по-человѣчески" *) — такъ реагировала де-

*) Приговоръ с. Большіе Малыши. «Крестьянскіе наказы Самарской губ.» стр. 41.

ревня на министерскую декларацію. Этотъ тонъ—общій для большинства приговоровъ, направленныхъ въ Думу, также, какъ обще всѣмъ приговорамъ увѣреніе Думы въ поддержкѣ ея народомъ. Въ приговорахъ предусматривается возможность роспуска Думы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ— и деревня рѣшительно протестуетъ не только противъ роспуска Думы, но и противъ временнаго перерыва въ ея занятіяхъ.

Госуд. Дума становится всенароднымъ центромъ, и если не матеріальная, то моральная мощь „власти" переносится на нее. Призывъ къ борьбѣ съ правительствомъ звучитъ во многихъ приговорахъ. „Боритесь до конца, а мы всегда готовы поддержать васъ, говоритъ приговоръ с. Борскаго. Если же у васъ не хватитъ силъ побѣдить нашихъ враговъ и если прежде, чѣмъ мы придемъ къ вамъ на помощь, васъ разгонятъ, тогда пріѣзжайте и скажите намъ, кто нашъ главный врагъ, кто не хочетъ намъ дать лучшей жизни, кто смѣетъ итти противъ воли всего народа; скажите, и тогда мы сами расправимся со своими врагами. Будьте смѣлы, наши избранники, и не дѣлайте врагамъ уступокъ" *).

„Бросьте переговоры съ правительствомъ и пусть отвѣтственность за внутренніе непорядки падетъ на голову правительства", говоритъ приговоръ Алексѣевской вол. **).

Еще рѣзче звучитъ раздраженіе противъ правительства въ приговорѣ с. Стараго Буяна: „помните, говорится тамъ по адресу депутатовъ, если вы пойдете на сдѣлку съ правительствомъ, если вы пойдете на уступки правительству, войдете съ нимъ въ согласіе, тогда вы лишитесь поддержки народа, вы лишитесь той почвы, на которую могли бы твердо опереться. И не забывайте, что народъ, выдвинувшій васъ, какъ людей достойныхъ чести избранниковъ, можетъ, если вы того заслужите, объявить васъ преступниками, измѣнниками и произвести свой народный судъ" ***).

Приведемъ еще одну цитату, ярко характеризующую постепенный процессъ освобожденія крестьянства отъ вѣковыхъ

*) Тамъ же, стр. 39.
**) Тамъ же, стр. 35.
***) Тамъ же, стр. 76.

предразсудковъ, благодаря столкновеніямъ Госуд. Думы съ правительствомъ: „Идите прямо къ царю, читаемъ мы въ приговорѣ Березово-Лукской вол., устраните лежащее между нимъ и вами чиновничье средостѣніе. Мы убѣждены, что царь, давши манифестъ 17-го октября, желаетъ добра своему народу. Неужели кучка чужеядцевъ дороже ему и онъ 130-милліонное населеніе смѣняетъ на нее? Нѣтъ! этому намъ не хочется вѣрить и прискорбно будетъ, если дѣйствительность убѣдитъ въ положительности (этого)" *).

Оправдывались слова депутата—крестьянина Лосева, сказанныя имъ по поводу министерской деклараціи: „Все трудовое крестьянство поставлено теперь въ такое критическое положеніе, что его сдѣлали, какъ жалкаго, слѣпого Сампсона. Но я одно долженъ сказать вамъ, я не ручаюсь за то, выдержитъ ли этотъ несчастный Сампсонъ или также (какъ и библейскій) упрется и скажетъ: „Умри, душа моя, съ филистимлянами".

Политическое возбужденіе деревни, отмѣчаемое приговорами, шло рядомъ съ усиленіемъ соціально-экономическаго движенія крестьянства. Вплоть до мая мѣсяца волненія крестьянъ малочисленны и носятъ, въ большинствѣ случаевъ, характеръ спорадическихъ вспышекъ. Въ іюнѣ движеніе разростается и принимаетъ массовый характеръ. Усиливаются разгромы помѣщичьихъ усадебъ, порубки лѣса, въ центральныхъ губерніяхъ распространяются массовыя стачки. Веселовскій даетъ такую характеристику роста погромнаго движенія: „Въ теченіе января — марта поджоги представляли единичныя явленія. Они участились съ апрѣля. Въ маѣ погромы и поджоги имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ Саратовской губ. и, отчасти, въ Орловской. Въ іюнѣ поджоги значительно усилились" **). Стачечное движеніе, по словамъ того же автора, приняло очень крупные размѣры „въ центральной черноземной полосѣ. Оно охватило здѣсь губерніи: Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Курскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую,—всего около 66 уѣздовъ". Наряду

*) Тамъ же, стр. 56.
**) См. Веселовскій, l. c., стр. 109 и слѣд.

съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить слабое распространеніе захватовъ помѣщичьихъ земель. Наоборотъ, „столкновенія крестьянъ съ полиціей, представлявшія въ первые мѣсяцы 1906 года явленія довольно рѣдкія,—значительно участились съ апрѣля“.

Подъемъ крестьянскаго движенія не могъ не отразиться на тактикѣ трудовой группы. Трудовая группа спѣшитъ съ выработкой своихъ проектовъ аграрной реформы, чтобы дать лозунги мѣстному движенію и связать его съ Думой, — и наталкивается па противодѣйствіе кадетовъ.

Въ засѣданіи 23-го мая трудовая группа, за подписью 104 членовъ, вноситъ свой проектъ аграрной реформы, въ которомъ предлагается организація мѣстныхъ крестьянскихъ комитетовъ, какъ необходимая форма участія народа въ законодательномъ рѣшеніи аграрнаго вопроса. Проектъ сдается въ думскую аграрную комиссію. Въ засѣданіи 26-го мая 35 членовъ трудовой группы вносятъ законопроектъ о немедленной организаціи „мѣстныхъ комитетовъ для подготовки данныхъ для земельной реформы“. Авторы этого законопроекта полагаютъ, что предлагаемая ими мѣра „создала бы живѣйшее сотрудничество между Думой и всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, укрѣпила бы еще болѣе связь съ страной и создала бы новыя формы непосредственной моральной поддержки Думы народомъ“. И этотъ законопроектъ сдается думскимъ большинствомъ, *какъ матеріалъ*, въ аграрную комиссію. Въ засѣданіи 8-го іюня, за подписью 33 членовъ трудовой группы, въ Думу поступаетъ новый проектъ „основного земельнаго закона“, проникнутый эсеровскими принципами. Этотъ проектъ уже не сдается Думой въ комиссію: думское большинство просто отвергаетъ его, какъ непріемлемый.

Лихорадочная дѣятельность по рѣшенію земельнаго вопроса, развитая трудовой группой въ этотъ періодъ, находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ словахъ депутата Аладьина: „если бы рѣшеніе аграрнаго вопроса дошло ко времени сбора хлѣбовъ до той практической формы, когда народъ уже можетъ повѣрить, что аграрный вопросъ дѣйствительно разрѣшается и будетъ разрѣшенъ болѣе или

менѣе удовлетворительно, сдержать народъ, заставить его подождать еще нѣсколько мѣсяцевъ, я сказалъ бы даже годъ или два, не представляло бы абсолютно никакой трудности. Но зато, если къ этому времени мы не съумѣемъ довести аграрнаго вопроса до указанной стадіи, тогда, можетъ быть, народъ самъ порветъ наши занятія и самъ возьмется за разрѣшеніе земельныхъ осложненій“.

Окончательный разрывъ между кадетскимъ большинствомъ Думы и трудовой группой вызвало „обращеніе къ народу“, послужившее поводомъ къ роспуску Думы.

20-го іюня было опубликовано „правительственное сообщеніе“, въ которомъ подвергался рѣзкой критикѣ принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, принятый Думой въ качествѣ руководства для аграрной комиссіи, въ ея разработкѣ законопроекта земельной реформы. Взамѣнъ принудительнаго отчужденія земель „правительственное сообщеніе“ выдвигаетъ слѣдующія „мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ“: передачу малоземельнымъ крестьянамъ, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, всѣхъ годныхъ для земледѣлія казенныхъ земель; покупку для той же цѣли, за счетъ государства, отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыхъ ими земель; устройство землеустроительныхъ комиссій и т. п.

Думская аграрная комиссія, признавая правительственное „сообщеніе“ противорѣчащимъ работамъ Госуд. Думы и подрывающимъ ея авторитетъ въ населеніи, предложила опубликовать контръ-сообщеніе съ изложеніемъ основъ намѣченной Думой земельной реформы. Составленный комиссіей проектъ такого обращенія Думы къ народу обрисовывалъ вкратцѣ ходъ занятій Госуд. Думы по аграрному вопросу.

Проектъ этотъ не удовлетворилъ ни думскую правую, ни трудовую группу: правая была вообще противъ какой бы то ни было апелляціи къ народу, трудовики критиковали проектъ за недостаточно рѣзкую постановку вопроса, не соотвѣтствующую напряженному состоянію страны. По ихъ мнѣнію, думское обращеніе должно было призывать народъ къ болѣе активной поддержкѣ Думы, чѣмъ спокойное ожиданіе конца думской разработки земельной реформы.

„Не только въ рѣчахъ справа, говоритъ депутатъ Жилкинъ въ своей критикѣ кадетскаго проекта, но и въ этомъ проектѣ говорится о томъ, что пусть народъ мирно и спокойно ожидаетъ результатовъ работы Госуд. Думы. Мирно и спокойно, это — чрезвычайно двусмысленное выраженіе... Не миръ и тишину должна Дума призывать; нѣтъ, она должна объяснить, что съ помощью этой тишины и спокойствія правительство ведетъ русскій народъ въ узкомъ смыслѣ къ революціи, къ анархіи. Мы понимаемъ революцію въ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ полнаго переустройства государственной жизни и въ этомъ смыслѣ призываемъ народъ къ борьбѣ“ *). Далѣе идутъ обычныя разсужденія трудовиковъ о мирной организаціи „народа“ вокругъ Думы.

Трудовая группа осталась вѣрной себѣ до конца: не соглашаясь съ кадетскимъ большинствомъ, она и въ этомъ случаѣ не встала на революціонную точку зрѣнія соціалъ-демократической фракціи, заявившей не только о своемъ несогласіи съ выработаннымъ кадетами обращеніемъ къ народу, но и о своемъ правѣ „путемъ самостоятельнаго обращенія выяснить народу истинное положеніе дѣлъ“. Трудовики не стали голосовать противъ адреса. Поле борьбы съ кадетами было уступлено ими реакціонной правой и революціонной лѣвой. Своимъ воздержаніемъ отъ голосованія они еще разъ оказали поддержку оппортюнизму кадетской партіи.

Созданіе около Думы „организованнаго народа“, на который разсчитывала опереться трудовая группа въ своей законодательной работѣ, осталось невыполненной задачей, и къ моменту роспуска Думы, трудовики стояли передъ перспективой „бездумья“ съ той же растерянностью, съ какой начали свою „парламентскую“ дѣятельность.

V.

Намъ остается обрисовать послѣдній этапъ крестьянскаго движенія—время „междодумья“. Первая Дума, на которой сосредоточивались надежды крестьянъ, за дѣятельностью

*) «Работы первой Госуд. Думы», стр. 462.

которой жадно слѣдила деревня, разошлась, не выполнивъ своихъ задачъ, не давъ деревнѣ ни земли, ни воли. А на смѣну ей вновь развернулся правительственный терроръ съ ново-изобрѣтеннымъ оружіемъ борьбы съ народомъ—военно-полевыми судами.

Какъ отнеслась деревня къ роспуску Думы, какъ реагировала она на крушеніе своихъ надеждъ?

Съѣхавшіеся въ Выборгѣ депутаты, съ одной стороны, революціонно-соціалистическія партіи вмѣстѣ съ трудовой группой и „Вс. Кр. Союзомъ“, съ другой, въ своихъ воззваніяхъ по поводу роспуска Думы указали способы проявленія народнаго недовольства. „До созыва народныхъ представителей ни копейки въ казну, ни одного солдата въ армію“—призывало народъ къ пассивному давленію на правительство выборгское воззваніе бывшихъ депутатовъ. „Всеобщая политическая забастовка“ бросала болѣе наступательный лозунгъ прокламація революціонныхъ организацій, разсчитывая, какъ и въ декабрѣ 1905 года, на создающійся при всеобщей забастовкѣ революціонный подъемъ народныхъ массъ.

Ни тотъ, ни другой призывъ не увѣнчался успѣхомъ. Политическая забастовка не превратилась во всеобщую, не удалась даже въ средѣ городского пролетаріата; лишь отдѣльные города реагировали на роспускъ Думы разрозненными и недолговѣчными стачками фабрично-заводскихъ рабочихъ. Отказъ отъ рекрутчины нигдѣ не встрѣтилъ сочувствія. Бо́льшій успѣхъ имѣлъ податной бойкотъ правительства, но и онъ едва ли былъ новостью для крестьянства; уже на ноябрьскомъ съѣздѣ „Вс. Кр. Союза“, въ 1905 году, раздавались замѣчанія о томъ, что подати, вообще, поступаютъ туго, а вторичный неурожай 1906 года, самъ по себѣ долженъ былъ еще репрессивнѣе отразиться на поступленіи платежей.

Разосланный, вскорѣ послѣ роспуска Думы, губернаторамъ и управляющимъ казенными палатами циркуляръ за подписью Столыпина и министра финансовъ Коковцева констатируетъ, напр., „рѣзкое сокращеніе поступленій“ земскихъ окладныхъ сборовъ уже съ осени 1905 года. Циркуляръ приводитъ слѣдующія цифры о поступившихъ по 34 земскимъ

губерніямъ платежахъ: въ 1905 году за первое полугодіе поступило 15 милл. руб. земскихъ сборовъ (около 50% оклада), въ 1906 году за тѣ же мѣсяцы внесено только 8 милл. руб., т.-е. нѣсколько больше 20% оклада. „Неблагопріятное“ поступленіе платежей замѣчается одинаково какъ въ неурожайныхъ, такъ и въ урожайныхъ губерніяхъ. Циркуляръ приводитъ это явленіе въ связь съ распространеніемъ въ деревняхъ „смуты“: „политическія волненія, по мнѣнію министерства, понизили въ населеніи чувство законности и сознаніе долга; плательщики стали намѣренно пренебрегать своими податными обязанностями“.

Эта тенденція, конечно, должна была усилиться послѣ роспуска Думы, но открытаго отказа въ уплатѣ податей съ политической мотивировкой почти не встрѣчалось. По газетнымъ даннымъ, лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ крестьяне прямо заявили о своемъ нежеланіи платить подати до созыва второй Думы. Поголовный отказъ отъ платежа податей имѣлъ мѣсто въ Ямбургскомъ уѣздѣ; такое же отношеніе проявили, по словамъ корреспондента „Нов. Пути“, многіе крестьяне Курской губ. и т. п. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопросъ о неплатежѣ податей обсуждался на крестьянскихъ съѣздахъ, принявшихъ рѣшеніе провести податной бойкотъ правительства.

Рядомъ съ почти полнымъ неуспѣхомъ упомянутыхъ выше воззваній, слѣдуетъ отмѣтить постепенное ослабленіе и соціально-экономическаго движенія крестьянства въ послѣдумскій періодъ. Погромное движеніе (поджогъ усадебъ) сильно сокращается уже въ іюлѣ, нѣсколько усиливается въ августѣ, чтобы, затѣмъ снова сократиться въ сентябрѣ и совершенно затихнуть въ октябрѣ и ноябрѣ. То же замѣчается и въ развитіи стачечнаго движенія: достигнувъ своего зенита въ іюнѣ, число сельско-хозяйственныхъ стачекъ падаетъ въ іюлѣ, представляя въ слѣдующіе мѣсяцы уже единичныя явленія.

На смѣну этимъ формамъ движенія приходитъ новая — учащаются столкновенія крестьянъ съ полиціей и войсками. Веселовскій въ цитированной выше книгѣ приводитъ 153 случая такихъ столкновеній; большинство изъ нихъ падаетъ на

послѣдумскій періодъ, — конецъ лѣта и начало осени. Именно: въ апрѣлѣ отмѣчено въ періодической прессѣ 6 случаевъ столкновенія крестьянъ съ вооруженной силой, въ маѣ — 10, въ іюнѣ — 27, въ іюлѣ — 18, въ августѣ — 29, въ сентябрѣ — 34, въ октябрѣ — 5, въ ноябрѣ — 14. При этихъ столкновеніяхъ „около 200 крестьянъ убито, сотни человѣкъ ранены и изувѣчены и т. д. Усмирители понесли гораздо меньше урона убитыми, хотя число раненыхъ также весьма значительно. За 1906 годъ, при подавленіи крестьянскихъ безпорядковъ, убиты: 4 офицера, 2 исправника, 4 пристава, 8 урядниковъ, 10 стражниковъ и 5 солдатъ. Ранено за то же время: 3 офицера, 1 исправникъ, 3 помощника исправника, 7 приставовъ, 4 урядника и 24 солдата“ *).

Уже эти факты характерны для оцѣнки того настроенія, съ которымъ встрѣтила деревня роспускъ Госуд. Думы. Деревенская оппозиція „прижиму“ обострилась и стала выливаться въ формы насильственной борьбы со старой властью.

Особенно много поводовъ къ столкновеніямъ съ полиціей и войсками давало возвращеніе крестьянскихъ депутатовъ и возродившіеся вновь митинги въ деревняхъ. Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда своихъ депутатовъ, въ рѣчахъ, знакомыхъ имъ съ дней свободы, „ораторовъ“ искали отвѣта на волнующіе ихъ вопросы, вызванные роспускомъ Думы.

Полиція съ своей стороны держалась наготовѣ. Преслѣдованія крестьянскихъ депутатовъ, нападенія вооруженныхъ стражниковъ на сельскіе митинги стали обычнымъ явленіемъ. Вотъ какъ, напр., описываетъ „Камскій Край“ судьбу вятскихъ депутатовъ: „представитель Слободского уѣзда Кузнецовъ, былъ атакованъ стражниками въ с. Косѣ; многотысячный митингъ крестьянъ, собравшійся послушать своего депутата, разогнанъ; убитъ, по ошибкѣ, вмѣсто Кузнецова, его сосѣдъ; самъ Кузнецовъ скрылся. Крестьянскій депутатъ Садыринъ окруженъ стѣною стражниковъ и изолированъ отъ населенія. Когда онъ прибылъ въ родной уѣздъ, то отъ границы его провожали пристава, каждый по своему стану и каждый изъ нихъ торопилъ его, желая скорѣе спла-

*) Веселовскій, l. с., стр. 130—131.

вить въ предѣлы сосѣдняго стана. Депутатъ Глазовскаго уѣзда, Цѣлоусовъ, до сихъ поръ не являлся домой, гдѣ его ждетъ полиція съ распростертыми объятіями".

Съ особеннымъ усердіемъ полиція старалась уничтожить митинговое движеніе въ деревнѣ, сплошь и рядомъ наталкиваясь на вооруженное сопротивленіе со стороны крестьянъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губ., арестъ агитатора вызвалъ извѣстное „возстаніе" 74 селеній. Въ мѣстечкѣ Еремичи, Минской губ., на происходившій ночью двухтысячный митингъ набросились полицейскіе стражники, но „встрѣченные кольями и вилами" принуждены были удалиться; вторичное нападеніе стражниковъ также было отбито. Въ с. Благодарномъ, Ставропольской губ., крестьяне заставили исправника освободить изъ тюрьмы привезеннаго туда „оратора". Пытавшіеся вновь арестовать освобожденнаго агитатора стражники были обезоружены, а на телеграмму губернатора о добровольной выдачѣ его, волостной сходъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ *).

Кромѣ митинговъ, характерной чертой послѣдумскаго періода являются крестьянскіе съѣзды. „Въ цѣломъ рядѣ губерній (Смоленской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ) происходили въ теченіе августа и сентября крестьянскіе съѣзды, на которыхъ обсуждались лозунги выборгскаго воззванія". Нѣкоторые изъ нихъ были довольно многолюдны. Такъ, на Елабужскомъ 2-мъ съѣздѣ было представлено 8 волостей съ 57-ю участниками съѣзда. Такой же многолюдный съѣздъ состоялся въ октябрѣ въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Въ томъ же октябрѣ происходилъ съѣздъ крестьянскаго союза въ Екатеринославской губ. „Но помимо съѣздовъ, объединяющихъ крестьянъ многихъ волостей уѣзда и даже губерніи, по окончаніи полевыхъ работъ, происходили междуволостные сходы и совѣщанія. Такіе сходы-собранія были устроены въ Самарской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ" **). Интересна исторія съѣзда крестьянъ Самарской губ. Мѣстная соціалъ-демократическая

---

*) А. Лу—чъ. Организаціонное движеніе въ крестьянствѣ. „Народный Трудъ", вып. I, стр. 66.

**) Тамъ же, стр. 66, 67.

группа разослала по деревнямъ приглашеніе прислать своихъ делегатовъ на съѣздъ. Сельскія общества откликнулись и выслали делегатовъ. Этотъ первый съѣздъ самарскихъ крестьянъ рѣшилъ, между прочимъ, устроить новый съѣздъ съ болѣе широкимъ представительствомъ.

Всѣ эти факты, вмѣстѣ съ массовымъ отказомъ крестьянъ принимать участіе въ образованныхъ правительствомъ землеустроительныхъ комиссіяхъ, говорятъ о непрекращающемся, послѣ роспуска первой Думы, политическомъ броженіи среди крестьянъ. Къ моменту роспуска Думы деревня не чувствовала себя достаточно организованной, чтобы немедленно встать на защиту своихъ представителей въ Думѣ, въ силу чего ея антагонизмъ старому режиму вылился въ форму не широкаго массоваго политическаго движенія, а отдѣльныхъ схватокъ съ представителями старой власти. Выборы во вторую Думу дали возможность крестьянству, въ легальной формѣ, вновь высказать свое отношеніе къ правительству и его политикѣ. И въ отвѣтъ на роспускъ Думы, военно-полевые суды и правительственные аграрные законы, изданные въ періодъ бездумья, крестьянство послало во вторую Думу ярко оппозиціонныхъ депутатовъ.

Изъ 365 мандатовъ отъ 47 губерній, представительство которыхъ мы разсматривали выше, характеризуя крестьянскіе выборы въ первую Думу, свыше $^2/_5$ (153 чел.) приходится на долю соціалистической и радикальной демократіи, причемъ соціалисты въ $1^1/_2$ раза превышаютъ количество радикальныхъ депутатовъ. По политическимъ направленіямъ депутаты этихъ губерній распредѣляются слѣдующимъ образомъ *):

Всего депутатовъ.	Соціалистовъ.	Радик. демокр.	Кадетовъ и прим. къ нимъ.	Правыхъ.	Безпарт.
365	94	59	85	105	22
100%	25,9%	16,1%	23,3%	28,7%	6,0%
	42,0%				

---

*) Подъ общими рубриками таблицы мы соединили болѣе мелкія партійныя группировки. Въ группу *соціалистовъ* вошли соціалъ-демократы, соц.-революціонеры и крайніе лѣвые; въ группу *радикаловъ* —

По 12 губерніямъ, въ которыхъ крестьянскіе выборщики имѣютъ абсолютное большинство въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, оппозиціонность депутатовъ становится еще болѣе рѣзкой: число „правыхъ“ и „безпартійныхъ“ сильно падаетъ, нѣсколько увеличивается число кадетскихъ депутатовъ, сильно растетъ количество полномочій радикальной демократіи и особенно сильно соціалистическихъ. Сравнительно съ выборами въ первую Думу эти губерніи значительно полѣвѣли и политически диференцировались.

Партійная группировка депутатовъ 12 губерній (въ %%).

	Соціал.	Радик. демокр.	Кадеты и прим. къ нимъ.	Правые.	Безпарт.
Въ первой Думѣ .	3,1%	29,9%	34,4%	18,0%	14,6%
	33,0%				
Во второй Думѣ .	38,2%	23,6%	29,9%	6,7%	2,3%
	61,8%				

Крестьянское представительство указанныхъ губерній значительно подвинулось влѣво. И эта передвижка влѣво гораздо рѣзче выражена въ этихъ губерніяхъ, чѣмъ по всѣмъ 47 губерніямъ.

Партійная группировка депутатовъ 47 губерній (въ %%).

	Соціал.	Радик. демокр.	Кадеты и прим. къ нимъ.	Прав.	Безпарт.	Проч.
Въ первой Думѣ.	2,5%	24,5%	31%	24%	16%	1%
	27,0%					
Во второй Думѣ.	25,9%	16,1%	23,3%	28,7%	6%	—
	42,0%					

Аналогичные результаты даетъ анализъ состава отдѣльныхъ думскихъ фракцій — *депутаты-крестьяне* занимаютъ видное мѣсто среди представителей соціалистическихъ и радикальныхъ теченій. Въ соціалистическихъ фракціяхъ депутаты-крестьяне составляютъ 42,9% общаго числа депутатовъ

нар. соціалисты, крест. союзъ, трудовики, лѣвые; въ группу *кадетовъ* — кадеты, дем. реф., мусульм., прогр. и т. п.; въ группу *правыхъ* — монархисты, октябристы и т. п.

этихъ фракцій, въ радикально-демократическомъ — 69,5% среди кадетовъ 30,3%.

Еще показательнѣе партійная группировка депутатовъ, избранныхъ *одними крестьянами*. Намъ удалось опредѣлить политическое направленіе 43 депутатовъ, избранныхъ одной крестьянской куріей; по партіямъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Соціал.	Радик. демокр.	Кадеты.	Прогр.	Прав.	Окт.	Безп.
9%	15%	—	9%	6%	1%	3%
20,9%	35,0%	—	20,9%	13,9%	2,3%	7,0%

Итакъ, въ общемъ и цѣломъ, судя по результатамъ выборовъ, крестьянство значительно подвинулось влѣво. Но эти результаты не даютъ намъ возможности судить, насколько оформилось политическое сознаніе крестьянской *массы*. Сложная и многостепенная система выборовъ въ Думу, основанная на сотрудничествѣ различныхъ классовъ, не позволяетъ непосредственно учесть сочувствіе избирателей-крестьянъ къ тому или иному политическому направленію.

Нѣкоторое освѣщеніе политической сознательности массы крестьянъ, можетъ дать политическая группировка крестьянскихъ выборщиковъ.

Газетныя сообщенія о политическомъ направленіи выборщиковъ даютъ лишь общіе этикеты „правыхъ“, „лѣвыхъ“, „прогрессистовъ“ и т. п., смыслъ которыхъ приходится разгадывать путемъ сложнаго статистическаго анализа. Продѣлавъ эту работу въ другой статьѣ, посвященной анализу всего политическаго представительства второй Думы въ связи съ политическими тенденціями различныхъ классовъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: „правые“ и „умѣренные“ выборщики должны быть объединены въ одну группу, такъ какъ тѣ и другіе своими голосами повсюду поддерживали кандидатовъ правыхъ партій; напротивъ того, „лѣвые“ выборщики составляютъ основу крайнихъ лѣвыхъ направленій (соціалистической и радикальной демократіи); наконецъ, „прогрессисты“ представляютъ политически безформенную массу, порвавшую съ „правыми“, поскольку тѣ идутъ противъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій,

но не примкнувшихъ опредѣленно ни къ умѣренной, ни къ крайней оппозиціи. Поэтому-то „прогрессисты" своими голосами поддерживаютъ то крайнихъ лѣвыхъ кандидатовъ, то умѣренную оппозицію, смотря по тому, какое изъ этихъ политическихъ направленій составляетъ, при той или иной избирательной конъюнктурѣ, наиболѣе сплоченное и вліятельное относительное большинство выборщиковъ.

Пользуясь этими выводами, можно ближе опредѣлить политическое настроеніе деревни.

Всѣ крестьянскіе выборщики взятыхъ нами губерній распадаются на слѣдующія политическія группы:

Лѣвые.	Кадеты.	Прогрес.	Безпарт.	Правые.	Умѣрен.	Неизв.
23,0%	4,1%	22,9%	10,1%	24,3%	6,6%	8,9%
		33,0%		30,9%		

Здѣсь намѣчаются три основныхъ направленія крестьянской массы: съ одной стороны „лѣвое" направленіе, собирающее больше $^1/_5$ голосовъ всѣхъ выборщиковъ, съ другой—крестьянскіе правые, составляющіе почти $^1/_3$ голосовъ крестьянской куріи; между этими направленіями размѣщаются „прогрессисты" и „безпартійные", имѣя тоже $^1/_3$ всѣхъ голосовъ. Чистые „кадеты" среди крестьянъ ничтожное меньшинство—всего 4,1%.

Сравнивая политическую группировку крестьянской куріи съ другими куріями, находимъ, что крестьянская курія менѣе опредѣленна политически сравнительно съ городской, и гораздо „лѣвѣе" куріи землевладѣльческой. Въ городской куріи кадеты и лѣвые составляютъ больше $^2/_3$ всѣхъ оппозиціонныхъ выборщиковъ, остальная $^1/_3$ приходится на долю политически безформенныхъ прогрессистовъ; въ крестьянской куріи прогрессисты составляютъ около половины оппозиціи. Съ другой стороны въ землевладѣльческой куріи правыхъ и умѣренныхъ выборщиковъ — 66,4% всѣхъ выборщиковъ, въ крестьянской куріи ихъ всего—30,9%.

Еще рѣзче выяснится большая политическая неопредѣленность крестьянской куріи сравнительно съ остальными изъ слѣдующей таблицы:

На 100 всѣхъ выборщиковъ:

	Прогрессист.	Безпарт.
Въ крестьянской куріи	57	70
„ землевладѣльч. „	18	23
„ городской „	25	7
	100	100

Эта политическая незрѣлость значительной части крестьянства и антагонизмъ праваго и лѣваго теченія крестьянской массы нашли свое выраженіе и въ распредѣленіи депутатовъ крестьянъ по отдѣльнымъ партіямъ. Здѣсь, какъ и при группировкѣ выборщиковъ наблюдается сильное партійное дробленіе.

На 100 депутатовъ-*крестьянъ*.

Соц.	Рад.-дем.	Кадетовъ*) и примкн. къ нимъ.	Правыхъ.	Безпарт.
22,6%	23,7%	15,6%	26,1%	17,6%

Въ противоположность распредѣленію по партіямъ депутовъ другихъ общественныхъ группъ, крестьянское представительство не имѣетъ *одного* партійнаго центра. Крестьяне-депутаты размѣщаются по всѣмъ крупнымъ политическимъ направленіямъ, а свыше 10% ихъ остаются „безпартійными".

Этотъ анализъ роли крестьянъ въ выборахъ во вторую Думу приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію: въ деревнѣ обособились двѣ крайнія группы—крестьянскіе лѣвые и крестьянскіе правые. Первая изъ нихъ, это—очевидно, та прогрессивная часть крестьянства, на которую опирался уже „Всер. Крестьянскій Союзъ" и изъ которой вербовались его мѣстные агенты. Въ лицѣ своихъ наиболѣе сознательныхъ представителей, крестьянскіе „лѣвые" становятся подъ знамя соціалистической и радикальной демократіи, минуя умѣренную оппозицію кадетовъ и близкихъ къ нимъ. Вторая группа—крестьянскіе правые—объединяетъ противоположный полюсъ деревни. Подъ знамя „правыхъ" становятся состоятельные элементы деревни и многіе, изъ тѣхъ, для кого *политическіе* лозунги освободительнаго движенія слишкомъ противорѣчатъ ихъ традиціонному политическому міровоз-

*) Значительную часть этой группы составляютъ „прогрессисты, перекочевавшіе въ теченіе думской сессіи къ трудовикамъ.

зрѣнію. Вся остальная крестьянская масса занимаетъ промежуточное положеніе „среднихъ“, которые уже стали на сторону необходимыхъ перемѣнъ въ соціальной и политической области, но которые въ то же время и въ программныхъ вопросахъ и въ вопросахъ тактики склонны на всяческіе компромиссы.

Таково политическое значеніе крестьянскихъ выборовъ во вторую Думу.

* * *

Подведемъ итоги.

Крестьянство вступало въ революцію мало подготовленнымъ политически, скрывая въ то же время въ себѣ огромную силу революціоннаго протеста противъ соціально-экономическихъ условій стараго порядка съ его давившими на крестьянство феодально-крѣпостническими пережитками въ сельскомъ хозяйствѣ, осложненными быстрымъ ростомъ капитализма въ сферѣ обрабатывающей промышленности. Правда и политическія язвы стараго режима въ лицѣ мѣстныхъ административныхъ органовъ (земскихъ начальниковъ, полиціи и т. д.) были хорошо знакомы деревнѣ и не могли не служить источникомъ ея политическаго недовольства. Но это недовольство въ дореволюціонное время не выходило изъ мѣстныхъ рамокъ и, благодаря общей подавленности, не могло вылиться въ формѣ широкаго политическаго движенія. Поэтому въ первые мѣсяцы революціи, крестьянство реагируетъ на событія прежде всего сильнымъ соціально-экономическимъ движеніемъ, имѣющимъ своей цѣлью перемѣны въ отношеніяхъ земельной собственности въ деревнѣ и улучшеніе условій аренды и сельско-хозяйственнаго найма.

Эта форма движенія не исчезаетъ въ слѣдующіе этапы революціи, но, наоборотъ, вплоть до второй половины 1906 года, является наиболѣе устойчивой формой крестьянскаго протеста. Соціально-экономическое движеніе деревни принимаетъ особенно крупные размѣры въ „дни свободы“, выразившись въ массовомъ разгромѣ помѣщичьихъ усадебъ, и еще разъ во время первой сессіи Гос. Думы, но уже въ формѣ преимущественно сельско-хозяйственныхъ забастовокъ. Лишь послѣ роспуска первой Думы эта форма крестьянскаго движенія исчезаетъ, встрѣчаясь осенью прошлаго года въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ волненій, затихнувшихъ съ наступленіемъ зимы.

Сила соціально-экономическаго протеста крестьянства способствовала процессу его политическаго роста. Исходя изъ различныхъ, часто противоположныхъ побужденій, другія общественныя группы придвигаются къ крестьянству, ища въ немъ опоры для достиженія своихъ цѣлей. Политическая агитація конституціоналистовъ способствуетъ объединенію наиболѣе прогрессивной части крестьянства, попытки реакціонной пропаганды даютъ толчокъ къ созданію, подъ вліяніемъ городской демократической интеллигенціи, его самостоятельной организаціи, „Всеросс. Крест. Союза“.

Новая организація въ дальнѣйшемъ этапѣ движенія идетъ рядомъ съ революціонно-соціалистическими партіями, но не теряетъ связи съ крестьянствомъ, отбрасывая тѣ политическіе лозунги, которые не могутъ завоевать себѣ широкаго сочувствія въ деревнѣ. Увлеченный октябрьской побѣдой городского пролетаріата и силой стихійнаго крестьянскаго движенія, „Вс. Кр. Союзъ“ ведетъ въ дни свободы широкую агитацію за Учредительное Собраніе, полномочно рѣшающее земельный вопросъ. Вмѣстѣ съ декабрьскимъ пораженіемъ городского пролетаріата замираетъ и дѣятельность „Кр. Союза“. Крестьянство остается предоставленнымъ само себѣ въ теченіе избирательной кампаніи въ первую Гос. Думу.

Несмотря на разгулъ административнаго произвола, крестьянство проводитъ на выборахъ *своихъ* депутатовъ и въ Гос. Думѣ создается, по иниціативѣ „Вс. Кр. Союза“, особая трудовая группа, не совпадающая въ своей программѣ и тактикѣ ни съ партіями революціи, ни съ либеральной оппозиціей. Центральнымъ пунктомъ дѣятельности трудовой группы становится опять-таки рѣшеніе земельнаго вопроса, при непремѣнномъ условіи участія крестьянства въ этой законодательной работѣ. Насколько близко стояла трудовая группа къ крестьянству, насколько вѣрно намѣчала она способъ повышенія политическаго уровня деревни привлеченіемъ послѣдней къ непосредственному участію въ рѣшеніи земельнаго вопроса, показываетъ не только массовое сочувствіе деревни

къ дѣятельности трудовой группы, но и отмѣченный нами выше фактъ присоединенія подписей 21 „безп. правыхъ" (ерогинцевъ) крестьянъ къ внесенному отъ имени трудовой группы проекту земельной реформы.

Задача организаціи крестьянства вокругъ Думы не была выполнена трудовой группой. Деревня не реагировала на роспускъ Думы массовымъ движеніемъ. Лишь столкновенія крестьянъ съ войсками и полиціей, между прочимъ на почвѣ защиты крестьянскихъ депутатовъ, участившіяся въ этотъ періодъ, говорили о напряженномъ настроеніи деревни. Вмѣстѣ съ тѣмъ роспускъ Думы вызвалъ въ крестьянствѣ сильную работу политической мысли, выразившуюся въ многочисленныхъ тайныхъ деревенскихъ митингахъ и попыткахъ организаціи деревни путемъ съѣздовъ.

Это политическое броженіе деревни нашло себѣ выходъ въ выборахъ во вторую Думу. Крестьянскіе выборщики въ большинствѣ оказались на сторонѣ оппозиціи старой власти. Благодаря поддержкѣ крестьянъ на вторыхъ выборахъ прошли вообще оппозиціонные депутаты, а во многихъ мѣстахъ значительное большинство депутатскихъ полномочій пришлось на долю соціалистической и радикальной крестьянской демократіи.

Не слѣдуетъ переоцѣнивать фактъ выбора деревней соціалистическихъ депутатовъ. Не за ихъ соціализмъ, а прежде всего за радикальную постановку рѣшенія земельнаго вопроса и демократическія реформы, отдавала деревня свои голоса соціалистамъ.

Результаты выборовъ во вторую Думу свидѣтельствуютъ лишній разъ о томъ, что крестьянская революція не закончилась, что еще не наступилъ мертвый застой тамъ, гдѣ не такъ давно царило всеобщее возбужденіе. Крестьянство выросло политически за два года борьбы и, если даже въ ближайшемъ будущемъ его политическая активность не достигнетъ необходимой для коренного демократическаго переворота высоты, ростъ деревенской демократіи не остановится. Обновленная политически деревня не примирится на долгое время съ подновленнымъ абсолютизмомъ, и новая революція найдетъ себѣ въ ней прочную базу.

П. Маревъ.

Роль крестьянства въ революціи.

„Главнымъ образомъ отъ крестьянъ зависитъ, какой оборотъ приметъ русская революція". Каутскій.

Въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ десятилѣтій послѣ эпохи „великихъ реформъ" и въ литературѣ и въ политической жизни царило „народничество". Во всѣ періоды своего развитія, несмотря на глубокія внутреннія разногласія, это политическое направленіе въ лицѣ землевольцевъ, народовольцевъ и чернопередѣльцевъ неизмѣнно сохраняло вѣру въ близкое пробужденіе народа, подъ которымъ разумѣлось, или исключительно, или преимущественно, крестьянство. Носители этой вѣры, воспринявъ съ Запада соціалистическіе идеалы, надѣляли и русское крестьянство прирожденными соціалистическими стремленіями. Общинные навыки, артельный духъ, при пробужденіи массы отъ историческаго сна, приведутъ къ соціалистической революціи. Даже народовольцы, которые разочаровались въ возможности при господствѣ самодержавія возбудить крестьянскую революцію, и потому сосредоточились на террористической борьбѣ, разсчитывали, что учредительное собраніе, на $^9/_{10}$ долженствующее состоять изъ крестьянъ, приступитъ къ соціалистическому преобразованію общества.

Послѣ крушенія „народной воли" зародилось направленіе, признавшее неизбѣжность капиталистической стадіи развитія и, поэтому, разсматривавшее грядущую революцію,

какъ революцію буржуазную. Считая, что главнымъ революціоннымъ дѣятелемъ ея явится городской пролетаріатъ, оно все же, говоря словами его родоначальника Г. В. Плеханова, „не держалось того взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма“. „Мы думаемъ, продолжалъ Плехановъ, что въ общемъ русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую національзацію земли. При возможности сколько нибудь свободной агитаціи въ его средѣ оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣръ въ свою программу“. („Соціализмъ и политическая борьба“). Это было написано въ 1884 году. Но шли годы. Пролетаріатъ пробуждался. Прокатилась волна стачекъ 1887 года. Крестьянство оставалось покорнымъ. Даже голодъ 1891 г. не вывелъ его изъ инертнаго состоянія. И лозунгъ: „полная экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ и обращеніе земли въ національную собственность“, лозунгъ, выставленный тѣмъ же Плехановымъ, смѣнился къ 1903 году знаменитыми „отрѣзками“, авторъ которыхъ Ленинъ настолько извѣрился въ мужика и его революціонность, что своимъ завтрашнимъ союзникомъ считалъ... предводителей дворянства.

Хотя это анти-крестьянское настроеніе и встрѣтило отпоръ—прежде всего со стороны Н. Рязанова, и хотя Плехановъ, соглашаясь съ отрѣзками, считалъ нужнымъ оговориться, что въ случаѣ возникновенія крестьянскаго движенія аграрную программу придется пересмотрѣть, но фактъ остается фактомъ: партійный съѣздъ остановился на отрѣзочной программѣ.

Это фактъ высокой симптоматической цѣнности. Онъ показалъ, какъ глубоко пошелъ процессъ раскрестьяниванія головъ революціонной интеллигенціи, до какой степени утратилось пониманіе характерныхъ чертъ русской общественности, которой предстоялъ революціонный кризисъ

прежде всего въ цѣляхъ освобожденія крестьянской массы отъ невыносимаго экономическаго и политическаго гнета. Экономическая кабала и политическое рабство деревни—основныя пружины русской революціи. Правда, деревня не иниціаторъ революціи, но если бы крестьянство не вовлеклось въ движеніе, то революціи уже давно бы не было. Въ короткій срокъ революціонная вспышка пролетаріата и городской мелкой буржуазіи (главнымъ образомъ наемной интеллигенціи и лицъ свободныхъ профессій) была бы частью подавлена, частью разрѣшена уступками со стороны вступившихъ въ соглашеніе силъ стараго порядка и владѣльческаго буржуазнаго либерализма. Точно также не менѣе очевидно, что революція кончится тогда и на томъ, когда и на чемъ успокоится крестьянство. Доказательствомъ этихъ положеній и явится дальнѣйшій краткій очеркъ фактическаго вліянія крестьянства на ходъ русской революціи до момента выясненія политической позиціи второй Государственной Думы (вотированіе рекрутскаго контингента).

Уже въ предреволюціонные 1901—1904 годы крестьянскій вопросъ выплылъ на поверхность общественной жизни. Правительство подъ давленіемъ все понижающейся „платежеспособности“ крестьянства, подъ вліяніемъ неумолчнаго голоса земства объ оскудѣніи деревни образовало въ началѣ 1902 года „Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, которое рѣшилось передать вопросъ на мѣста, въ уѣздные комитеты, допустивъ необычную степень гласности работъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и уѣздныхъ комитетовъ. Правительство не ошиблось, сочтя положеніе тревожнымъ. Не успѣли образоваться уѣздные комитеты, какъ разразились крестьянскія волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, перекинувшіяся вскорѣ и въ другія мѣстности, волненія, которыя въ глазахъ многихъ и многихъ явились предвѣстниками грядущей крестьянской революціи. И дѣйствительно уже въ этомъ первомъ массовомъ движеніи констатировались всѣ тѣ элементы, съ которыми мы встрѣтимся въ крестьянской революціи 1905—1906

годовъ. Пользуясь на рѣдкость обстоятельнымъ „правительственнымъ сообщеніемъ“, можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать это движеніе.

Общей почвой его былъ гнетъ крупныхъ экономій, осложненный, вслѣдствіе неурожая, острымъ недостаткомъ продовольствія. Но непосредственнымъ толчкомъ послужила „преступная пропаганда“, знакомившая крестьянъ съ фактами начавшагося городского рабочаго движенія, и пробуждавшая у трудового крестьянина никогда не умиравшую въ немъ идею, что землей должны пользоваться лишь трудящіеся на ней. Поэтому цѣлью движенія былъ не только захватъ продовольственныхъ средствъ, но и разрушеніе вражеской крѣпости—помѣщичьяго хозяйства.

Возставшіе крестьяне ободряли другъ друга словами: „скоро все наше будетъ, мы должны сдѣлать какъ въ книжкѣ написано“. Дѣло шло о прокламаціяхъ и брошюрахъ аграрной лиги партіи с.-р., съ ихъ лозунгомъ—возстаніе крестьянства противъ помѣщиковъ за завоеваніе земли трудящимися.

Внѣшняя форма движенія также предвосхитила крестьянскіе „разгромы“ и „разборки“ владѣльческихъ гнѣздъ въ годы революціи. „Крестьяне, открыто цѣлыми обозами, иногда до трехсотъ—четырехсотъ подводъ, нападали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отбивали замки у амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ, и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственныя орудія, а иногда угоняли скотъ“. Это—прототипъ „разборки“. Но не обошлось и безъ разгрома: «толпа разгромила усадьбу помѣщицы Гаевской и подожгла ея строенія. Въ Осиновѣ крестьяне разобрали по бревнамъ домъ и увезли его съ собою».

Завладѣвая имуществомъ или разрушая его, крестьяне не творили насилій надъ личностью помѣщиковъ и ихъ агентовъ, что нарочито отмѣчаетъ тотъ же оффиціальный документъ.

Способы борьбы съ движеніемъ опять-таки какъ бы репетировали будущее. Были примѣнены разстрѣлы, поголовное „тѣлесное наказаніе“, массовые аресты. Къ отвѣту были призваны сельскія общества цѣликомъ, на нихъ была возложена контрибуція, потери помѣщиковъ были возмѣщены за счетъ государства.

Общимъ всероссійскимъ результатомъ мѣстныхъ волненій 1902 г. явились два рода мѣръ: съ одной стороны съ величайшей поспѣшностью и съ громадными финансовыми затратами былъ введенъ институтъ сельскихъ стражниковъ, а съ другой—было приступлено къ обсужденію вопросовъ объ облегченіи положенія крестьянъ. Были ускорены и расширены начатыя ранѣе законодательныя работы, и 12 марта 1903 г. была уничтожена одна изъ важнѣйшихъ пережитковъ крѣпостного строя: круговая порука.

Но и тѣ и другія мѣры не могли предотвратить мужицкого возстанія. Требовалась скорая и глубокая реформа въ области аграрныхъ отношеній, въ сферѣ административно-юридической, но эта задача не по силамъ бюрократическому и дворянскому правительству, мнящему себя всесильнымъ, и потому рѣшительно не склоннымъ къ уступкамъ. Только революція, возбуждая активность, проясняя сознаніе и организуя массы населенія, создавая новыя учрежденія, преобразуя власть, могла, и должна была, привести къ серьезнымъ экономическимъ и политическимъ реформамъ. И революція началась.

Безславная и безцѣльная война, открытая борьба въ городахъ, непосредственное вліяніе выгнанныхъ изъ города безработицей или полиціей рабочихъ-революціонеровъ заставили деревню взволноваться до самаго дна. Не прошло и мѣсяца послѣ 9 января, какъ цѣлый районъ, образуемый смежными уѣздами трехъ губерній—Курской, Орловской и Черниговской сталъ ареной крупныхъ крестьянскихъ „безпорядковъ“. Не успѣли газеты оповѣстить о нихъ, какъ телеграфъ принесъ аналогичныя извѣстія изъ Поволжья, изъ Малороссіи, Сѣверо-Западнаго Прибалтійскаго Края, и, наконецъ, изъ Гуріи.

За исключеніемъ отдѣльныхъ и немногихъ случаевъ это движеніе не носило сознательнаго политическаго харак-

тера [1]) будучи непосредственно направлено противъ враждебнаго помѣщичьяго класса. Тѣмъ не менѣе оно оказало громадное вліяніе на политическое положеніе.

На историческую арену выступила новая могучая сила, и тотчасъ была учтена на политической биржѣ.

Прежде всего откликнулись представители либеральнаго землевладѣнія и высшей интеллигенціи, такъ называемый союзъ—земцевъ конституціоналистовъ (будущіе „правые“ кадеты, а тогда „лѣвые“ на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей).

На февральскомъ совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ о землѣ и собраніе землевладѣльцевъ высказалось за принудительное отчужденіе ихъ земель. Оно признало и экономической и политической необходимостью дополнительную прирѣзку крестьянамъ земель за счетъ казенныхъ, части удѣльныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель: „Если мы не прирѣжемъ крестьянамъ землю, они прирѣжутъ наши головы“, такъ ставила вопросъ начавшаяся крестьянская война для землевладѣльцевъ, сознавшихъ неизбѣжность крестьянскаго возстанія и плохо вѣрившихъ въ силу сопротивленія разлагающагося стараго режима [2]). Мало этого. Необходимость широкой аграрной реформы послужила

1) Относительно Гуріи оффиціальное сообщеніе признаетъ, что движеніе было „явно противоправительственнымъ возмущеніемъ“.

2) Вотъ что писала одна изъ привиллегированнѣйшихъ группъ землевладѣльцевъ, сахарозаводчики, въ своей февральской 1905 г. запискѣ „Томительное отчаяніе при видѣ безысходной горькой нужды, давно назрѣвающая глухая вражда къ слишкомъ тѣсно связаннымъ съ крестьянами экономической, а порой и административной властью сосѣдямъ-помѣщикамъ, ждутъ лишь толчка, чтобы прорваться. И страшенъ будетъ часъ, когда эта масса накоплявшагося годами раздраженія вырвется наружу. Какая вооруженная сила въ состояніи оберечь раскиданные по лицу всей нашей безпредѣльной равнины заводы и усадьбы? Войска, если они примутъ участіе въ подавленіи безпорядковъ, въ *чемъ позволительно сомнѣваться*, внесутъ лишь новое озлобленіе“. Нельзя не отмѣтить, что М. Я. Герценштейнъ, руководящая роль котораго при выработкѣ аграрной программы кадетской партіи внѣ сомнѣнія, цитируя эту записку, заявилъ, что „не видитъ въ ней ни малѣйшаго преувеличенія“. (См. „Аграрный вопросъ“ сборникъ, изд. П. Д. Долгоруковымъ и И. И Петрункевичемъ, т. I, стр. 86).

положительнымъ аргументомъ за широкое политическое преобразованіе. Старая государственная власть, очевидно, не въ силахъ была произвести требуемое радикальное измѣненіе сельскихъ соціальныхъ отношеній, и либеральные землевладѣльцы обусловили аграрную реформу „кореннымъ преобразованіемъ политическаго строя на началахъ *всеобщаго избирательнаго права*“.

Итакъ, аграрный вопросъ, выдвинутый крестьянскими волненіями, заставилъ владѣльческій либерализмъ высказаться за основное политическое требованіе демократіи.

Таковъ политическій эффектъ крестьянскаго движенія на владѣльческій либерализмъ.

На остальные общественные элементы вліяніе выступленія крестьянства было еще болѣе значительнымъ.

Городской промышленный пролетаріатъ, благодаря связи съ землей большей своей части, уже въ первой массовой деклараціи своихъ соціально-политическихъ стремленій—въ петиціи 9 янв., говорилъ „объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, дешевомъ кредитѣ и постепенной передачѣ земли народу“. Теперь, когда крестьянинъ, подъ вліяніемъ того же рабочаго движенія, поднялся съ цѣлью сбросить тяготившій надъ нимъ вѣковой гнетъ, пролетаріатъ радостно привѣтствовалъ брата-крестьянина, не только потому что видѣлъ въ немъ своего вѣрнаго и главнаго союзника въ борьбѣ съ враждебнымъ политическимъ режимомъ, но и потому что непосредственно сочувствовалъ улучшенію экономическаго положенія крестьянской массы: все та же связь съ землей диктовала русскому пролетаріату такое отношеніе къ деревнѣ и ея борьбѣ.

Такое настроеніе пролетарской массы не могло не отразиться и на партіи, стремящейся выражать волю пролетаріата, руководить имъ,—соціалъ-демократіи. Съ самыхъ первыхъ извѣстій о крестьянскомъ движеніи внутри партійныхъ организацій, и часто по иниціативѣ рабочихъ, горячо обсуждались вопросы о „работѣ“ въ деревнѣ и о пересмотрѣ „отрѣзочной“ программы. На всю россійскую соціалъ-демократію громадное вліяніе оказалъ опытъ кавказской соціалъ-демократической организаціи, пріобщившей крестьянскую

массу къ революціонной борьбѣ пролетаріата, а также ходъ событій въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ движеніе городовъ и селъ слилось до поры до времени во-едино: городской рабочій, сельскій батракъ и крестьянинъ-собственникъ объединились въ борьбѣ съ общими врагами.

Гурія служила какъ бы образцомъ для всей Россіи. На самомъ дѣлѣ, несмотря на различіе *формъ*, *содержаніе* сельскихъ отношеній въ Гуріи то же, что и въ большей части Россіи. Собравшійся весной съѣздъ т. н. большевистской фракціи соціалъ-демократической партіи посвятилъ много вниманія Гурійскому движенію. Онъ констатировалъ, что „громадная масса крестьянства по своему экономическому положенію ниже средняго, т.-е. это или полупролетаріи или приближающіеся къ нимъ“, что „большинство крестьянскихъ семей не освобождено отъ необходимости посылать своихъ членовъ—и мужского и женскаго пола—на заработки въ городъ или отдавать по найму крупнымъ землевладѣльцамъ“, что оно вынуждено постоянно пользоваться „чужой“ землей, платя за пастбища и лѣса.

Такая характеристика положенія гурійской деревни цѣликомъ примѣнима къ общероссійскому крестьянству, и понятно, почему съѣздъ съ такимъ вниманіемъ отнесся къ Гурійской революціи. А она рисовала грандіозныя перспективы: крестьяне—всей массой,—которой не рѣшались противодѣйствовать даже опредѣленно буржуазные элементы деревни—объявили войну и помѣщику, и властямъ. Они прекратили или уменьшили платежи за аренду, отказывались отъ отработокъ,—перестали платить подати, не признавали правительственныхъ должностныхъ лицъ, бойкотировали ихъ, создавали свои учрежденія, вооружались для предстоящей рѣшительной борьбы. И все это мощное движеніе развивалось въ тѣсномъ единеніи съ городскимъ пролетаріатомъ и его партіей, которая претендовала на руководство движеніемъ!

И вотъ весенній (1905 г.) съѣздъ при участіи авторовъ пресловутыхъ „отрѣзковъ“ постановляетъ: „Россійская соціалъ-демократическая партія самымъ энергичнымъ образомъ поддерживаетъ современное крестьянское движеніе,

отстаивая всѣ революціонныя мѣры, способныя улучшить положеніе крестьянства, не останавливаясь въ этихъ цѣляхъ передъ экспропріаціей помѣщичьихъ земель“. И хотя съѣздъ подчеркнулъ „необходимость разъяснять враждебную противоположность интересовъ сельскаго пролетаріата и крестьянской буржуазіи“, но подъ послѣдней уже очевидно не разумѣлъ главной массы крестьянства: трудовыхъ хозяевъ и полухозяевъ-полурабочихъ; а они не только не потеряли желаніе быть хозяевами, но и стремятся улучшить свое положеніе, какъ хозяевъ. Такимъ образомъ соціалъ-демократія по отношенію къ крестьянству заняла позицію демократической партіи. Съѣздъ высказался за необходимость образованія революціонныхъ крестьянскихъ комитетовъ, которые должны были руководить крестьянствомъ въ захватѣ земли, въ смѣщеніи властей, въ непосредственной борьбѣ съ вооруженными силами стараго порядка.

Параллельно засѣдавшая конференція другой половины партіи также высказалась за необходимость поддержки насильственнаго захвата крестьянами земель.

Такимъ образомъ создавалась связь между двумя великими угнетенными классами, наиболѣе заинтересованными въ происходящей революціи и въ ея возможно болѣе полномъ развитіи, обѣщавшемъ имъ широкія завоеванія, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Благодаря этой же причинѣ замѣтно оживилась дѣятельность партіи соціалистовъ-революціонеровъ—этихъ идеологовъ трудового крестьянства. До тѣхъ поръ—помимо террористическихъ актовъ, она выражалась въ кружковой пропагандѣ среди немногочисленныхъ слоевъ пролетаріата и, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ ей удалось добиться широкаго вліянія на обширные районы (напримѣръ, Саратовск. губ.),—въ почти такой же „кустарной“ работѣ въ отдѣльныхъ селеніяхъ среди деревенской молодежи.

Когда деревня стала соединяться съ городскимъ движеніемъ, то партія, ставившая во главу своей дѣятельности объединеніе „трудового народа“, не могла не завоевать большого общественнаго вниманія.

Это обстоятельство сейчасъ же отразилось на взаимоотношеніи обѣихъ революціонныхъ партій. Непрерывная и безгранично-рѣзкая полемика, вызываемая глубокими теоретическими разногласіями и практической конкуренціей, была въ значительной степени смягчена, а конкуренція,—не прекратившись, конечно,—все же была ослаблена установленіемъ совмѣстныхъ выступленій. Ареной ихъ стала прежде всего интеллигентная среда, которая въ то время (раньше формальнаго измѣненія аграрной позиціи с.-д—іи) подъ тройнымъ вліяніемъ борьбы пролетаріата, крестьянскаго движенія и владѣльческой оппозиціи, съ большой энергіей объединялась въ профессіонально-политическіе союзы. И характерно, что именно интеллигентскіе съѣзды сумѣли найти своеобразный синтезъ ближайшихъ программъ обѣихъ враждующихъ революціонныхъ партій.

Собравшійся въ Москвѣ 21 марта Пироговскій съѣздъ врачей, ближе всего соприкасающихся съ народной массой, принялъ слѣдующую резолюцію:

„Пироговскій съѣздъ заявляетъ о необходимости врачамъ сорганизоваться для энергичной борьбы *рука объ руку съ трудящимися массами* противъ бюрократическаго строя для полнаго его устраненія и за созывъ учредительнаго собранія". Перечисливъ далѣе полный комплектъ политическихъ демократическихъ требованій, съѣздъ высказался одновременно „за обезпеченіе землей трудящихся за счетъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частно-владѣльческихъ земель" и за циклъ рѣшительныхъ реформъ въ пользу наемныхъ рабочихъ, доходя до „8-час. рабочаго дня" и даже „до минимальной заработной платы и государственнаго страхованія отъ безработицы".

Такія же или почти такія же платформы вынесли и другія группы интеллигенціи. Лишь въ резолюціяхъ меньшинства съѣздовъ, на которыхъ с.-демократы заняли странную доктринерскую позицію, борясь противъ выставленія безпартійными союзами политическихъ и особенно соціальныхъ требованій, формально отсутствовали эти требованія. Но пренія на съѣздахъ не оставляли сомнѣнія въ направленіи симпатіи интеллигенціи, которой суждено было

играть выдающуюся роль въ предстоящей революціонной схваткѣ.

Коренной причиной такой политической позиціи интеллигенціи является, какъ мы видѣли, крестьянское движеніе и его перспективы, какъ онѣ рисовались политическимъ партійнымъ организаціямъ.

Дальнѣйшее развитіе крестьянской войны все болѣе и болѣе давало пищу этимъ перспективамъ.

Въ экономической борьбѣ помимо разгромовъ стали наблюдаться организованныя массовыя стачки. Кромѣ того изъ деревень стали поступать въ совѣтъ министровъ петиціи, нерѣдко представлявшія изъ себя подлинное выраженіе крестьянской мысли, которая уже заработала надъ вопросами политической жизни. Крестьяне деревень, отстоящихъ другъ отъ друга на тысячи верстъ, и не сговариваясь между собою, составили свою коллективную петицію 9 января*). Но такъ какъ и они получили въ отвѣтъ на свою петицію то же, что и рабочіе столицы—пули, штыки и нагайки,—то представлялся неизбѣжнымъ переходъ крестьянства, вслѣдъ за пролетаріатомъ, на путь сознательной политической революціонной борьбы. Казалось, что, встрѣчая со стороны власти насильственный отпоръ самымъ глубокимъ своимъ чаяніямъ и самымъ неотложнымъ нуждамъ, крестьяне поднимутся на возстаніе.

---

*) „Истощеніе силъ нашихъ приходитъ къ концу. Мы обременены непосильными налогами, мы раздробились и обезземелѣли. Помоги, государь! Внемли нашему голосу, нашему воплю изстрадавшейся души, истощеннаго тѣла. Ускорь свою помощь, избавь насъ отъ современнаго безправія, нашей духовной придавленности, избавь отъ голода и несчастнаго хозяйства, которое стало хуже каторги. Распорядись, государь, немедленно призвать нашихъ представителей, которые будутъ нами честно выбраны всеобщей, равной, тайной подачей голосовъ (ничего, что среди насъ будутъ другой вѣры и націи), чтобы эти выборные оказались людьми, къ которымъ лежитъ наше сердце и довѣріе". Заканчивается это обращеніе словами: „Ты самъ, государь, знаешь, развѣ найдется отецъ, который бы далъ сыну камень вмѣсто хлѣба, и змѣю вмѣсто рыбы, а ты - царь-батюшка". Таковъ приговоръ славяносербскаго общества, Херсонской губерніи. Во всей его конструкціи видно подражаніе петиціи 9 янв., но это внѣшнее заимствованіе не должно приводить къ заключенію о внушенности самого содержанія петиціи, типичной для аналогичныхъ приговоровъ сельскихъ сходовъ.

А такъ какъ армія по составу крестьянская, то ясна ея ненадежность въ борьбѣ съ деревней, возставшей за низверженіе этой власти.

Исторія пока обманула эти логическія построенія, не учитывающія всей сложности общественнаго механизма, медленности преобразованія массовой психологіи классовъ, но тѣмъ не менѣе они сыграли громадную роль въ ходѣ революціи, такъ какъ были общими почти всѣмъ общественнымъ слоямъ.

Тѣ, кто стремились къ развитію революціи, опирались на эти построенія при выработкѣ широкихъ программныхъ требованій и смѣлыхъ тактическихъ лозунговъ борьбы. Тѣ же, которые боялись этихъ перспективъ, или готовились взять въ свои руки движеніе, смягчивъ его современными уступками (либералы съ „принудительнымъ отчужденіемъ"), или же—спѣшили свирѣпыми репрессіями повергнуть въ ужасъ бунтующія села.

Да и какъ было не спѣшить! Собравшаяся въ маѣ 1905 г. въ Москвѣ инициативная группа прогрессивныхъ крестьянъ и близкой имъ интеллигенціи рѣшила взять на себя починъ всероссійскаго объединенія крестьянства. Выставивъ очень умѣренную платформу, совѣщаніе все же недвусмысленно подчеркнуло, что оно будетъ бороться противъ бюрократической власти за свободу и народное представительство, противъ сословнаго строя и за земельное обезпеченіе крестьянства.

Во многихъ мѣстахъ стали образовываться мѣстныя ячейки союза, при чемъ иногда основными кадрами для нихъ являлись элементы, уже подвергшіеся вліянію революціонныхъ партій с.-р. и частью с.-д.

Благодаря массовымъ волненіямъ, приступу къ организаціи, крестьянство, уже къ концу первой половины 1905 г. заняло такое мѣсто въ общественномъ сознаніи, что владѣльческій либерализмъ, потерпѣвшій фіаско въ своей юньской попыткѣ убѣдить старый порядокъ въ необходимости немедленнаго созыва народныхъ представителей, рѣшилъ на юльскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей „пойти въ народъ".

И, какъ показано въ статьѣ П. Марева, это хожденіе въ народъ имѣло мѣсто въ самыхъ различныхъ формахъ, вплоть до посылки за земскій счетъ делегатовъ на крестьянскій съѣздъ.

Либерализмъ пытался овладѣть движеніемъ, но и въ этой попыткѣ вынужденъ былъ связать себя серьезными обѣщаніями, которыя укрѣпляли надежду на скорыя преобразованія въ умахъ даже мирныхъ группъ деревни, и тѣмъ самымъ усиливали движеніе.

Но овладѣть крестьянствомъ либераламъ не удалось. Они опоздали. 31 іюля собрался учредительный съѣздъ всероссійскаго крастьянскаго союза и оформилъ въ опредѣленныхъ лозунгахъ стремленія крестьянства: земля должна считаться общей собственностью всего народа, законъ объ этомъ должно издать учредительное собраніе. Оно же установитъ новый порядокъ, при которомъ „народному представительству должно принадлежать право самостоятельной законодательной дѣятельности, установленія росписи и контроля надъ администраціей"; „администрація и полиція должны назначаться органами самоуправленія, построеннаго на всеобщемъ и прямомъ избраніи при свободномъ участіи всего населенія безъ какихъ бы то ни было цензовыхъ нормъ".

Самый фактъ созыва съѣзда, пренія, на немъ происходившія, и принятыя имъ рѣшенія были оцѣнены другими общественными организаціями, какъ показатель тенденцій крестьянскаго движенія: съѣздъ укрѣпилъ въ нихъ увѣренность въ поддержкѣ деревней города въ той рѣшительной схваткѣ съ старымъ порядкомъ, вопросъ о которой сталъ на очередь дня съ изданіемъ 6 августа 1905 г. положенія о Государственной Думѣ.

Какъ законосовѣщательный характеръ Думы, такъ и избирательная система, лишавшая политическихъ правъ самые активные общественные классы и группы: пролетаріатъ и служащую интеллигенцію,—не могли не вызвать самаго глубокаго негодованія, самаго остраго чувства протеста. Это настроеніе привело къ эрѣ революціонныхъ митинговъ, завершившихся „неслыханной октябрьской смутой", передъ которой „смутился духомъ" вѣковой режимъ и провозгласилъ

политическія свободы, законодательную власть Думы, немедленное расширеніе избирательнаго права на классы населенія, лишенные его положеніемъ 6 августа (правда, „по возможности"), и въ принципѣ устанавливалъ общее избирательное право.

Непосредственно въ этомъ революціонномъ движеніи крестьянство не играло активной роли, но это не значитъ, что то или иное состояніе крестьянства было безразлично для этого движенія. Пробужденіе крестьянства заставило владѣльческій либерализмъ признать демократическія требованія, выдвинутыя пролетаріатомъ 9 января. Настроеніе же буржуазіи, отношеніе ея къ движенію имѣетъ громадное значеніе. Соціальное господство позволяетъ ей оказывать могущественное вліяніе на политическое движеніе ея антипода и зависимыхъ отъ нея слоевъ всякаго рода служащихъ. Судьба движенія часто рѣшается тѣмъ, противодѣйствуютъ ли или содѣйствуютъ ему соціальные гегемоны. Кромѣ того, ни у пролетаріата, ни у интеллигенціи не могло бы явиться необходимой рѣшимости, необходимой вѣры въ успѣхъ, если бы проявленіе активности крестьянства въ теченіе первыхъ ⅔ революціоннаго года не укрѣпило бы увѣренности въ сочувствіи и поддержкѣ деревней борьбы города со старымъ порядкомъ. Особенно справедливо это для интеллигенціи, которой принадлежала руководящаяся роль въ октябрьскомъ выступленіи. Желѣзнодорожный союзъ былъ союзомъ служащей интеллигенціи и рабочихъ, а онъ явился иниціаторомъ и главной осью великой стачки. Кромѣ того присоединеніе къ стачкѣ служащихъ во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ громадной степени усилило эффектъ октябрьской борьбы. Октябрьской стачки или совсѣмъ бы не было, или бы она была не тѣмъ, чѣмъ была, если бы въ ея подготовкѣ и осуществленіи не приняла руководящее участіе интеллигенція. А ея поведеніе опредѣлялось не только настроеніемъ пролетаріата, не только отношеніемъ буржуазіи, но и состояніемъ деревни.

Болѣе непосредственна революціонная роль крестьянства въ слѣдующій за октябремъ періодъ революціи.

Забастовка уже изсякала, когда пронеслась вѣсть объ освободительномъ манифестѣ.

Тотчасъ же за манифестомъ по Россіи прокатилась черная кровавая волна погромовъ, организованныхъ изъ правительственнаго центра одновременно съ признаніемъ новаго политическаго строя. Дать отпоръ погромамъ силъ не нашлось.

Ноябрьская политическая стачка петербургскаго пролетаріата не была поддержана остальными городами и была прекращена въ виду упадка настроенія массы.

Совпавшая съ ней по времени попытка ввести явочнымъ порядкомъ 8-часовой рабочій день разбилась о сопротивленіе капитала и казенныхъ предпріятій, закрывшихъ заводы. Всероссійская почтово-телеграфная забастовка была прекращена изморомъ: правительство ее выдержало, отдѣлавшись обѣщаніемъ незначительныхъ улучшеній матеріальнаго положенія, но категорически отказавъ въ основномъ требованіи стачечниковъ: признанія ихъ союза.

Несмотря на всѣ эти, далеко не ободряющіе факты, настроеніе не понижалось, а росло, революціонныя организаціи выдвигали, какъ ближайшій лозунгъ, активное выступленіе въ цѣляхъ практическаго низверженія всего стараго порядка сверху до низу и снизу до верху.

Что давало имъ необходимую вѣру въ успѣхъ „рѣшительнаго послѣдняго боя?"

Прежде всего, конечно, самая инерція возбужденія, подкрѣпленнаго частичной побѣдой 17 октября, во-вторыхъ — жгучая ненависть, накопленная десятилѣтіями и обостренная звѣрствомъ и гнусностью только что минувшихъ погромовъ. Но обѣихъ этихъ причинъ было бы далеко недостаточно.

Необходимымъ опорнымъ базисомъ явился все тотъ же мужикъ.

Октябрьская стачка послужила толчкомъ для громаднаго крестьянскаго возстанія, охватившаго больше трети уѣздовъ Россіи (161 уѣздъ Россіи изъ 478), и въ большинствѣ случаевъ направленнаго прямо на полное уничтоженіе помѣщичьяго хозяйства, этой соціальной основы абсолютизма. Хотя это возстаніе лишь какъ исключеніе было одновре-

менно сознательно направлено на смѣщеніе властей (Сарат. губ.), но наличность политическаго возбужденія демонстрировалась громаднымъ числомъ сельскихъ митинговъ, примыкавшихъ къ лозунгамъ крайнихъ партій (за исключеніемъ, конечно, отрицанія самого института-монархіи). Вскрылъ содержаніе движенія и свелъ его воедино новый съѣздъ крестьянскаго союза, открыто засѣдавшій въ Москвѣ 6—10 ноября и собравшій до 200 делегатовъ изо всѣхъ районовъ Россіи (кромѣ окраинъ). Онъ развернулъ такую богатую картину жизни пробуждающейся, а мѣстами уже и возстающей деревни, съ такимъ энтузіазмомъ провозгласилъ лозунгъ союза: *„всему русскому народу власть, земля и свобода“*, что становится понятнымъ тотъ эффектъ, который онъ произвелъ на пролетаріатъ и демократическую интеллигенцію. Правда, съѣздъ отвергъ вооруженное возстаніе, какъ ближайшую директиву, постановивъ организовываться для мирной борьбы съ помѣщиками и властями, лишь „держа дубину на готовѣ“, при чемъ онъ надѣялся, что ее не придется опустить: „противъ рѣшимости всего народа не признавать ни помѣщичьей собственности, ни властей,—кромѣ выборныхъ самимъ народомъ,—репрессивныхъ средствъ нѣтъ“.

Но это рѣшеніе съѣзда было истолковано, какъ внушенное интеллигентами, руководителями съѣзда *). Кромѣ того обиліе рѣзкихъ революціонныхъ рѣчей на съѣздѣ (главнымъ образомъ со стороны делегатовъ, с.-р-овъ), а особенно же конечно, самые факты движенія деревни, легко скрыли отъ партій, стремящихся къ „послѣднему бою“, иное настроеніе большинства крестьянскаго съѣзда, которое во всякомъ случаѣ было выше настроенія массы крестьянства.

Огромную роль въ созданіи вѣры въ возможность „послѣднимъ пинкомъ раздавить гадину“ (выраженіе „Начала“) играло настроеніе и поведеніе войскъ.

Во многихъ городахъ Россіи,—не говоря уже о Севастопольской морской демонстраціи, превращенной адмираломъ Чухнинымъ и ген. Меллеръ-Закомельскимъ, въ бойню, названную возстаніемъ,—войсковые гарнизоны выражали явное сочувствіе народу, участвуя на митингахъ и уличныхъ шествіяхъ.

Это же настроеніе войскъ, помимо недовольства позоромъ и злоупотребленіями войны, помимо естественной психологической заразы отъ возбужденія городского населенія, вызывалось тѣмъ, что крестьянство своимъ движеніемъ заставило и городскую революцію выкинуть знамя „земли и воли“ *),—знамя, которому не могъ не сочувствовать, по крайней мѣрѣ въ ея первомъ лозунгѣ, и мужикъ, одѣтый въ солдатскій мундиръ.

Все это говоритъ намъ за то, что крестьянство играло существенно—важную роль въ тяжкомъ послѣ-октябрьскомъ политическомъ кризисѣ. Роль эта очень сложна. Съ его движеніемъ связывались надежды на подъемъ революціи, на скорую и полную побѣду ея. Эти надежды очень и очень способствовали тому, что городская революція поддалась на провокацію правительства, стремившагося, пока не поздно, перевести борьбу на почву непосредственнаго физическаго

---

*) Пишущій эти строки также приписывалъ бюро съѣзда умѣряющее вліяніе, но относилъ его не къ вопросу о вооруженномъ возстаніи, подчеркнувъ, наоборотъ, соотвѣтствіе обрисованной позиціи настроенію подавляющаго большинства съѣзда, а къ вопросу о неплатежѣ податей и непоставкѣ рекрутъ, въ которомъ дѣйствительно можно отмѣтить сближеніе бюро съ болѣе умѣреннымъ меньшинствомъ съѣзда. Бюро внесло условную резолюцію: не платить податей и отказаться отъ поставки рекрутъ, лишь въ случаѣ преслѣдованія союза.

Пользуюсь случаемъ, чтобы заявить, что рѣзкость моей критики бюро съѣзда, сдѣланной тотчасъ послѣ съѣзда въ „Моск. Газетѣ“ (№ 5), повторенной въ статьѣ о крестьянскомъ союзѣ въ „Правдѣ“ (ноябрь, 1905 г.) и перепечатанной въ отдѣльной брошюрѣ „Матеріалы къ крестьянскому вопросу“, изд. „Нов. Міръ“ ц. 35 к., была вызвана условіями момента съ его актуальными цѣлями. Было бы больше, чѣмъ неправильно, если бы эта критика была понята, какъ отрицаніе за руководителями съѣзда самой искренней и полной демократичности и готовности бороться въ рядахъ крестьянства. Иначе понимая характеры момента, я не могъ сочувствовать отсутствію опредѣленной революціонной позиціи, и даже назвалъ резолюцію съѣзда антиреволюціонной, ни минуты, впрочемъ, не придавая этому слову значенія „контр.-революціонный“.

*) „Новая Жизнь“ писала въ ноябрѣ 1905 г.: „Всѣ сознательные рабочіе хотятъ того и добиваются того, чтобы крестьяне получили всю землю и всю волю“.

столкновенія. Но деревня не приняла участія въ городскомъ возстаніи, такъ какъ не была въ состояніи оказать противодѣйствіе даже своимъ карательнымъ генералъ-адъютантамъ, заливавшимъ кровью села и деревни, предававшимъ ихъ огню и мечу.

Войска, за нѣкоторыми исключеніями, исправно выполняли возложенную на нихъ миссію и въ городѣ и въ деревнѣ: броженіе, очевидно, было еще очень поверхностнымъ, и реакція это лучше оцѣнила, чѣмъ революція. Послѣдняя потерпѣла поэтому жестокое пораженіе. И теперь ясно, что одной изъ важнѣйшихъ причинъ его была переоцѣнка готовности къ революціонной борьбѣ деревни и ея силы, какъ агента вооруженнаго возстанія,—переоцѣнки, въ которой, конечно, менѣе всего виновато само крестьянство. На ноябрьскомъ съѣздѣ оно ясно сказало о себѣ, что оно такое, и какъ увидимъ дальше, когда будемъ говорить о выборахъ въ Думу и о самой Думѣ, не обмануло никого. Здѣсь же отмѣтимъ, что самое политическое выступленіе, послужившее поводомъ къ декабрьскому возстанію,—изданный 1 декабря манифестъ Петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и центральныхъ камитетовъ революціонныхъ партій о неплатежѣ податей, не уплатѣ по займамъ,—было предпринято по иниціативѣ Всероссійскаго крестьянскаго союза, внесшаго соотвѣтствующее предложеніе на засѣданіи совѣта рабочихъ депутатовъ 27 ноября. Внесеніе этого предложенія сопровождалось полной воодушевленія демонстраціей революціоннаго братанія пролетаріата и крестьянства. (См. „Исторію совѣта рабочихъ депутатовъ“ стр. 174). И характерно, что въ этомъ манифестѣ нѣтъ призыва къ вооруженному возстанію, а только къ финансовому бойкоту. Трудно не видѣть здѣсь вліянія союза, т. к. совѣтъ рабочихъ депутатовъ недѣлею раньше уже объявилъ, въ отвѣтъ на арестъ своего предсѣдателя Хрусталева, что „продолжаетъ готовиться къ вооруженному возстанію“. Но и это обстоятельство не помѣшало „стремленію перевести декабрьскую стачку въ вооруженное возстаніе“ (формула московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и революціонныхъ партій), которому суждено было стать декабрьскимъ пораженіемъ.

Великій революціонный годъ завершился торжествомъ контръ-революціи. Но это торжество не было полнымъ. Добытыя октябрьской борьбой завоеванія не могли уже быть взяты обратно. Помимо того, что и буржуазія не склонна была къ отказу отъ народнаго представительства, приходится опять указать на деревню. Никто не думалъ, что гг. генералъ-адъютанты окончательно покорили крестьянина, слѣдовательно, приходилось думать о его успокоеніи хотя какими-нибудь реформами. Надѣясь на умѣренность крестьянскихъ требованій, на возможность оказать вліяніе на крестьянскихъ депутатовъ, правительство созывало Думу на основѣ расширеннаго по указу 11 декабря избирательнаго права, но сохранявшаго прежнее преобладаніе за крестьянствомъ. Революціонныя партіи увидѣли въ этомъ фактѣ не продуктъ побѣды, а ловкій ходъ реакціи: путемъ хитро задуманной избирательной механики, непосредственнаго давленія на избирателей и выборщиковъ, подобрать нужный ей составъ депутатовъ изъ среды господствующихъ классовъ. Вотъ что предсказывалъ, на основаніи научнаго статистическаго изслѣдованія и анализа всѣхъ политическихъ силъ страны, извѣстный статистикъ А. Е. Лосицкій, выражая общее мнѣніе не только соціалъ-демократической партіи, но и всѣхъ революціонно-настроенныхъ слоевъ и группъ.

„Булыгинско-Виттевская система отстраняетъ отъ выборовъ всѣхъ женщинъ, широкіе круги рабочихъ, крестьянъ и интеллигенціи; лишаетъ рабочихъ всякой возможности послать своихъ представителей въ Государственную Думу и сводитъ до минимума политическое вліяніе крестьянства; такимъ путемъ оно создаетъ представительство не народа, а только имущихъ его слоевъ: съ одной стороны землевладѣльцевъ, съ другой торговцевъ и промышленниковъ“. Итакъ въ Думѣ не будетъ ни интеллигенціи, ни рабочихъ, а крестьянство будетъ пользоваться минимумомъ вліянія, а поэтому всѣмъ этимъ слоямъ слѣдуетъ „бойкотировать“ Думу.

Тотъ кто не переживалъ послѣ-декабрьскаго періода, съ трудомъ повѣритъ, что это предсказаніе не было продуктомъ странной умственной аберраціи одного лица, а было почти общимъ для всѣхъ радикальныхъ элементовъ общества.

Дума, на 1 іюня, состояла изъ 127 (28%) земледѣльцевъ и мелкихъ торговцевъ крестьянъ (изъ нихъ 111 земледѣльцевъ и 16 мелкихъ торговцевъ крестьянъ), изъ 115 (26%) интеллигентовъ, изъ 25 рабочихъ и 15 приближающихся къ нимъ частныхъ служащихъ (почти 10%), и только изъ 2 промышленниковъ 1 домовладѣльца и 65 землевладѣльцевъ (15%) *), но изъ нихъ 1 входилъ въ трудовую группу, а 22 были преданы анаѳемѣ своими классовыми сочленами, войдя въ партію, выставившую своей избирательной платформой широкое принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Выборы выдвинули на историческую арену совершенно новое общественное образованіе — „трудовую группу“, и ей наряду съ партіей „народной свободы“ и революціонной соціалъ-демократіей отдали абсолютное большинство мѣстъ въ парламентѣ *).

Кто же создалъ такую Думу?

Крестьяне. Они не послушались призыва къ бойкоту, къ которому присоединился и центр. комитетъ „крестьянскаго союза“. Или абсолютно преобладая въ выборныхъ коллегіяхъ, или же, въ подавляющемъ большинствѣ губерній, — представляя такое значительное меньшинство коллегій выборщиковъ, что присоединеніе ихъ къ той или иной кандидатурѣ рѣшало судьбу послѣдней, крестьянство опредѣлило исходъ выборовъ.

Изъ 6482 выборщиковъ 61 губерніи—2726 или свыше 4/10 посылали крестьяне, и вопреки всѣмъ предвидѣніямъ и всѣмъ насиліямъ они сумѣли отстоять себя при выборахъ.

По меньшей мѣрѣ половина депутатовъ Думы состояла изъ выборщиковъ крестьянской куріи, а изъ остальной половины большая часть избрана при участіи голосовъ крестьянъ. При этомъ именно крестьяне, если не свели на нѣтъ, то во всякомъ случаѣ въ значительной степени обезвредили умыселъ бюрократіи: не допустить въ Думу рабочихъ. Въ Думѣ было до 40 представителей пролетаріата и почти всѣ они, не исключая и соціалъ-демократовъ, были избраны или исключительно, или главнымъ образомъ, крестьянами. Правда с.-д. чаще выбирались прямо какъ рабочіе, но это обстоятельство не мѣняетъ дѣла: крестьяне не хотѣли лишить представительства „братьевъ-рабочихъ“, и даже тамъ, гдѣ были одинъ или два выборщика рабочихъ, они посылали ихъ въ Думу. Интересно, что Московская губернія, пославшая сплошь крайнихъ правыхъ депутатовъ, все же дала мѣсто рабочему соціалъ-демократу Чурюкову.

*) Остальные 98 депутатовъ или 21% состояли изъ 8 торговцевъ средней руки, изъ 15 чиновниковъ, 14 священниковъ и 61 состоящихъ на земской и городской службѣ, изъ которыхъ многіе также принадлежали къ служащей интеллигенціи.

*) Изъ 478 депутатовъ, участвующихъ въ Думѣ къ 26 іюня 290 принадлежало къ этимъ группамъ, изъ нихъ 97 трудовика, 179 кадета и 17 соц.-демократовъ (см. брошюру Бороздина „Государств. Дума въ цыфрахъ“, откуда взяты и предыдущія данныя).

Что же представляла собою избранная главнымъ образомъ крестьянствомъ Дума?

Дума, — которая до ея рожденія на свѣтъ рисовалась, какъ „предательская и угодливо соглашательская“, какъ опора реакціи—въ теченіе своей недолгой жизни заставила признать себя за органъ народнаго гнѣва—и выразительницу народныхъ требованій, а послѣ смерти была названа революціонной даже тѣми, кто въ періодъ ея существованія всю энергію направлялъ на дискредитированіе ея въ глазахъ пролетаріата и „революціоннаго крестьянства“.

Первая Дума пошла „на штурмъ“ стараго порядка,—эта формула какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности.

Дума была окрещена „кадетской“ что соотвѣтствовало видимой, внѣшней гегемоніи, въ Думѣ кадетской партіи. Но уже очень небольшого умѣнья видѣть глубже поверхности явленій, достаточно для того, чтобы отыскать дѣйствительнаго господина Думы, диктующаго ей ея поведеніе: имъ былъ россійскій мужикъ. Кадеты не были бы тѣмъ, чѣмъ они были, если бы рядомъ съ ними не сидѣла сотня трудовиковъ, принесшихъ съ собою всю огромность крестьянскаго горя и чувствующихъ за собою всю мощь еще смутнаго, но глубокаго броженія стомилліоннаго крестьянства.

Зачѣмъ пришли въ Думу „трудовики?“ Въ знаменитый день 13 мая—день отвѣта на декларацію Горемыкина, вождь трудовиковъ Аладьинъ, выражая настроеніе всей трудовой группы, говорилъ: „Я пришелъ сюда, какъ и всѣ вы, со страстнымъ желаніемъ избавить мою родину *отъ тяжкихъ испытаній пути революціи*“. Итакъ, трудовики не революціонеры по принципу, они не ставили своей задачей „развивать революцію до логическаго конца“, какъ ихъ сосѣди слѣва,—соціалъ-демократы. Нѣтъ, они лишь „вѣстники народа“, глашатаи его воли. „Насъ прислала страна *съ опредѣленными требованіями*,—говорилъ Аладьинъ въ той же рѣчи,—и та же самая страна, пока мы сидѣли здѣсь, собрала громадныя силы, готовыя прорваться, способныя поддержать насъ въ нашихъ требованіяхъ“.

Понятна теперь политическая позиція трудовиковъ: предъявить верховной власти народныя требованія и, опираясь на готовность страны поддержать ихъ, добиться приступа къ ихъ осуществленію и прежде всего, „удаленія безотвѣтственнаго министерства и сформированія министерства, которое пойдетъ вмѣстѣ съ народомъ и будетъ подчиняться волѣ народа“ (изъ той же рѣчи). Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ соотвѣтствующаго седержанія была внесена трудовой группой. Кадетская формула (точно неизвѣстная) была послѣ частнаго совѣщанія снята съ очереди и въ Думу даже не вносилась.

Когда же выяснилось, что страна еще не готова активно поддержать Думу, а министерство въ отставку и не думаетъ уходить, то трудовики стремились агитаціонными рѣчами прояснить сознаніе и возбудить активность населенія и всяческими способами старались завязать непосредственныя связи съ народомъ (письма на родину, ходоки, приговоры и т. п.) и, какъ вынуждена была признать и „Рѣчь“, дѣйствительно сблизили Думу съ народомъ и народъ съ Думой. Кромѣ того они внесли экстренное предложеніе объ образованіи мѣстныхъ волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ земельныхъ комитетовъ, избранныхъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ, при чемъ въ оффиціальной мотивировкѣ этого предложенія ясно указали политическую

цѣль, ими преслѣдуемую. „Такая мѣра создала бы живѣйшее сотрудничество между Думой и всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, укрѣпила бы еще болѣе связь со страной и создала бы новыя формы непосредственной моральной поддержки Думы народомъ“. (Стенографич. отчетъ т. I, стр. 589).

Пренія еще яснѣе обрисовали эту цѣль: тотъ же Аладьинъ говорилъ: „Мы разбираемъ вопросъ не только съ юридической стороны, но и со стороны общественной, со стороны борьбы тѣхъ силъ, представителями которыхъ мы являемся. Нашъ аргументъ тотъ, что нужно намъ создать въ странѣ ту силу, которая даетъ намъ возможность побѣдить“. Вся глубокая вѣра въ непобѣдимую силу организованнаго народа, сказалась въ слѣдующихъ словахъ того же оратора:

„Если поднимется вопросъ о землѣ на мѣстахъ, если комитеты возьмутъ его въ свои руки, то могу завѣрить, что не будетъ той власти, которая *могла бы остановить эту работу или рѣшилась бы ее остановить*.

Въ этой фразѣ, особенно въ послѣднихъ словахъ—что власть „не рѣшилась бы“ остановить работу комитетовъ,—разгадка всей тактики трудовиковъ. Вопросъ кадетовъ, на основаніи чего трудовая группа разсчитываетъ, что законопроектъ пройдетъ черезъ государстенный совѣтъ, трудовики формально обошли молчаніемъ, но по существу дали совершенно опредѣленный отвѣтъ. Аникинъ, сославшись на только-что полученную телеграмму съ воплемъ: „жить безъ земли невозможно, какъ безъ хлѣба“, заявилъ, что если Дума не дастъ возможности легальнаго разсмотрѣнія земельнаго вопроса на мѣстахъ, то народъ прибѣгнетъ къ формамъ, нелегальнымъ“, „что произойдетъ тогда, трудно предсказать“, закончилъ онъ. Аладьинъ въ своей, обосновывающей предложеніе рѣчи предупредилъ самый вопросъ, приведя, какъ онъ выражался, слѣдующій „аргументъ государственной безопасности“:

„Я не думаю, чтобы кто нибудь изъ васъ, подобно нашей администраціи, думалъ, что спокойствіе особенно въ слѣдующіе мѣсяцы: іюнь, іюль, августъ, можетъ быть гарантировано казацкой нагайкой или пулеметомъ. Ни то, ни другое никуда не годятся, если народъ, доведенный до от-

чаянія, рѣшается больше не ждать, пока его представители будутъ заниматься дѣлами за него, и самъ поднимется устраивать свои судьбы".

Увѣренность въ грядущей крестьянской революціи позволяла трудовикамъ предвидѣть два исхода: или старый порядокъ, подъ вліянемъ признаковъ начала этой революціи, сдастся на капитуляцію, согласится на организацію народа, чтобы избѣжать анархіи и сохранить хоть что-нибудь, или же народъ явочнымъ порядкомъ осуществитъ законопроектъ Думы, если послѣдній встрѣтитъ противодѣйствіе власти. И эту увѣренность трудовики передали и кадетамъ. Кадеты энергично возстали противъ учрежденія земельныхъ комитетовъ. Они привели массу техническихъ мотивовъ (чрезвычайная сложность вопросовъ: избирательная система, компетенція и взаимоотношеніе комитетовъ разной инстанціи, отношеніе къ Думѣ и пр.), но не могли, хотя и очень глухо, не указать, что земельные комитеты дѣйствительно могутъ организовать крестьянскую революцію и повести ее дальше, чѣмъ это по кадетскому мнѣнію, слѣдуетъ [1]). Но они не рѣшились все же отвергнуть предложеніе трудовиковъ и выставили конкурирующее ему предложеніе: ускорить введеніе мѣстнаго самоуправленія на тѣхъ же демократическихъ основахъ. Такъ сильно было вліяніе на нихъ трудовиковъ или вѣрнѣе самого представляемаго ими крестьянства. Ничѣмъ инымъ, конечно, какъ этимъ вліяніемъ нельзя объяснить того поразительнаго факта, что партія среднихъ общественныхъ элементовъ, признала „руководящимъ началомъ земельной политики передачу земли въ руки трудящихся".

Аграрный вопросъ былъ осью дѣятельности первой Думы, на немъ произошелъ конфликтъ между двумя мірами: старымъ умирающимъ строемъ и новымъ, нарождающимся. И мы видѣли, что крестьянство не играло *пассивной* роли въ немъ: не только экономическая необходимость развязать земельныя отношенія, задерживающія развитіе производительныхъ силъ, придало земельному вопросу это значеніе, но и активность крестьянства.

*) При помощи пресловутой замѣтки „Рѣчи" о томъ, что въ предложеніи трудовиковъ она видитъ желаніе поднять народный Ахеронъ, желаніе, которому она всецѣло не сочувствуетъ—приходится такъ понять слова Котляревскаго, что можно быть сторонникомъ всеобщаго избирательнаго права для центральнаго представительства и мѣстнаго самоуправленія, но находить его „непримѣнимымъ" для подобныхъ земельныхъ комитетовъ.

Помимо роли трудовой группы внутри Думы нельзя упускать изъ вида и той массы наказовъ, приговоровъ и обращеній, которыми крестьянство реагировало на дѣятельность Думы.

Такимъ образомъ необходимо признать, что въ опредѣленіи исторической роли и судьбы первой Думы рѣшающее значеніе имѣло крестьянство.

Точно такъ же и въ сферѣ непосредственной массовой классовой борьбы въ теченіе думскаго періода крестьянская борьба съ помѣщикомъ стояла на первомъ планѣ. Крестьянство же все чаще и чаще давало отпоръ агентамъ правительства при ихъ попыткахъ силою подавить движеніе, а эти попытки нисколько не рѣже дѣлались для подавленія мирныхъ стачекъ и для разгона митинговъ, чѣмъ при крестьянскихъ разгромахъ, къ тому времени значительно уменьшившихся, замѣняясь въ все большемъ и большемъ числѣ случаевъ организованной стачечной формой борьбы.

Анализъ первой половины 1906 года привелъ насъ къ выводу, что послѣ-декабрьское время прошло подъ знакомъ крестьянства: и выборы въ первое россійское народное представительство, и дѣятельность Думы и междуклассовая борьба, и, наконецъ, непосредственныя массовыя столкновенія населенія со старой властью,—вездѣ главнымъ активнымъ дѣятелемъ было крестьянство. Этотъ-то фактъ и позволилъ реакціи разогнать Думу. Она учла, что крестьянство не способно на всероссійское организованное политическое выступленіе, а съ частными вспышками оно вполнѣ разсчитывало справиться, используя не только не-крестьянскія войска, но и систему размѣщенія рекрутовъ, какъ можно далѣе отъ ихъ родины, и всяческія „сборныя роты" изъ наиболѣе темныхъ и покорныхъ солдатъ, или солдатъ-карьеристовъ.

Разгономъ Думы была дана историческая провѣрка политической позиціи трудовиковъ и всей первой Думы. Думу нельзя не послушаться, ибо грянетъ революція, все сметающая на своемъ пути. Вопросъ, можно ли разогнать Думу, рѣшался такой риторической фигурой: „Если вы вдумаетесь серьезно, возможенъ ли разгонъ Думы, то вы поймете, что руководитъ нами, когда мы хотимъ начать немедленную работу по организаціи мѣстныхъ комитетовъ", говорилъ Аладьинъ, аргументируя мысль, что мѣстные комитеты никто не посмѣетъ упразднить. (Стен. отчетъ. Т. I, 683).

Депутаты разогнанной Думы въ своемъ выборгскомъ призывѣ къ народу: ни копейки денегъ и ни одного рекрута правительству, распустившему Думу, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, крестьянство. На него же разсчитывали революціонныя партіи, призывая къ „всенародной забастовкѣ". Среди наиболѣе вліятельной изъ нихъ — соціалъ-демократической — главнымъ аргументомъ въ пользу этой стачки выставлялась возможность толкнуть ею крестьянство на всероссійское выступленіе.

Но стачка пролетаріата хуже чѣмъ не состоялась: она демонстрировала безсиліе пролетаріата: крестьянству не къ чему было примкнуть. Городская буржуазная демократія также не нашла въ ней той силы, къ которой она могла примкнуть съ надеждой на успѣхъ.

Разгонъ Думы прошелъ для правительства безнаказанно, ему не пришлось даже прибѣгать къ подавленію „общихъ безпорядковъ", ожидаемыхъ имъ въ отвѣтъ на разгонъ Думы (см. циркуляръ Столыпина отъ 7 іюля). Настало царствованіе Столыпина-Гурко, опирающееся на Меллеръ-Закомельскихъ, Гершельмановъ, Павловыхъ и прочихъ, и прочихъ, и прочихъ. Въ городѣ проявились съ одной стороны явные признаки вырожденія методовъ революціи въ видѣ экспропріацій и партизанскихъ выступленій, съ другой — уходъ рабочихъ въ профессіональное движеніе съ цѣлью уже не натиска на капиталъ и правительство, а для обороны отъ нападенія капитала, отбиравшаго назадъ завоеванія революціоннаго года.

Демократія городовъ была подавлена и лишь мечтала о новыхъ выборахъ въ Думу, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что она сама не сможетъ помѣшать правительству ни измѣнить избирательный законъ, ни замѣнить Думу „земскимъ соборомъ" по рецепту „союза русскаго народа".

Всѣ упованія возлагались на финансовый кризисъ, на „иностранныхъ банкировъ" и... на крестьянство. Ту же позицію по существу занимала и партія пролетаріата, хотя она еще продолжала вѣрить въ руководящую роль пролетаріата въ революціи.

„Революціонная стихія въ лицѣ деревни должна вступить въ свои права для того, чтобы организованная революція въ лицѣ пролетаріата, могла нанести врагу рѣшительный ударъ", писалъ вскорѣ послѣ роспуска Думы Н. Троцкій, выражая увѣренность, что „именно теперь насталъ моментъ, когда движеніе крестьянства должно принять широкіе размѣры". Предполагая, что это движеніе до выборовъ въ Думу еще не выльется въ возстаніе, онъ предсказывалъ, что Дума „должна быть несомнѣнно болѣе радикальна", чѣмъ первая, и будетъ вынуждена „не на словахъ, а на дѣлѣ искать опоры въ революціонныхъ массахъ" [1]).

Что же, оправдались эти ожиданія?

По внѣшности безусловно „да".

Экономическая борьба крестьнства, хотя и сильно ослабѣла, но не прекратилась. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что происшедшее измѣненіе *формъ* борьбы дѣлаетъ осенніе и зимніе и начало весеннихъ мѣсяцевъ почти мертвыми — съ началомъ же полевыхъ работъ 1907 г. появляются извѣстія о возобновляющихся стачкахъ.

Что касается выборовъ въ Думу, то результаты превзошли всякое ожиданіе. Крестьяне, частью одни, частью въ союзѣ съ городскими избирателями, послали въ Думу 101 трудовика и 115 соціалистовъ, въ числѣ которыхъ 65 соціалъ-демократовъ!

„Дума лѣвая, революціонная"—такова была единодушная оцѣнка второй Думы непосредственно послѣ выборовъ.

---

[1]) Все взято изъ статьи: «Революція и ея силы». (Отдѣльная брошюра)

И что же? Эта лѣвая Дума уже не требуетъ немедленной отставки министровъ, не гонитъ ихъ, какъ первая „кадетская“, молчитъ въ отвѣтъ на декларацію министерства разгона первой Думы, сдаетъ бюджетъ въ комиссію, выражая этимъ, согласно авторитетному признанію И. И. Петрункевича, принципіальное согласіе на принятіе бюджета и, наконецъ,—вотируетъ контингентъ рекрутовъ въ распоряженіе правительства [1]). Въ чемъ причина этого неожиданнаго политическаго эффекта?

Измѣна кадетовъ, которые увлекли за собою колеблющуюся часть трудовиковъ? Такъ объясняютъ смыслъ громаднаго событія тѣ, для кого ходъ исторіи опредѣляется благородствомъ или низостью, даровитостью или бездарностью партій и ихъ вожаковъ.

Спора нѣтъ, что всѣ эти моменты имѣютъ свое значеніе, но никогда не слѣдуетъ забывать, что это значеніе существенно-побочное, если можно такъ выразиться.

Народное представительство, въ которое, какъ въ наше, населеніе, несмотря на недемократическую избирательную систему и дикія избирательныя насилія, сумѣло послать представителей всѣхъ слоевъ населенія и всѣхъ политическихъ теченій, — есть зеркало народа. Его поведеніе отражаетъ настроеніе страны.

Страна сейчасъ на распутьи. Это опредѣляется прежде всего невыясненностью перспективъ крестьянскаго движенія. Если бы у второй Думы была увѣренность первой въ неизбѣжности всероссійской крестьянской революціи въ случаѣ неудовлетворенія требованій Думы, то и поведеніе второй Думы было бы по существу повтореніемъ поведенія первой.

[1]) Совершенно недвусмысленное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что трудовая группа, постановивъ на общемъ собраніи не давать солдатъ безотвѣтственному правительству, которое направитъ ихъ противъ народа, предоставила несогласнымъ право воздержаться отъ голосованія въ Думѣ. И большинство трудовиковъ вовсе не присутствовало въ Думѣ во время голосованія. Это нелестное положеніе «между двухъ стульевъ» какъ нельзя болѣе ярко характеризуетъ неопредѣленность современнаго и будущаго состоянія крестьянскаго движенія. Если бы трудовики были въ немъ увѣрены, они бы смѣло и единодушно отказали въ солдатахъ.

Но этой увѣренности нѣтъ.

Крестьянство продолжаетъ стремиться къ землѣ и волѣ, особенно къ первой,—это показали выборы. Крестьянство не прекращаетъ непосредственной борьбы съ помѣщиками и агентами власти. Аграрные безпорядки и столкновенія съ администраціей не прекращались, а лишь временами затихали съ тѣмъ, чтобы вновь усилиться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ со времени первой Думы многое измѣнилось, а многое просто выяснилось. Выяснилось, что силы сопротивленія господствующаго режима еще настолько велики, что рѣшеніе проблемы о власти, землѣ и свободѣ „захватнымъ путемъ“—невозможно, что непосредственный массовый взрывъ, если бы и былъ возможенъ, не принесетъ побѣды, но и самая возможность его должна быть поставлена подъ сомнѣніе. Не только недостаточность политической сознательности и организованности массъ, но и объективная потребность въ немедленномъ рѣшительномъ выступленіи деревни ослабѣла. Крестьянство сумѣло добиться нѣкотораго улучшенія своего положенія. Уже движеніе лѣта 1906 года носило, какъ отмѣчено выше, иной характеръ, чѣмъ движеніе 1905 г.: разгромы въ большинствѣ случаевъ замѣнились стачками. Правда, какъ это показано Н. Саваренскимъ, измѣненіе *формы* движенія не измѣнило его цѣлей, такъ какъ крестьяне ставили завѣдомо невыполнимыя требованія, чтобы заставить барина ликвидировать свое хозяйство. Но разъ помѣщики на нихъ не шли, то, несомнѣнно, стачечники почти всегда шли на компромиссъ. Они становились на работу или брали землю, удовольствовавшись извѣстнымъ, часто значительнымъ повышеніемъ заработной платы и пониженіемъ арендныхъ цѣнъ.

Нерѣдко результатомъ стачекъ, какъ впрочемъ и разгромовъ, было расширеніе самой арендной площади, такъ какъ помѣщики или совсѣмъ бросали, или суживали, экономическую запашку. *)

*) С. Н. Прокоповичъ высчиталъ впрочемъ неизвѣстно по какимъ даннымъ и какимъ методомъ, что заработная плата увеличилась на 75 мил .

Далѣе, нѣкоторыя группы крестьянства, преимущественно зажиточныя и среднія, оторвались отъ массовой борьбы за землю, дѣлаясь кліентами Крестьянскаго банка, который развилъ лихорадочную дѣятельность послѣ роспуска первой Думы. Частью благодаря дѣятельности банка, частью благодаря „законамъ“ междудумья о насильственномъ въ пользу многоземельныхъ членовъ разрушеніи общины, о залогѣ выдѣленныхъ участковъ, обострились таившіяся внутри деревни соціальныя противорѣчія между различными ея слоями. Эти противорѣчія ослабляютъ общее движеніе крестьянства.

Но такъ какъ къ моменту выборовъ во вторую Думу и во время ея дѣятельности всѣ эти факторы далеко не достигли такой степени вліянія, чтобы можно было признать, что крестьянское движеніе повертываетъ на новый путь, то аграрный вопросъ продолжаетъ быть важнѣйшей задачей Думы по сознанію всѣхъ партій. Народныя массы по прежнему возложили на Думу великую задачу выработать земельный законъ. Законъ этотъ долженъ отразить значеніе крестьянскаго хозяйства въ общемъ производствѣ страны, учесть силу и характеръ крестьянскаго движенія. Отсюда изъ самыхъ глубинъ народныхъ родился лозунгъ „беречь Думу“, беречь, вплоть до выработки закона о землѣ. Но отсюда же и стремленіе правительства, руководимаго союзомъ объединеннаго дворянства, не допустить до выработки Думой нужной крестьянамъ аграрной реформы, по объективной необходимости являющейся противо-помѣщичьей. Въ этихъ цѣляхъ правительство старается всячески повліять на думскій центръ,

---

а арендная плата уменьшилась на 25 мил. Не придавая этимъ цифрамъ, впредь до точнаго указанія источниковъ и пріемовъ исчисленія, значенія статистическаго итога, мы все же указываемъ на нихъ, какъ на нѣкоторый показатель, иллюстрирующій вліяніе движенія на положеніе деревни. Чрезвычайно интересныя данныя приведены въ послѣднемъ выпускѣ текущей статистики по Саратовской губерніи, пережившей наиболѣе интенсивную и упорную крестьянскую войну. Обзоръ констатируетъ громадное предложеніе помѣщичьихъ земель банку, крупное уменьшеніе арендныхъ цѣнъ и расширеніе арендной площади и даже увеличеніе заработной платы, несмотря на неурожай. Причиной этихъ перемѣнъ всѣ корреспонденты называютъ аграрныя волненія.

чтобы заставить его отказаться отъ принудительнаго отчужденія, а если это не удастся, то изобрѣсти поводъ для роспуска Думы не на аграрномъ вопросѣ. И Дума рискуетъ полнымъ политическимъ безплодіемъ, не отмѣняя аграрныхъ мѣропріятій, проведенныхъ на основаніи 87 статьи. Осуществленіе этихъ мѣропріятій разрушаетъ ту комбинацію общественныхъ силъ, на которой покоятся надежды на побѣду демократіи.

Еще въ ноябрѣ 1905 г. авторъ этихъ строкъ писалъ: „Революція принесетъ съ собою или демократію съ уничтоженіемъ класса землевладѣльцевъ и съ передачей земли въ преимущественное пользованіе трудящагося крестьянства или же сдѣлку между буржуазіей, аграріями и самодержавіемъ на основѣ цензовой конституціи съ исключительными законами противъ соціалистовъ, противъ пролетаріата и крестьянской бѣдноты“ („Правда“, ноябрь, 1905 г.).

Столыпинскій методъ рѣшенія аграрнаго вопроса прямикомъ ведетъ ко второму исходу. Удастся ли ему осуществленіе его программы? Этотъ вопросъ есть вопросъ о содержаніи и исходѣ русской революціи.

Вл. Горнъ.

P. S. Раньше, чѣмъ статья увидѣла свѣтъ, давно жданное событіе совершилось. Вторая Дума распущена. Но она не только не выработала аграрнаго закона, но и не отмѣнила аграрныхъ мѣръ междудумья. Правительство поспѣшило изыскать другой болѣе выгодный для него поводъ къ роспуску и къ измѣненію избирательнаго закона какъ разъ въ направленіи союза между исторической властью и обоими господствующими классами. Тяжелый ударъ для крестьянскаго движенія, а съ нимъ и для всей освободительной борьбы, представляетъ собою оставленіе въ неприкосновенности аграрныхъ законовъ г. Столыпина. Если бы Дума была распущена изъ-за ихъ отмѣны, то населенію былъ бы данъ не только опредѣленный, ясный, но и легальный лозунгъ борьбы. Осуществляя право отмѣны законовъ, проведенныхъ на основаніи 87 статьи, Дума стояла бы на строго конституціонной почвѣ, а правительство, практикуя эти мѣры послѣ ихъ отмѣны, стало бы въ явное противорѣчіе съ ос-

новными законами. И эта анти конституціонность произвела бы на массы несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ измѣненіе избирательной системы. Массы живутъ непосредственными матеріальными интересами. Во время политическаго затишья во многихъ мѣстахъ крестьянство протестовало противъ аграрныхъ мѣропріятій междудумья. Землеустроительнымъ комиссіямъ объявлялся бойкотъ, крестьяне воздерживались отъ услугъ крестьянскаго банка, протестовали противъ выдѣла, или запрашивали ту же Думу, что имъ дѣлать, покупать ли землю или нѣтъ, выдѣляться ли и т. п.? А Дума молчала. Съ одной стороны кадеты влекли ее на путь отказа отъ борьбы, на путь обхода или откладыванія всѣхъ конфликтныхъ вопросовъ, и въ томъ числѣ вопроса объ отмѣнѣ помѣщичье правительственнаго способа рѣшенія аграрнаго вопроса; съ другой стороны, крайніе лѣвые, переживая по исторической инерціи митинговый періодъ русской революціи, надѣялись словами возбудить народный Ахеронъ. Такимъ образомъ произошелъ глубоко серьезный и не менѣе глубоко печальный фактъ. Дума не воспользовалась единственнымъ реальнымъ законодательнымъ правомъ отмѣны, безъ помощи Государств. Совѣта, законовъ, порожденныхъ 87-й статьей, и не связала своей судьбы съ важнѣйшей реальной борьбой массъ. Правительство спѣшитъ использовать этотъ промахъ однихъ и отступничество (пусть лишь тактическое) другихъ. Оно спѣшитъ еще до выборовъ въ третью Думу ликвидировать милліонный земельный запасъ, всячески поощряетъ выдѣлъ изъ общины и залогъ выдѣленныхъ участковъ обособившихся „крѣпкихъ" мужиковъ. И теперь труднѣе уже предсказать ему неуспѣхъ: исторія не прощаетъ ошибокъ подобныхъ ошибкѣ второй Думы. И если аграрная политика дворянскаго министерства потерпитъ фіаско, то не столько отъ непригодности административнаго механизма къ какой либо энергичной и толковой работѣ, не столько отъ вліяній партій, сколько отъ активности трудовыхъ массъ крестьянства, не склонныхъ къ столыпинскимъ земельнымъ мѣрамъ и не остающихся пассивными зрителям и при использованіи этихъ мѣръ верхними слоями деревни.

В. Г.
